

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 16, 2016

Владикавказ 2016

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
З. В. Канукова

Редакционная коллегия:
С. А. Айларова, Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Б.В. Туаева, Р. Н. Абисалова, Е. Б. Дзапарова, И.В. Малиева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, PCO–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Киреев Ф. С. ОСЕТИНСКИЙ КОННЫЙ ПОЛК НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	5
Дзалаева К. Р. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	12
Дзалаева К. Р. ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ МИССИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	18
Пчелинцев М. В. Л. П. БЕРИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА: ПАЛАЧ ИЛИ ОБОЛГАННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННИК?.....	25
Цагараев В. Ю. ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ВОЙНЫ К МИРУ (1945 – НАЧ. 50-Х ГГ.).....	32

II. ИСТОЧНИКИ.
ИСТОРИОГРАФИЯ

Дзлиева Д. М. ОПЫТ СОЗДАНИЯ МУЛЬТИМЕДИА ПРОЕКТОВ ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ И МУЗЕЙНЫМ КОЛЛЕКЦИЯМ.....	38
Журтова А. А. РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В XVIII-XIX ВВ. В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	42
Огузова Д. А. КОНЦЕПЦИЯ МАРКА БЛОКА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.....	52

III. АРХЕОЛОГИЯ.
ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дауева Т. Т. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСЕТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА.....	56
Дзагоева Э. П. ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПОДХОДАХ К НАКАЗАНИЮ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ XIX ВЕКА).....	63
Битиев Б. А. РАЗВОД В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ОСЕТИН	69
Кумахова З. Х. КАРТИНА МИРА ЧЕРКЕШЕНКИ XIX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА.....	75
Габниа Д. АБХАЗСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	80
Туваанжав С. МОНГОЛЬСКАЯ ПРОДОЛЬНАЯ ФЛЕЙТА (ЦУУР) В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ	84

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Цаллагова И. Н. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ ЛЕКСИКИ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА.....	90
Абаева Ф. О., Маргыты И. Т. К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОСТАВЕ РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА (ШЕРСТЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ)	101

Семенова Т. В. ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	108
Ахуба А. З., Цвейба Л. В. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ	113
Бутаева М. Б. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ТАБУ В ОСЕТИНСКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ	118
Дзассохова Л. В. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДЛОГ <i>ÆНÆ</i> В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	123
Хеция Н. А. О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА БУДУЩИХ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ АБХАЗСКОГО ГЛАГОЛА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	127
Худалова М. Т. О ТЕРМИНЕ <i>ÆНДОН</i> «СТАЛЬ» В СКАЗАНИЯХ О НАРТАХ	133
Худалова М. Т. ТЕРМИН <i>ÆФСÆН</i> «ЖЕЛЕЗО» И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ	141
Миндзаева Д. Р. МЕТАФОРА ВО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ОСЕТИНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ЭМОЦИЮ ГНЕВА	149
Зангиева З. Н. КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В ИДИОМАТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ДУША»)	157
V. ПОЛИТОЛОГИЯ	
Туаева Б. В., Туаев С. А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО МИРА И СОГЛАСИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	165
Бирагова Б. М. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДΙΑСПОР ТУРЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	171
Машезова Л. Р. ЦЕННОСТЬ И МОТИВЫ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛАЗАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	177
Ефремова А. А. ФИНАНСЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СЧАСТЬЯ	183
МАСТЕР-КЛАССЫ	
Дзаттиаты Р. Г. ЕЩЕ РАЗ О СКИФСКИХ БЛЯШКАХ	188
Туаллагов А. А. ШАМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ	194
Хагба Л. Р. СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ЧИСЛО» В АБХАЗСКО-АБАЗИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	198
Чеджемов С. Р. К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ВХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С УЧЕТОМ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА	206
Дзагурова Н. Х. ЖЕНЩИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)	213
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	222

ИСТОРИЯ

Ф. С. Киреев,
нас Института истории и археологии РСО-А
(г. Владикавказ)

ОСЕТИНСКИЙ КОННЫЙ ПОЛК НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию участия Осетинского конного полка в Первой мировой войне 1914-1918 гг. Рассматриваются структура полка, механизм его формирования и хронология участия в боевых действиях. Впервые в историографии приводятся фамилии офицеров полка и георгиевских кавалеров из числа нижних чинов.

Ключевые слова: Осетия, осетины, первая мировая война, георгиевские кавалеры, казачество, Кавказ.

The article researches the Ossetian Horse Regiment participation in the First World War, 1914-1918. The structure of the Regiment, mechanism of its formation and chronology of participating in the warfare are analyzed here. It is the first time in historiography when the regiment officers and Cavaliers of St. George among the lower ranks surnames are represented.

Keywords: Ossetia, Ossetians, the First World War, Cavaliers of St. George, the Cossacks, the Caucasus.

В армии Российской Империи, в которой не было деления по национальному признаку, в мирное время существовали лишь три регулярные армейские части, сформированные из представителей одной нации: Дагестанский конный полк, Туркменский и Осетинский конные дивизионы.

Подробная история Осетинского конного дивизиона, позднее развернутого в полк, до сих пор еще не существует. Конкретно о данном соединении писал лишь Г. В. Баев. В работе «Осетинский дивизион. Историческая справка» [1] он в основном описывает историю дивизиона в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В другом издании «Боевая служба осетин» [2], приуроченном к переформированию дивизиона в полк Баев дополнил свой прежний труд информацией об участии осетин в русско-японской войне 1904-1905 гг. и Первой мировой войне.

Впервые Осетинский дивизион был сформирован в составе Терско-Горского конного полка во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [3]. Совершив массу подвигов, показав героизм и отвагу, осетины заслужили высокую оценку своей ратной службе, и дивизион получил Георгиевское знамя [4, 23].

Вскоре после окончания войны дивизион был расформирован, о чем в Осетии сожалели, и не раз различные делегации просили Государя Императора восстановить его. После введения в 1886 г. в России всеобщей воинской обязанности, по которой призыву подлежало только христианское население, осетины-мусульмане добились права на равных с православными осетинами нести воинскую службу [5, 27].

Согласно приказу по военному ведомству от 10 июня 1890 г. № 201, вновь был сформирован Осетинский конный дивизион. Согласно этому документу, штат дивизиона состоял из командира (полковник или войсковой старшина), заведующего хозяйством (есаул), двух сотенных командиров (есаулы), одного подесаула, четырех сотников и двух хорунжих. Всего 11 офицеров. Нижних чинов строевых было 269 (два вахмистра, восемь старших урядников, восемь младших урядников, один штаб-трубач, шесть трубачей, шестнадцать приказных и 228 всадников). Нестроевых нижних чинов было 34 человека (писари, фельдшеры, оружейные мастера, обозные, всадники для прислуги). В дивизионе насчитывалась 291 лошадь [6].

Формировался дивизион до конца 1890 г. и 16 января 1891 г. был назначен первый командир. Им стал участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. подполковник Алексей Карлович фон Крузенштерн, который оставался во главе дивизиона шесть лет.

9 апреля 1897 г. командиром Осетинского дивизиона был назначен полковник Михаил Лыщинский [7, 729].

3 ноября 1899 г. во Владикавказе в торжественной обстановке дивизиону был вручен штандарт. Освящение штандарта совершил епископ Владикавказский и Моздокский Владимир, после чего чины дивизиона были приведены к присяге, и начальник дивизии вручил штандарт коленопреклоненному командиру дивизиона полковнику М. А. Лыщинскому. В тот же день

полковник Лыщинский издал приказ по дивизиону, в котором были такие слова: «Пусть отныне облик святого Георгия, красующийся на нашем штандарте, будет служить нам всегда и везде напоминанием благословия Божьего, данной клятвы на верность и путеводной звездой на славу нашего дивизиона» [8, 47].

В последующие годы командирами дивизиона были полковники Г.Г. Ткаченко, В.Д. Сердаковский, Н. Н. фон дер Нонне, А.А. Яхонтов, а к началу Первой мировой войны дивизион возглавлял полковник Сафар-бей Мальсагов [9, 538].

К этому времени дивизион квартировал в г. Ставрополе и входил в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии. Его рядовой состав (всадники) целиком состоял из осетин, а вот среди офицеров были представители разных национальностей.

На 1912 г. в дивизионе служили: полковник Мальсагов, ротмистры Василий Панфилов, Георгий Кануков, Владимир Крылов, Давид Абадиев, штабс-ротмистры Константин Кобиев, Федор Сыцялко, Николай Гуржибеков, поручики Георгий Махатадзе, Борис Нагайбаков, Юсуп Макуев, корнеты Михаил Абадиев, принц Нуси-Ага, Решид Шамилев, Борис Осиповский и прапорщик Николай Цаллагов [10, 538].

С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. Осетинский конный дивизион в составе своей дивизии сразу же отбыл на фронт, и уже в первых числах августа осетины перешли австрийскую границу.

13 и 14 августа 1914 г. 3-я армия, в которую входила 3-я Кавказская казачья дивизия, нанесла ряд поражений неприятелю, и он поспешно стал отступать. Осетинский дивизион, вместе с другими конными частями, бросился преследовать противника. В результате было захвачено 10000 пленных и 60 орудий.

2 и 3 сентября 1914 г. отличился ротмистр Владимир Крылов, «действуя с дивизионом впереди левого фланга конного корпуса в направлении на Старшаву, раскрыл силы противника и смелыми действиями заставил его отступить и, находясь всё время под сильнейшим огнем противника, доставлял командиру корпуса ценные сведения» [11]. За эти смелые действия ротмистр Крылов был награжден Георгиевским оружием.

25 января 1915 г. полковник Мальсагов получил в командование 1-й Дагестанский конный полк, а Осетинский дивизион возглавил подполковник Владимир Крылов.

Война есть война и, к сожалению, сражения не обходились без потерь. Из офицеров в боях осенью 1914 г. погибли корнеты Михаил Каиров и Владимир Щеглов. Храбрый корнет Щеглов посмертно был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Корнет Щеглов награду получил «за то, что в бою 4 ноября 1914 г. у д. Лази, командуя эскадроном, увлекая подчиненных примером личной и беззаветной храбрости, невзирая на огонь противника, в спешном строю, идя впереди всех, выбил противника из четырех рядов окопов и, будучи

ранен первый раз в нижнюю челюсть, продолжал наступление, пока при взятии четвертого ряда окопов не был смертельно ранен в бок и не потерял сознания» [12].

В последующие месяцы Осетинский дивизион сражался в предгорьях Карпат и Галиции, прикрывая отступление русской армии. Всадники-осетины воевали мужественно и не раз получали благодарности от начальства. Но в дивизионе по-прежнему лишь две сотни, а желающих послужить Отечеству было предостаточно. Несколько раз представители осетинского народа, во главе с отставными генералами А. Борукаевым и И. Гайтовым и другими влиятельными лицами, просили Государя Императора развернуть дивизион в полк. Государь Николай II внял их просьбам, и осенью 1915 г. последовал приказ о переформировании дивизиона в полк [13].

Осетинский дивизион был снят с фронта и 14 сентября 1915 г. выступил из г. Слуцка через г. Бобруйск в г. Армавир, куда прибыл 20 октября 1915 г. По новым штатам в Осетинском конном полку должны были числиться: 22 офицера, 3 врача, 1 чиновник, 868 строевых и 83 нестроевых нижних чина (всадника), всего 977 человек [14, 9].

26 декабря 1915 г. подполковник Крылов доложил начальству, что формирование полка закончено, а на следующий день он сдал полк новому командиру полка полковнику Абдул-беку Табасаранскому, прибывшему из 1-го Дагестанского конного полка. В эти же дни полку было вручено георгиевское знамя бывшего Осетинского дивизиона, полученного за отличия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. После расформирования дивизиона знамя хранилось во Дворце Начальника Терской области.

К этому радостному событию прибавилось еще одно: вахмистры Виссарион Хадиков и Константин Сокаев за боевые отличия получили Георгиевские кресты 1-й степени и стали полными Георгиевскими кавалерами. Виссарион Хадиков вскоре был произведен в прапорщики и продолжил службу уже офицером.

В дальнейшем также полным георгиевским кавалером стал уроженец села Владимировское (Батако-юрт) старший урядник Афанасий Аликов [15].

В начале января 1916 г. полностью укомплектованный Осетинский конный полк отбыл на фронт.

В его рядах состояли: командир-полковник Табасаранский; помощники командира полка — подполковники Крылов и Кобиев; командиры сотен-поручик Юшков, подъесаул Белогорцев; штабс-ротмистр Обухов; поручик Смирнов; штабс-ротмистр Чистяков; капитан Меркулов, а также ротмистр Панфилов, капитан Дзугаев, штабс-ротмистр Нагайбаков, поручики Шамилев, Торчинов, Цаллагов, Макуев, Мальсагов; сотник Стороженко; корнеты Дзугаев, Кокаев, Церпицкий; прапорщики Бакрадзе и Кошуба [16: 11].

Прибыв на фронт, Осетинский конный полк вновь вошел в 3-ю Кавказскую казачью дивизию, составив с 1-м Дагестанским конным полком 2-ю бригаду. Из Буковины дивизия была переведена в Полесье и включена в состав 4-го конного корпуса генерала Гилленшмидта. Летом 1916 г. началось наступление

Юго-Западного фронта, а в бездонных трясиных Полесья без всякой пользы завязло семь превосходных конных дивизий, о них словно забыли. Но они своего часа дождались и, посланные в наступление, наголову разбили германцев в боях у Галузии, Волчеца и Маневичей.

Вскоре после Февральской революции в командном составе полка произошли некоторые изменения. В него стали переводить офицеров-осетин из различных армейских частей. В полк прибыли: полковник Василий Тускаев, ротмистр Павел Кибиров, корнеты Георгий Дзодцоев и Александр Казбек, прапорщики Николай Гульдиев и Хакудзо Босиев.

26 мая 1917 г. новым командиром полка был назначен полковник Василий Хетагуров. Впервые за долгие годы во главе полка стал командир-осетин. После многолетней службы в Терском казачьем войске для полковника Хетагурова было почетно повести в бой земляков.

Когда началось летнее наступление русской армии, 3-я Кавказская казачья дивизия приняла в нем активное участие. Несмотря на то, что под влиянием большевистской пропаганды армия начала разваливаться, Осетинский полк еще сохранял боеспособность. Благодаря этому ему поручали самые ответственные задания.

В июле 1917 г. пехотные части, бросив фронт, стали беспорядочно отступать. Прикрывать это бегство у города Монастержиско пришлось Осетинскому полку, и 11 июля произошла трагедия. В Монастержиско хранились большие запасы боеприпасов, и в город послали саперную команду взорвать их. Саперы взорвали склады, не предупредив осетин, продолжавших сражаться на окраине города. В результате погибли полковник Хетагуров и несколько десятков всадников. Все это произошло на глазах у генерала П. Н. Врангеля, который в те дни командовал корпусом и выехал в Монастержиско сообщить осетинам об отступлении [17, 57].

Тело полковника Хетагурова было найдено, его привезли во Владикавказ и предали земле в ограде Осетинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы [18]. К сожалению, позднее его могила была утеряна, и ныне ее место неизвестно.

После гибели полковника Хетагурова Осетинский полк возглавил войсковой старшина Петр Занкисов из 1-го Кизлярско-Гребенского полка. В командовании он пробыл до 9 сентября 1917 г., когда по болезни сдал полк подполковнику Хаджимуссе Дзугаеву [19].

При подполковнике Дзугаеве Осетинский полк был выведен из состава 3-й Кавказской казачьей дивизии и включен в состав формируемого Кавказского туземного конного корпуса.

В конце сентября 1917 г. части Туземного корпуса прибыли в Терскую область, где развертывание корпуса продолжилось. Начал формироваться 2-й Осетинский конный полк, командиром которого стал полковник Григорий Келер. Оба Осетинских полка составили 2-ю бригаду полковника Якова Хабаева и вошли в состав 2-й Кавказской туземной конной дивизии, начальником которой был назначен генерал-лейтенант Хоранов. 24 октября

1917 г. командиром 1-го Осетинского конного полка был назначен полковник Сафрон Урумов.

В конце декабря 1917 г. за отличия в летнем наступлении подпрапорщик К. Сокаев был награжден орденом Святого Георгия 4-й ст. [20]. Это был редкий случай, когда нижний чин, полный георгиевский кавалер, получил офицерский Георгиевский крест.

С 24 июня 1917 г. орденом святого Георгия могли награждаться также солдаты и матросы, но лишь в том случае, если в момент совершения им подвига награждаемый исполнял обязанности офицера. При этом на орденскую ленту крепилась белая металлическая лавровая веточка. Правда, обладателями такой награды стали всего два человека — подпрапорщик 71-й артиллерийской бригады Иосиф Фирсов и подпрапорщик Осетинского конного полка Константин Сокаев, причем Сокаев был награжден орденом 22 декабря 1917 г. — через 6 дней после упразднения самой награды. Сокаев стал последним из числа осетин, удостоенных этой высокой награды.

В текущей войне в едином строю всадникам-осетинам воевать больше не пришлось. К январю 1918 г. Осетинские конные полки фактически распались, а официально их расформировали в мае 1918 г.

После октября 1917 г. бывшие однополчане по Осетинскому конному полку, избрав каждый свой путь, пошли по разные стороны братоубийственной войны. Но все они навечно остались в истории полка. Исследователям еще предстоит выявить всех офицеров и нижних чинов данного соединения. Их самоотверженная верность Отечеству должна служить примером для нового поколения, они достойны гордости и памяти.

Примечания:

1. Баев Г. В. Боевая служба осетин. Владикавказ, 1915.
2. Баев Г. В. Осетинский дивизион. Историческая справка. Владикавказ, 1903.
3. Приказ по войскам и Управлениям Терской области от 6 ноября 1876, № 87.
4. Баев Г. В. Боевая служба осетин.
5. Баев Г. В. Боевая служба осетин.
6. Приказ по военному ведомству от 10 июля 1890, № 201.
7. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 г. СПб, 1908.
8. Баев Г. В. Осетинский дивизион. Историческая справка
9. Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис, 1911.
10. Кавказский календарь на 1912 год.
11. Приказ по армиям Юго-Западного фронта от 24 ноября 1914, № 291.
12. Высочайший приказ от 26 августа 1916.
13. Приказ штаба Верховного главнокомандующего от 30 ноября 1915 № 307.

14. Архив Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований (СОИГСИ) Ф.1, Оп.1, Д. 282.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф.970, оп. 3, д.1930
16. Архив СОИГСИ Ф.1, Оп.1, Д. 283.
17. Врангель П. Н. Воспоминания, Т. 1, М. 1992.
18. Терский вестник, 26 июля 1917, № 70.
19. Приказ по Кавказскому туземному конному корпусу от 9 сентября 1917, № 5.
20. Приказ по 8-й армии от 22.12.1917 № 3239..

К. Р. Дзалаева,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье исследуется проблема развития школьного дела в Осетии в период второй половины XIX — начала XX вв. Предметом изучения явились социально-культурные особенности этого процесса, заметно отличающие осетин от других северокавказских народов. Они способствовали трансформации их ценностно-ментальной системы под воздействием русской школы, формировали у них новые социокультурные потребности и стали мощным фактором феноменального интереса к образованию в регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Осетия, российско-осетинское взаимодействие, трансформация социально-культурных потребностей, просвещение, школьное дело, стремление к образованию

The article deals with a problem of development school affairs in Ossetia during the second half of XIX — early XX centuries. Social and cultural features of this process that visibly distinguish Ossetians from the other North Caucasians were the subject of this study. It has assisted to the transformations of their values and mental system under the influence of Russian school, has formed new social and cultural needs and has become the powerful factor in the phenomenal educational interest in the region.

Keywords: North Caucasus, Ossetia, Russian and Ossetian interaction, the social and cultural needs transformations, education, schooling, aspiration to education.

Включение территории Северного Кавказа в Российскую империю неизбежно повлекло за собой взаимодействие этих двух совершенно непохожих по ментальности миров на всех уровнях и во всех отраслях жизнедеятельности. Решая стратегические задачи, отражающие имперские интересы в регионе, российская администрация, извлекая уроки из затяжной Кавказской войны, со временем стала менять тактику в покорении северокавказских горцев и замирении края, все больше отдавая предпочтение идеологическому воздействию — «обрусению туземцев» посредством различных средств культуры.

Расценивая приверженность народов Северного Кавказа к своим древним традициям, их почитание собственной национальной исторической памяти как «непростительную духовную одеревенелость», как возведение ими «авторитета старины чуть ли не в религиозный культ», представители российской власти усматривали «начало самого глубокого невежества, духовной спячки, явную вражду прогрессу» в аулах Северного Кавказа в «почти полном отсутствии в горских племенах школ», что в значительной степени задерживало «дело обрусения горцев», и выражали огорчение по поводу того, что «превращение одной народности в другую, т.е. обрусение горцев идёт с поразительной медленностью»; придерживались убеждения, что «научное образование, даже такое, какое вкладывается в незатейливую программу сельской народной школы, облагородив ум горца, поможет ему смягчить свой нрав» и тем самым «внесет в жизненный строй горских племен Северного Кавказа новую струю, освежающую и очеловечивающую разумное существо-горца начал и положит конец той вражде и ненормальностей, какая красной чертой проходит через все отношения горцев и русских» [1, 2]. Согласно данным «Терского календаря» за 1896 год, на 421 тыс. человек населения Северного Кавказа имелось всего 30 низших учебных заведений, из которых 24 школы с 1,921 учеником содержатся в осетинских селениях; остальные же 6 школ с 458 учащимися открыты для детей всех других горских народов Терской области [2]. Таким образом, неотложное дело образования среди северокавказских народов на рубеже XIX-XX вв. было осознанно всеми руководящими сферами — общественными и правительственными.

В силу целого ряда объективных причин развитие школьного дела особую популярность получило в Осетии, что и отражено в приведенной выше статистике.

Первая школа для осетин появилась в Моздоке. Усмотрев в учреждении в Моздоке Духовной Осетинской школы «надлежащее средство к просвещению и усмирению народов», высочайшим указом от 21 октября 1764 года на имя Астраханского губернатора Бекетова, императрица Екатерина II «повелеть соизволила: при училище в Моздоке наискорее завести школу для осетинских, ингушских и прочих горских народов, — на счет суммы из тамошних доходов или из процентов Астраханского банка, причем управление школою поручено Астраханскому губернатору и Кизлярскому коменданту. Скоро школа эта с избытком преисполнилась учениками, которых число сначала превосходило 200 человек. В 1770 году... осетинская школа вошла в состав и полное распоряжение Духовной комиссии. В инструкции... Протоиерею той комиссии Иоанну Болгарскому между прочим указано: стараться, чтобы ученики этой школы никогда не забывали своего родного языка и чтобы таких учеников со времени поставлять в священники к церквам новообразованных христиан и посылать проповедниками» [3]. Учебно-методический контроль в Моздокской школе осуществлялся представителями российского чиновничества, которые посредством школы намеревались в ее стенах готовить учащихся, владеющих русским языком, к правительственной службе во

благо российского общества. Помимо этого, эта школа была устроена в противовес влиянию ислама. Ее выпускники привлекались в основном к работе в Осетинской духовной комиссии. В связи с объективными историческими причинами и рядом обстоятельств первая Моздокская школа просуществовала 30 лет.

Первоначально миссия распространения образования среди осетин посредством устройства школ была возложена на «Общество Восстановления Православного Христианства на Кавказе», усилиями которого школы стали появляться во всех горских христианских приходах. Главную их цель составляло воспитание детей горских семейств в духе православной веры, распространение необходимых сведений по образу их жизни, нуждам и занятиям.

В отличие от большинства северокавказских народов, в Осетии, несмотря на бытовавшее в народе изначальное недоверие и неприязнь к школе, к началу XX века стремление к школьному образованию стало устойчивой тенденцией на пути к социально-культурному прогрессу, «важным политическим полем», «глубоко национальным движением», в котором участвовали все слои осетинского общества [4, 303; 335]. Так, в 1899 году в Северной Осетии функционировали уже 72 школы (мужские и женские), в том числе рукодельные мастерские, реальное училище, прогимназия, четыре высших начальных училища во Владикавказе, духовная семинария в Ардоне, воскресные и частные школы и др. [5].

Позиционирование школ залогом будущего развития, как в духовном, так и в материальном отношении, способствовало широкому развитию школьного дела в Осетии ощутимыми темпами. Эта феноменальная популярность школ среди осетин объясняется осознанием ими неоспоримых выгод и перспектив, открывающихся перед образованным человеком, его высокая конкурентоспособности в условиях быстро меняющегося общественного уклада жизни и способа ведения хозяйства, возможностью качественного улучшения жизни.

Следует заметить, что все свои усилия по распространению образования «Общество восстановления христианства на Кавказе» обращало на осетин-христиан, в то время как осетины-магометане долгое время оставались без должного внимания. Побуждали к открытию школ лишь отдельные передовые личности из их числа, пропагандирующие ту истину, что школа является «могучим обновителем и двигателем в жизни». И благодаря их усилиям дело начало сдвигаться с места. Первым в середине 80-х годов XIX века подало пример в этом благом начинании селение Эльхотово, в котором при содействии братьев Урусовых была открыта школа. Однако еще несколько лет она оставалась в непригодном помещении. И лишь в 1895 году сельчане решились построить новое здание и учредить двухклассную министерскую школу. Вторая магометанская школа появилась в Беслане. Ее основателем стал осетин Гаха Гутиев: «этот скромный труженик первый подал пример всем осетинам, пример частной помощи в деле просвещения... Он безвозмездно уступил под школу свой каменный дом с большим двором и другими

постройками... Теперь в этой школе 2/3 учеников — магометане, учитель не нахвалится их успехами» [6].

Одной из значимых социально-культурных особенностей развития школьного дела в Осетии выступило признание осетинами острой необходимости развития женского образования: «само население вполне осознало пользу образования и всячески старается поддержать существование своих школ... К женскому образованию осетины также относятся весьма сочувственно. Они поняли, что значит образованная женщина в семье...» [7]. Как известно, у истоков осетинской женской школы стоял Владикавказский благочинный протоиерей Аксо Колиев, открывший в 1861 году на собственные средства в своем же доме школу для обучения девочек-осетинок грамоте и началам христианского учения. В первые годы школа А. Колиева имела один класс и предлагала лишь самые элементарные познания. В 1863 году ее посещало от 10 до 23 девочек.

В 1866 году, по воле его Величества Августейшего председателя «Общества восстановления христианства на Кавказе», эта школа была преобразована во Владикавказскую Ольгинскую осетинскую женскую школу и, кроме подготовительного класса, в ней были открыты еще два и учрежден пансион для 24 девочек, также под ее нужды было выделено удобное помещение с необходимыми к нему службами. Школа была принята под покровительство Ее Императорского Высочества Великой княгини Ольги Федоровны, в честь которой и получило свое новое название. К 1872 году в школе насчитывалось уже 24 пансионерки и 35 приходящих учениц. Помимо собственно осетинок, в школе обучались представительницы разных национальностей.

Современник отмечал, что Владикавказская осетинская женская школа оказала важное образовательное влияние на девиц-осетинок, особенно тем, что «почти все из них, за последнее время слушавшие уроки в этой школе, по окончании курса, выходили замуж за осетин, воспитавшихся в Александровской учительской школе, что теперь институт в Тифлисе. Последние, поступая на должность сельских учителей, в среде своих соотечественников, имеют в своих женах лучших помощниц в деле обучения в народных мужских и женских училищах; нередко, впрочем, бывает, что муж обучает в школе мальчиков, жена — девочек из тех же осетин» [8]. Позднее, в 1891 году, это учебное заведение было преобразовано во Владикавказский женский осетинский приют с училищем, которое всегда пользовалось «хорошей репутацией».

Идея А. Колиева о создании женской школы оказала огромное влияние на приобщение осетинок к благам русской и общеевропейской культуры и их эмансипацию и встретила в сердцах соплеменников сочувствие и поддержку: «свободный прием учениц всех вероисповеданий и сословий, изгнание наказаний и вежливое обращение преподавателей с детьми подвинули дело вперед выше ожидания, ни холод, ни грязь не останавливают учениц собираться для занятий два раза в день» [9].

«Из стен этой школы за время ее существования вышли сотни интеллигентных осетинок — превосходных народных учительниц, примерных тружениц-матерей семейств. Благодаря ее возникновению и самоотверженному труду во благо родного народа женщины Осетии получили доступ к образованию первыми на Северном Кавказе [10].

Успех и востребованность первой женской школы во Владикавказе способствовали возрастающему интересу к женскому образованию по всей Осетии, в том числе и в ее горной части. Общественность утверждалась во мнении, что «в семейной жизни образованная мать сильнее влияет на воспитание детей, чем образованный отец» [11]. Подобных взглядов придерживался русский философ В. В. Розанов, утверждавший мысль о том, что «какова женщина, такова есть и очень скоро станет вся культура». Возможность организации женского образования в Осетии была обоснована прежде всего демократической по характеру традиционной культурой осетин [12, 14; 96].

К началу XX века понимание важности женских школ в жизни общества стало неоспоримым, поскольку в новой картине мира, формирующейся в результате межкультурного взаимодействия и влияния процессов пореформенной модернизации, характеризующих рассматриваемый период, все более укоренялась уверенность в том, что устроенные на отвечающих разумным педагогическим требованиям началах женские школы и другие учебные заведения, «окажут населению громадные услуги в деле начального воспитания», а «под надзором опытных и любящих свое дело учительниц, в девочках будут укрепляться сознательно добрые привычки, стремление к добру и любовь к умственному самоусовершенствованию и к окружающим их людям, обществу», эти школы, «выпуская своих питомцев и определяя их в средние учебные заведения, смогут наградить Осетию образованными лицами, великое значение которых в деле воспитания теперь признано всеми, и благодетельная сила которых считается истиною, не требующих никаких доказательств», такие школы «окажут громадную услугу населению, нуждающемуся в плодах учения» [13].

Женское образование во Владикавказе развивалось быстрыми темпами: в 1874 году в городских учебных заведениях обучалось 196, а в 1898 году — 469 девочек.

К 1917 году успехи осетин в развитии школьного дела были уже более, чем очевидными и нельзя было не признать того, что «...осетины демократичны по своей натуре... Все согласны, что миром должна управлять азбука, а не меч и ружье, и, кажется, ни для какой школы это так не применимо, как для осетинской... В правильно организованной школе, как основном факторе культурного развития, нуждается каждый народ, тем более, осетины. Там, где население сплошь неграмотно, там трудно думать о каком-либо экономическом благосостоянии... Стремясь к приобщению осетин к великим идеалам русского народа, школа не должна грубо ассимилировать их» [14].

Вкусив плоды первичного образования, осетины проявили тягу к знаниям и рамки церковных школ, отдающих приоритет лишь религиозному просве-

шению, стали тесны для них. Осетия стала нуждаться в распространении светского образования, дающего гораздо больше преимуществ в изменившихся жизненных обстоятельствах и открывающихся возможностях. И дальнейшая волна в развитии школьного дела была связана с удовлетворением этой новой социально-культурной потребности осетинского социума. Это привело к появлению министерских школ и развитию системы образования на всей территории Осетии. Во главу угла образовательного процесса в таких школах, прежде всего, ставилась задача воспитания в учениках духа преданности России и гражданственности. Обучение шло на русском языке, учителя были более подготовлены, появились более-менее приспособленные учебники. Общее заведование школами оставалось в руках учителей. А священники остались только законоучителями. В министерских школах велось обучение сельскому хозяйству, представляющее для осетин практический интерес — при школах разводились фруктовые сады, огороды, питомники, цветники, столярные и слесарные мастерские или пасеки. Такой подход к школьному делу рождал больший интерес и уважение среди осетин [15].

Развивая школьное дело в Осетии, российская администрация стремилась воспитывать молодого осетина «в полном смысле этого слова», «гармонически развивать его ум, сердце и волю», «воспитывать в нем ясное чувство любви к России и понимание общественного блага» [16]. Школы стали мощным русификаторским фактором в регионе, приобщавшим осетин к основам государственности и гражданственности, и способствовали утверждению общероссийской идентичности в регионе.

Примечания:

1. Терские ведомости, 1897, № 68.
2. Терский календарь. 1896.
3. Кавказ. 1846. № 13.
4. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX века. Владикавказ, 2000.
5. Терские ведомости. 1899. № 120.
6. Баев Г. Отрадное движение // Терские ведомости. 1896. № 44.
7. Казбек. 1900. № 875.
8. Терские ведомости. 1872. № 52.
9. Терские ведомости. 1900. № 69.
10. НА СОИГСИ Ф. Бациева А. С. Оп. 1. Д. 84. Л. 28.
11. Терские ведомости. 1910. № 235.
12. Кусаева З. К. Художественный опыт К. Л. Хетагурова — драматурга. Владикавказ, 2009.
13. Казбек. 1900. № 875.
14. Терек. 1917. № 5705.
15. Терек. 1917. № 5706.
16. Терек. 1917. № 5709.

К. Р. Дзалаева,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г.Владикавказ)

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ МИССИЯ
СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается северокавказская интеллигенция в период второй половины XIX — начала XX вв., характеризующийся процессом формирования и утверждения общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Предметом исследования выступила миссия посредничества национальных интеллигентов между двумя качественно различными нравственно-культурными системами ценностей — российской модернизирующейся и северокавказской традиционной. Акцент делается на самоотверженности представителей зарождающейся горской интеллигенции в деле распространения просветительских и реформаторских идей, в их осознании необходимости социокультурного сближения и неотвратимости интеграции их народов в единое государственное пространство Российской империи.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, межкультурное взаимодействие, формирование общероссийской идентичности, национальная интеллигенция, просветительство, посредническая миссия.

The article discusses the North Caucasian intelligentsia during the second half of XIX — early XX centuries, characterized by the formation and adoption of Russian national identity in the North Caucasus. The subject of the study was the mission of national intellectuals' mediation between the two qualitatively different moral and cultural value systems — the Russian modernizing and traditional North Caucasian one. The emphasis is on the dedication of the representatives of the emerging highland intellectuals in the dissemination of educational and reformist ideas in their awareness of the need for socio-cultural convergence and the inevitability of integration of their peoples into a single state space of the Russian Empire.

Key words: North Caucasus, Russia, intercultural interaction, formation of Russian identity, national intelligentsia, enlightenment, mediation.

Инкорпоративные процессы, обусловленные присоединением Север-

ного Кавказа к Российской империи и имеющие весомую значимость для ее внутренней и внешней государственной политики, неизбежно ставили на первый план проблемы, связанные с утверждением позиций российской власти и формированием общероссийской идентичности в регионе. Царизм преследовал цель скорейшего вливания горских народов в полиэтничную, поликонфессиональную и многослойную структуру единого, общего для всех российских народов государства. Достижение этой цели подразумевало решение целого ряда задач, сложность и растянутость во времени которых объяснялась различными объективными и субъективными причинами и закономерностями. Русская культура, познавшая государственность, принявшая в себя основы европейских ценностей и базирующаяся на собственной идеологии, выступила своеобразной «плавильной печью» для народов, втягиваемых в нее в силу тех или иных исторических обстоятельств. В результате на выходе получался «сплав», прочность и смысловая составляющая которого зависела от адекватности и дальновидности мер и усилий, предпринимаемых господствующей силой. Слияние, трансформация, видоизменение качественных характеристик культур народов, вступающих в разноплановое и разноуровневое взаимодействие в условиях обновляющегося пореформенного российского общества, управление этими процессами лежали в основе формирования общероссийской идентичности. Глобальным фактором ее распространения и утверждения по всей стране выступило просвещение народных масс и выделение из их среды особого слоя — национальной интеллигенции.

Функциональный смысл понятия «интеллигенция» в условиях российских реалий выражал просветительские тенденции и приобретал миссионерские черты, сопровождающиеся наличием особых духовно-нравственных качеств. Именно представители интеллигенции инициируют появление нового духовно-смыслового поля культуры. Именно творческая интеллигенция берет на себя ответственность за создание и защиту духовных ценностей. В отличие от среднестатистического западного интеллигента, в котором преобладает интеллектуальный компонент, в России интеллигент — это носитель нравственных идеалов общества, «высокой умственной и этической культуры» [1].

Говоря об интеллигенции, всегда следует учитывать ее региональные особенности. С тех пор как северокавказские народы стали подданными России, вопрос об их социокультурной интеграции стал злободневным как для правящих сфер, так и для просвещенных горцев.

Национальная интеллигенция Северного Кавказа второй половины XIX — начала XX вв. выступила как социально значимая общность, представители которой, профессионально занимаясь умственным творческим трудом, возложив на себя миссию просветительства, генерации, воспроизводства и распространения культурных ценностей, занимаясь различными видами профессиональной, общественной, культурно-просветительской и благотворительной деятельности, были активно вовлечены в общественную деятельность, способствуя, тем самым, поступательному прогрессу своих народов. Обладая чертами этнической группы как бессознательным чувством общно-

сти, рождающимся из схожих стереотипов поведения и мышления, способностью к пассионарности, так и осознанием общности судьбы собственной с судьбой народной, северокавказская интеллигенция трансформируется в особый маргинальный субэтнос, усилия которого направлены на реформирование и демократизацию устоявшегося общественного порядка и представляет собой передовых людей, составляющих духовную и интеллектуальную национальную элиту.

Основными задачами, выдвигаемыми представителями молодой региональной интеллигенции были распространение просвещения в народной среде и содействие наиболее гармоничной ее интеграции в модернизирующийся российский социум.

Феноменальность горской интеллигенции, прежде всего, заключается в самом факте ее появления в среде традиционного общества, в том, как в кратчайшее время изменилось мировоззрение ее представителей как части этого общества, как гармонично переплелись в них две культуры, две картины мира — традиционная и западноевропейская, ставшая доступной в процессе взаимодействия с Россией. Первых северокавказских интеллигентов отличала способность критически осмысливать положение своего народа, видеть его проблемы, непоколебимое желание менять то традиционное, что тормозит его развитие, стоит на его пути к счастливой жизни, стремление к внедрению в повседневность горцев жизненно необходимых изменений и новейших научно-технических достижений. Приоритет на этом пути, бесспорно, был отдан идеям просветительства: «Вот уже несколько поколений получают, так или иначе, образование в стенах русских учебных заведений, из года в год количество интеллигенции среди народа возрастает усиленным темпом... потому, что почти все получившие образование рано или поздно возвращаются в те аулы, откуда они выехали малышами. Многие, окончивая среднее образование, возвращаются в родные аулы и становятся, например, сельскими учителями... или занимают какие-либо выборные должности. Все виденное и усвоенное ими за время пребывания среди русских они стараются ввести в свой обиход, а окружающая среда постепенно воспринимает, подражает» [2].

Но носители «чужестранной» образованности оказывались у себя на родине в противоречивой ситуации, ощущая противодействие родной «почвы» и отечественной культурной традиции; на протяжении XIX века они пребывали в поиске полноценного в культурном и социальном отношении выхода из промежуточной ситуации между европейской и традиционной культурой: «...образование-то и было главным препятствием на пути желанного слияния с народом, с соотечественниками», оно «...легло нерушимой стеной между соотечественниками», сделав их «чужими между своими» [3].

Однако это не могло отворотить северокавказских интеллигентов от распространения идей образования и модернизации среди родного народа, поскольку они были глубоко убеждены в том, что образование призвано не отчуждать человека от родного сообщества, а, напротив, способствовать к

сближению с ним. На этом пути передовые представители горских народов обозначали для себя миссию посредничества между двумя культурами — российской и традиционной. Они чувствовали свою ответственность за дальнейшую судьбу народов Северного Кавказа, за их политическое, экономическое, социально-культурное самочувствие в составе Российской империи, поскольку видели неизбежность исторической близости и взаимодействия русского и северокавказских народов.

Просветительство нетитульных народов России представляло собой интеграционный культурно-исторический процесс, охватывающий вопросы национального строительства, культуры и образования и опирающийся на критику существующего общественного порядка, архаичных, отживших правовых и нравственных норм, политических и религиозных предрассудков [4].

Пережив духовно-интеллектуальный переворот относительно соплеменников, просветители поднялись над общим уровнем нации, сохраняя с ней прочные этнические и языковые связи. Овладев высотами общероссийской культуры, они остались яркими носителями культуры этнической [5].

В этом сближении главная функция национальной северокавказской интеллигенции заключалась в просветительстве, а механизмами ее реализации были основание школ, преподавательская, научная, переводческая и издательская деятельность, активное участие в благотворительных и культурно-просветительских учреждениях, направленных на поддержку образования, культуры и формирования национального самосознания [6].

Знакомство с ценностями Европы, которая в своем политическом, социально-экономическом и культурном развитии далеко ушла от России, не говоря уже о народах Северного Кавказа, заставило представителей национальной интеллигенции по-новому посмотреть на проблемы, стоявшие перед Кавказом и перед Российской империей в целом и поставить во главу угла не простое обучение русскому языку, русской грамоте и русской культуре, а вопрос об автономном, самостоятельном развитии национальной экономики и культуры, о равенстве прав народов России во всех сферах жизни [7].

Северокавказские интеллигенты прорабатывали образовательно-воспитательные, духовно-религиозные проблемы, философские, социальные, культурологические вопросы, хозяйственно-экономические потребности и интересы своих народов, выдвигали собственные программы по их духовному возрождению.

Передовые представители северокавказской интеллигенции ясно видели социально-экономическую отсталость своих народов, отсутствие в регионе необходимых цивилизационных и культурных начал в европейском смысле — национальной письменности, светских школ, господство феодальной анархии и родоплеменных институтов, политическую раздробленность горских обществ [8].

Вера в цивилизующее, прогрессивное воздействие русской и европейской культуры на горцев Северного Кавказа была присуща не только пред-

ставителям христианства, но и представителям мусульманства, диалог с которым в позитивном ключе российским властям удалось выстроить лишь по окончании Кавказской войны. Интеллигенты-мусульмане также стали ясно понимать, «что просветительное движение, охватившее, вместе со всей Россией, и русских мусульман, принесет со временем богатые плоды. Мусульмане приобщатся к принципам и идеям Запада и примут участие в общей культурной работе человечества» [9]. В их среде все больше росло убеждение в том, что «... чем выше и рациональнее образование у известного народа, тем богаче его жизнь материально и нравственно», что «образование облегчает для человека жизненную карьеру, делает его существование осмысленным и содержательным» [10].

Признавая Россию своей родиной, представители мусульманской интеллигенции отнюдь не снимали проблемы самостоятельной национальной государственности, но в виду отсутствия возможностей практической реализации эта идея поддерживалась на уровне исторического сознания посредством публикаций трудов по народной истории. Тем самым выполнялась не столько научная, сколько, прежде всего, просвещенческая функция, способствующая в то же время восстановлению исторической памяти [11].

Формирующаяся, благодаря русско-кавказским отношениям и европейскому просвещению, северокавказская интеллигенция, осознавая требования эпохи, выдвигала общенациональную задачу становления новой культуры, которая восприняла бы все лучшее из европейской и русской культуры, и в то же время сохранила национальные достояния в своей деятельности [12].

Указанные процессы отразились, прежде всего, на традиционном характере функционирования северокавказского социума, мировоззрении и ценностных приоритетах горцев, которые фактически в одночасье оказались в новых социальных, политических, экономических и культурных условиях жизнедеятельности.

Успешность этого непростого процесса во многом была обусловлена образованностью, демократичностью, открытостью первых представителей национальной интеллигенции Северного Кавказа, которые в период второй половины XIX — начала XX вв. бескорыстно возложили на себя тяжелую миссию посредничества не только между «старым» и «новым», «знакомым» и «неизвестным», но и были вынуждены противостоять как непониманию и неприятию темного непросвещенного, но искренне ими любимого родного народа, земляков, так и претерпевать давление и часто гонения со стороны российских властей, недовольных их свободолюбивыми взглядами и приверженностью к идее возрождения национального самосознания.

Важную роль в формировавшемся облике национальной интеллигенции играла национально-государственная политика российских властей в регионе, которая стремилась в лице светской интеллигенции получить проводников новых ценностей, средство обеспечения своих интересов [13].

Как и все духовные лидеры, горцы-интеллигенты, с одной стороны, были трансляторами достижений других народов и более развитых обществ, а с

другой, всегда оставались носителями национальной традиционности и ратовали за культурно-историческую преемственность народа.

Осмысливая свою миссию, свое высокое предназначение, зарождающаяся северокавказская интеллигенция понимала, что на нее возложена задача сохранения духовных основ народа. Познав плоды просвещения, она осознала, что «чем выше стоит в культурном отношении народ, чем сложнее его общественная и государственная организация, тем больше осложняются задачи и ответственность интеллигенции» [14]. В связи с этим, до конца своих дней интеллигенты Северного Кавказа, жертвовали и деньгами, и своим личным имуществом на благо просвещения своих земляков. В процессе общения их к благам русской государственности, они стремились к идеалам всеобщего равенства, духовного возрождения и экономического роста, особое внимание уделяя вопросам самоидентичности и благополучной интегрированности соотечественников в единое великое государство.

Примечания:

1. Антюхина А.В. Интеллигенция: социально-исторический портрет // Вестник экспертного совета. 2015. № 2 (2). С. 94.

2. Письма из Осетии // Кавказ. 1903. № 301.

3. Айларова С. А. Кавказская «личность на рубеже культур» (к проблематике творчества адыгского просветителя А.-Г. Кешева) // Материалы Международной научной конференции «Литература в диалоге культур-6». 1-4 октября. Ростов-на-Дону, 2008. С. 5.

4. Амерханова Л.Р. Ингушское просветительство. Истоки возникновения ингушской прессы // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 4. С. 98.

5. Угурчиева Р.Х. Ингушское просветительство. У истоков становления национальной литературы (конец XIX — начало XX вв.). М., 2006. С. 34.

6. Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владикавказ, 2009. С. 22.

7. Долгиева М.Б. Общественная мысль Ингушетии второй половины XIX — начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Нальчик, 2002. С. 12.

8. Лиджиева К. Ф. Формирование и социокультурный облик южно-российской национальной интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. // 2013. № 1 (17). С. 75.

9. Амерханова Л.Р. Ингушское просветительство. Истоки возникновения ингушской прессы // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 4. С. 104.

10. Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. Роль адыгской интеллигенции в формировании историко-культурного наследия Северного Кавказа (на примере деятельности С. Сиюхова) // Политематический сетевой электронный науч-

ный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Выпуск№ 101/2014. С. 4.

11. Бичиева И.С. Кабардинская интеллигенция в конце — начале вв. Автореф. Дисс. ... канд. историч. наук. Владикавказ, 2006. С. 20. 12. Лиджиева К.Ф. Формирование и социокультурный облик южно-российской национальной интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. // 2013. № 1 (17). С. 75.

13. Емтыль З.Я. Формирование светской национальной интеллигенции и инкорпорация Северного Кавказа в российское геополитическое пространство в конце XIX — 20-е гг. XX вв.: (на примере адыгских народов) // Рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». 2014. Выпуск 3 (144). С. 79.

14. Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. Роль адыгской интеллигенции в формировании историко-культурного наследия Северного Кавказа (на примере деятельности С. Сиюхова) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Выпуск№ 101. 2014. С. 7.

**М. В. Пчелинцев,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

Л. П. БЕРИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА: ПАЛАЧ ИЛИ ОБОЛГАННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННИК?

В статье анализируется роль Л. П. Берия в истории отечества и сопоставляются противоположные мнения по оценке его деятельности. Автор делает вывод, что она до сих пор объективно не оценена и представляет большой интерес в деле воссоздания не идеологизированной российской истории и её специальных служб.

Ключевые слова: Л. П. Берия, СССР, Закавказье, государственная безопасность, специальные службы, контрразведка, разведка, советская власть.

The article analyzes Lavrenty P. Beria's part in the fatherland history and compares the opposing opinions on the rating of his working. Author makes a conclusion that it has not been rated yet objectively and is of great interest in the rebuilding of the non-ideological Russian history and its special services.

Keywords: Lavrenty P. Beria, USSR, Transcaucasia, State Security, special service, counter-intelligence, intelligence, the Soviet authorities.

Как справедливо отмечает профессор С. Р. Чеджемов, «некоторые моменты, связанные с проведением внутренней политики в 20-50-е годы XX века в СССР, неоднозначно, а то и враждебно трактуются политическими силами некоторых стран» [1, 79-84]. Это утверждение справедливо и при оценке многих исторических деятелей той эпохи, например, Л. П. Берия. Его роль в истории нашего Отечества, как нам представляется, до сих пор объективно не оценена. Личность Берия Л. П. неоднозначна, и потому она представляет большой интерес для исследователя.

Значительная часть представителей так называемой «либеральной» науки сегодня именует Л. П. Берия «кровавым oprичником» Сталина, организовавшим массовые политические репрессии 1937 года, и в этом по сути дела полностью копируют клише столь ненавистной им официальной советской пропаганды.

10 июля 1953 года печатным органом Центрального Комитета КПСС — газетой «Правда» — было опубликовано информационное сообщение «О

Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». В нём говорилось, что на состоявшемся Пленуме был обсужден доклад Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала, выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над партией и Правительством Советского Союза. Берия Л.П. был выведен из рядов Коммунистической партии, отстранен от всех государственных постов и объявлен врагом советского народа [2].

Так граждане нашей страны узнали об аресте Лаврентия Павловича Берия. Справедливы ли обвинения, выдвинутые в его адрес, действительно ли второй человек в государстве, как его называли тогда за глаза, мог оказаться агентом иностранных разведок и вредителем «государственного» масштаба? Задумываться над этими вопросами и тем более проводить объективное расследование никто не стал.

Так кто же такой Л.П. Берия?

Кровавый палач, иностранный шпион, или «назначенный виноватым» его недавним политическим соратником Н.С. Хрущевым во всех грехах советской власти; незаслуженно оболганный руководитель, организовавший выполнение ряд стратегических проектов в стране, среди которых борьба с организованной преступностью и агентами иностранных разведок, атомный и космические проекты?

В 1931 году, после октябрьского заседания Политбюро ЦК ВКП (б), на котором с докладом о положении дел в Закавказской Федерации выступил руководитель республики (первый секретарь ЦК КП ЗСФСР) Орахелашвили И.Д., руководители Армянской АССР и Азербайджанской АССР, видные большевики, такие, как Серго Орджоникидзе и Сергей Киров, раскритиковали работу закавказских товарищей в целом, в том числе и по вопросу колхозного строительства. После чего Сталиным И.В. вносится предложение избрания первым секретарем ЦК КП (б) Грузии и вторым секретарем Закавказского краевого комитета ВКП (б) Берия Л.П. как молодого и перспективного руководителя, и через некоторое время это назначение происходит, а уже к 1932 году Берия Л.П. становится первым секретарем Закавказского крайкома ВКП (б), что опять же свидетельствует о высоком доверии руководства государства, в частности Орджоникидзе и Сталина, к Берия Л.П. На этих постах он активно берется за дело, проявив свои большие организаторские способности [3,344].

Будучи главой Закавказья, он немало сделал для развития родной республики и края в целом, который являлся одним из самых отсталых регионов СССР.

В это время в стране реализовывалась программа массовой коллективизации, принятая на XV съезде ВКП (б), состоявшемся в 1927 году. Однако в полном объеме новый руководитель Закавказья ее решил не проводить, в колхозных хозяйствах он дал указание выращивать цитрусовые, которые до этого росли здесь в небольших количествах, а также чай, табак, высаживать

виноградники. Мандариновые плантации Грузии, составлявшие 1,5 тысячи га, при Берии увеличились до 20 тысячи га, урожайность повысилась втрое, в некоторых хозяйствах в 20 раз. По заданию Берия Л.П. советская разведка вывезла с острова Цейлон саженцы особого сорта чая, если ранее в Грузии собиралось немногим более 1 тонны чайного листа, то при Берии собирали уже 45 тонн чая в год [4].

Вот что указано в официальной биографии Берия за 1940 год: «В результате проведенной под руководством товарища Л. Берия работы в Грузии за последние годы возник ряд новых отраслей промышленности — машиностроения, ферросплавов, нефтяная, шелковая, чайная, благородных и редких металлов и т.д. О размахе этой работы можно судить по объему капитальных вложений. В течение первой пятилетки они составили 334,9 млн. рублей, а во втором пятилетии возросли до 960,5 млн. рублей. В первый год третьей пятилетки в промышленность Грузии было вложено 200 млн. рублей. Совершенно новой отраслью в Грузии является машиностроение. Ряд сложных машин выпускают заводы имени Орджоникидзе и имени 26 Бакинских комиссаров. Осваивает производство станков завод имени Кирова. Батумский машиностроительный завод снабжает чайную и пищевую промышленность машинами, которые прежде ввозились из-за границы» [4].

В это же время Грузинская АССР, входившая в состав Закавказской Федерации (ЗСФСР), становится всесоюзной здравницей и житницей, начинается массовое строительство домов отдыха и санаториев. Развивается туристическая отрасль.

Известный советский математик и участник правозащитного движения Револьт Иванович Пименов, отбывавший наказание вместе с людьми, арестованными по делу Берия (Судоплатовым П. А., Эйтингеном Н. И., Шария П. А., Мамуловым С. С. и др.) во Владимирской тюрьме, вспоминал: «За Берией стоял целый народ, любивший его, и в 1952 году в горах Кавказа я присутствовал при выпивках, где первый тост провозглашали за Берию, а лишь второй — за Сталина» [4].

1937 год ознаменовался большими «чистками» как в государственном аппарате, так и репрессиями против простых советских трудящихся. Главным их исполнителем и «карающим мечом» был выбран Народный комиссариат внутренних дел СССР и его руководитель Николай Ежов. Однако до сих пор в вину Лаврентия Павловича Берия вменяют организацию и проведение «большого террора» конца 30-х годов во всероссийском масштабе и, к сожалению, многие граждане нашей страны считают его таковым. Но организатором и вдохновителем репрессий Лаврентий Берия не являлся, и об этом свидетельствуют следующие, хорошо известные исторические факты:

Так, до августа 1938 года Лаврентий Берия занимал должность первого секретаря ЦК КП (б) Грузии (5 декабря 1936 года Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика была упразднена), 22 августа 1938 года Берия назначается на пост первого заместителя Наркома внутренних дел СССР, а с 29 сентября 1938 года он одновременно возглавил Главное

управление государственной безопасности. К началу 1938 года политические репрессии стали стихать, то есть практически были закончены, таким образом, мы видим, что принимать в них участие Берия не мог, хотя бы по причине того, что не находился в это время в центре событий, в Москве. На должность Наркома внутренних дел Советского Союза он был назначен лишь в декабре 1938 года, когда репрессии уже успели закончиться, и, более того, он принял деятельное участие в реабилитации жертв «ежовского» террора.

По данным современного российского историка и журналиста Rogozina Ю. П., когда Лаврентию Берия предложили возглавить Наркомат, он выступил за то, чтобы полностью пересмотреть сложившуюся за время Ежова Н. И. практику, в связи с чем 17 ноября 1938 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б), осуждающее преступные методы ведения предварительного следствия, насажденные в НКВД СССР. Появление данного документа было одним из требований нового Наркома, тем самым, политическое руководство Советского Союза признавало то, что органы НКВД, возглавлявшиеся Ежовым и его подручными, проявили излишнее рвение при поиске вредителей и врагов народа, грубо нарушая социалистическую законность [4].

С приходом в НКВД СССР Берия Л. П. начинается пересмотр необоснованно возбужденных уголовных дел до 1941 года. Из тюрем и исправительно-трудовых лагерей освобождаются около 180 тысяч человек из 630 тысяч приговоренных в годы так называемой «ежовщины», то есть примерно 30%.

Масштабы работы по исправлению ошибок прошлого руководства были очень большими.

Так, если во время репрессий было уволено по политическим мотивам около 30 тысяч военнослужащих, обратно в строй было возвращено 12,5 тысяч человек, то есть 40%.

Одновременно начались проверки и в отношении недобросовестных чекистов, в результате чего были уволены со службы 11 202 сотрудника НКВД, из которых — 3830 единиц руководящего звена и 7372 единицы младшего начальствующего состава, таким образом, получается 62% работников [5,299].

В отношении многих из них были возбуждены уголовные дела, часть была приговорена к отбыванию наказания в исправительных учреждениях, а другая расстреляна, например, такие, как сам Ежов Н. И., его заместители Фриновский М. П., Заковский Л. М. и другие.

Новый руководитель органов государственной безопасности и внутренних дел в кратчайшее время прекратил «ежовское» беззаконие и террор, царившие в Народном комиссариате внутренних дел и Красной армии, включая и военную разведку. Под руководством Лаврентия Берия в 1939-1940 годах была создана мощная агентурная сеть советской внешней разведки в Европе, Японии и Соединенных Штатах [6].

С началом Великой Отечественной войны комиссар государственной безопасности 1 ранга (специальное звание в органах ГБ, соответствовало воинскому званию генерала армии), Народный комиссар внутренних дел Берия активно включается в работу по переходу страны на военное положение.

30 июня 1941 года создается Государственный комитет обороны СССР, который провозглашается основным руководящим органом управления, в его руках концентрируется вся полнота военной и политической власти на время войны. По инициативе Сталина Берия вводится в состав комитета, ему поручается курирование важнейших отраслей промышленности, таких, как авиационная, танковая, угольная, нефтяная, производство минометов, боеприпасов и т.д. Под его руководством успешно и в кратчайшие сроки были эвакуированы промышленные предприятия из центральных регионов страны за Урал.

Летом 1942 года сложилась критическая ситуация на Кавказе, перед немецко-фашистскими войсками была поставлена задача в ходе летне-осенней кампании лишить Советский Союз основных экономических баз на юге страны и овладеть грозненскими и бакинскими нефтепромыслами. С этой целью основные силы врага сосредоточивались на южном участке советско-германского фронта. Высшее военно-политическое руководство не смогло трезво оценить силы и намерения противника, вследствие чего весной и летом 1942 года советские войска потерпели на юге ряд тяжелых поражений и вынуждены были оставить восточные области Украинской ССР, отступая в направлении Ростова-на-Дону. В плену оказались сотни тысяч бойцов Красной Армии.

Значительное удаление Кавказа от западных границ страны давало основание советскому командованию предполагать, что вторжение противника на Кавказ, вероятнее всего, посредством морских и воздушных десантов. Поэтому обороне Кавказа с севера, со стороны Дона, внимания уделялось мало. Основная часть группировки двух фронтов была предназначена к противодесантной и приграничной (с Турцией и Ираном) обороне. По сути, выход немецких армий от Ростова на юг приходился в неприкрытый тыл и фланг этих фронтов, в чем и был самый крупный стратегический просчет Ставки и Генерального штаба в летней кампании 1941 года, а в дальнейшем — 1942 года [7,233].

И в этот самый сложный для страны период решением Ставки Верховного главнокомандования Лаврентий Берия как член ГКО командирится на Кавказ. Именно Берия принадлежат активные меры по организации обороны горных перевалов. 175 перевалов по его указанию были изучены, организована их охрана и оборона. В кратчайшие сроки было организовано строительство оборонительных сооружений на Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах, создан особый режим в районах этих коммуникаций. Создание особых оборонительных районов, основу которых составляли дивизии внутренних войск НКВД, не позволило агентуре врага осуществить задуманные акции в нашем тылу. Примером, подтверждающим необходимость создания Берия особых оборонительных районов, является оборона Орджоникидзе, где противнику, создавшему мощную ударную группировку, удалось прорвать фронт на узком направлении, но он был остановлен именно частями Орджоникидзевской дивизии внутренних войск НКВД СССР, входившей в осо-

бий оборонительный район на самом важном рубеже в нескольких километрах от города [8].

Уже к 1944 году Берия становится заместителем Председателя ГКО, он курирует всю оборонную промышленность СССР. Кроме того, ему было поручено возглавить работы по созданию первой советской атомной бомбы, с чем он успешно справился, проявив недюжинный административный талант, за что 29 октября 1949 года ему была присуждена Сталинская премия I степени «за организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытания атомного оружия». Как вспоминал выдающийся советский ученый Игорь Васильевич Курчатов, если бы не Берия, то атомной бомбы не было.

За создание атомного оружия Берия и Курчатову было присвоено звание «Почётный гражданин СССР», которое впоследствии никому более не присваивалось [9,233].

9 июля 1945 года Лаврентию Берия, имевшему специальное звание генерального комиссара государственной безопасности, присваивают соответствующее воинское звание Маршала Советского Союза.

В марте 1953 года, после смерти Иосифа Сталина, начинается новый, поистине захватывающий как детективный роман, и до сих пор закрытый, для непосвященных исследователей, период в истории нашей страны. Он ознаменовался ожесточенной борьбой за власть, который завершился всего через четыре месяца (26 июня) арестом и расстрелом одного из «железных сталинских наркомов» — Лаврентия Берия.

На основе проведенного исследования можно прийти к выводу, что личность Лаврентия Берия в нашей истории сильно демонизирована, ему приписывается множество страшных преступлений, которых, на взгляд исследователя, он не совершал. Проникая в глубину истории и изучая отдельные, собранные по крупицам исторические факты, понимаешь, что во многом это явилось следствием поражения Берия в схватке за власть, и политической воли взошедшего на «советский престол» Хрущева Н.С. и его соратников, не желавших построения социалистического государства нового типа, которое предлагал Лаврентий Берия.

В свою очередь, большую роль сыграл и тот факт, что Берия, долгие годы возглавлявший специальные службы, имел в своем распоряжении множество компрометирующих материалов на партийных и советских работников разного уровня. Поэтому устранить человека, владеющего такого рода информацией, было для некоторых чиновников большим искушением, в частности и для самого Хрущева, при непосредственном участии которого были репрессированы многие тысячи невиновных граждан.

Подытоживая вышеизложенное, считаем, что Лаврентий Павлович Берия, несмотря на совершенные ошибки, является одним из видных государственных деятелей в российской истории, и его деятельность требует дальнейшего беспристрастного и скрупулёзного анализа.

Примечания:

1. Чеджемов С. Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России (XVIII — начало XIX веков). Государство и право. 2009. № 7.
2. Газета Правда. 1953. 10 июля.
3. Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. М.: Олма-Пресс, 2002.
4. Рогозин Ю. П. Лаврентий Берия. Возвращение из небытия//www.beria1.ru
5. Прудникова Е. А. «Берия. Преступления, которых не было». СПб.: Издательство «Нева», 2005.
6. Мартиросян А. Б. 100 мифов о Берии. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917-1941, 2010.
7. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967.

**В. Ю. Цагараев,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ВОЙНЫ К МИРУ (1945 — НАЧ. 50-х гг.)

В статье рассматриваются особенности государственной политики в сфере школьного образования в условиях перехода от войны к миру. Автор на материалах Северной Осетии исследует специфику учебно-воспитательного процесса 1943 — начала 50-х годов. Особое внимание уделяется достижениям, противоречиям и трудностям в работе советских учителей.

Ключевые слова: военный период, послевоенный период, школьное образование, патриотическое воспитание, второгодничество, идеология.

The article discusses the state policy features in the schooling sphere during the transition from war to peace. The author investigates the teaching and educational process specifics in 1943 — the beginning of the 50s in North Ossetia. Special attention is given to the achievements, contradictions and challenges of the Soviet teachers work.

Keywords: war period, post-war period, school education, patriotic education, grade repetition, ideology.

Становление и развитие системы советского школьного образования происходило в сложном историческом контексте. Этапы ее формирования совпадали с основными политическими и социально-экономическими процессами, переживаемыми страной.

Обращение к теме образования и воспитания последних военных и первых послевоенных лет позволяет глубже понять общие закономерности систем образования переходного периода. Научный интерес представляет анализ качества обучения и воспитания, в сравнении с мировыми процессами развития образования этой эпохи. Не стоит забывать о противоречивых тенденциях в системе школьного образования, связанных с идейно-политической регламентацией учебно-воспитательного процесса, и, безусловно, о положительном опыте, традициях, педагогах, которые формировали человека, созидали духовно-культурные богатства предыдущих поколений.

Исследования данной темы, как на всероссийском, так и на региональном уровне, показывают, в каких трудных условиях во время и после завершения Великой Отечественной войны осуществлялась профессиональная деятельность советских учителей. Сложные и противоречивые процессы в обществе, низкий уровень жизни населения порождали острейшие социальные проблемы подрастающего поколения. Трагической реальностью становятся безотцовщина, массовое детское бродяжничество. Вновь ставились задачи всеобща, ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, отсева учащихся и второгодничества, многосменности занятий, укрепления дисциплины в школах, устранения перегрузок.

Созданная в годы предвоенных пятилеток система народного образования Северной Осетии из-за начавшейся войны очень пострадала. В результате боевых действий, развернувшихся на территории республики, из 212 начальных школ, которые функционировали до начала Отечественной войны, частично или полностью было разрушено 34 школьных здания. В годы войны значительно ослабла учебно-материальная база школ. Уменьшилось количество учителей, снизился их качественный состав. В связи с уходом в армию многих квалифицированных учителей ряды учительства пополнились людьми, не имеющими опыта, а порой специального образования. Ослабли помощь и контроль за учебой детей со стороны родителей [1,37].

Количество учащихся в школах сократилось, это объяснялось тем, что часть учащихся десятых классов, достигнув призывного возраста, пополнила ряды Советской Армии. Недосток рабочих рук вынудил школьников-подростков пойти работать на предприятия, в колхозы и совхозы. Поэтому в годы войны закон о всеобщем образовании не полностью. Особенно много учащихся без отрыва от обучения было задействовано в сельскохозяйственном производстве. Школьники оказывали заметную помощь колхозам и совхозам. Они активно участвовали в сборе средств в Фонд обороны, посылок и теплых вещей для воинов Красной Армии. Учащиеся работали агитаторами, устраивали громкие читки сообщений Совинформбюро, рассказывали о героических действиях Красной Армии и партизан, выпускали боевые листки и стенгазеты, выступали с концертами, шефствовали над госпиталями и семьями фронтовиков. Широкое распространение получило тимуровское движение. Многие учителя в трудные годы войны по своей инициативе обучали на дому детей, которые по тем или иным причинам не могли посещать школу.

В послевоенные годы необходимо было восстановить разрушенное народное хозяйство и достичь довоенного уровня производства. Эта задача усложнялась тем, что в годы войны резко сократилось количество специалистов. Общеобразовательная подготовка рабочих, крестьян и служащих была невысокой. Нехватка квалифицированных, подготовленных кадров значительно затрудняла выполнение задач экономического развития в послевоенные годы. Решение этой проблемы в основном зависело в тот период от школы. Поэтому государство уделяло большое внимание школьному образованию.

Восстановление школьной системы Осетии началось практически сразу после изгнания немецких войск с территории республики. Постановление Совнаркома Северо-Осетинской АССР «О возобновлении занятий в школах в освобожденной от немецко-фашистских захватчиков части территории республики» от 9 января 1943 г. определило первоочередные задачи исполкомов Советов депутатов трудящихся и Народного комиссариата просвещения Северной Осетии по возобновлению работы школ [2,43].

Областная партийная организация мобилизовала широкие массы населения на восстановление школ. Наряду со щедрой финансовой и материальной помощью Советского государства, в городах, селах и станицах рабочие и колхозники принимали активное участие в восстановлении школьных помещений. К концу 1948 года в республике были не только восстановлены все пострадавшие школы, но и построено 5 новых [3,162].

Вместе с этим были проведены мероприятия, которые положительно сказались на работе школ. Была установлена пятибальная система оценки знаний учащихся; оканчивающим среднюю школу выдавались аттестаты зрелости, а отлично оканчивающие награждались золотыми и серебряными медалями.

В результате проделанной работы школы республики по всем показателям превзошли довоенный уровень. Но в работе школ имелись и крупные недостатки, которые выявились на первом послевоенном съезде учителей республики: низкая успеваемость, второгодничество, слабая материально-техническая база, нехватка учителей и т. д.

Архивные документы свидетельствуют о большом количестве детей, выбывающих из школ, а также о детях, оставшихся за бортом школы. В сентябре 1947 г. из 50270 учтенных детей 7-14-ти летнего возраста школу не посещали 1671 человек. Особенно неблагоприятно ситуация складывалась в сельских районах. Специальные комиссии исполкомов советов стремились свести к минимуму отсев из школ по уважительным причинам — отсутствию обуви и одежды, отдаленности школы от дома, болезни. В течение 1947-1948 учебного года из школ республики по разным причинам отсеялось 4870 учащихся. Наблюдалась закономерность по набору контингентов учащихся в 5 и 8 классы: родители обучающихся в 4-х и 7-х предпочитали отдавать своих детей в ремесленные училища, в школы ФЗО (школы фабрично- заводского обучения), пытались устроить подростков на промышленные предприятия, в колхозы и совхозы. Органы исполнительной власти были вынуждены привлекать к административной ответственности тех родителей, которые не желали отпускать детей в школу [4,11].

Значительный отсев учащихся из общеобразовательных школ во многом объяснялся специфическими особенностями республики. В Северной Осетии был сосредоточен мощный комплекс промышленных предприятий, что требовало вовлечения значительного числа подростков в производственный процесс.

Из-за демографических последствий войны в школах обучалось значительное количество переростков. Такая ситуация ставила учителей в затруд-

нительное положение. В переполненных классах с контингентом разновозрастных детей возникали сложности с осуществлением дифференцированного подхода к ученикам.

Согласно учебным планам учащиеся СССР получали гораздо более широкие теоретические знания, как в математике, так и в естественных и гуманитарных науках, нежели американские, английские и французские школьники. Все эти дисциплины относились к числу «важных предметов». Значительной обширностью отличался курс истории, преподаваемый с 4 по 10 класс и охватывающий материал, начинающийся с древности по отечественную и всемирную историю.

Программы 1946-1947 учебного года в определенной степени учитывали возрастные особенности школьников, необходимый объем знаний и навыков. В начальной школе предусматривалась разгрузка материала 3 класса. Такие дисциплины, как история, география, естествознание переносились в учебный план 4 класса. С 1 сентября 1946 года вводились новые программы допризывной военной и физической подготовки учащихся. Военная подготовка для девушек, обучающихся в 5-10 классах, заменялась физической подготовкой. Допризывная военная подготовка сохранялась для юношей 8-10 классов. Кроме того, предусматривалось проведение 20-дневного лагерного сбора в летние каникулы учащихся 9 классов [5,162].

В целях обеспечения удовлетворительного уровня грамотности учащихся в семилетней школе в 1-4 классах изучали элементарную грамматику, а в 5-8 классах предусматривался систематический курс русского языка. Не совсем удачным оказалось закрепление курса Конституции СССР в 7 классе, по причине неподготовленности 13-14 летних подростков к изучению одного из обществоведческих курсов [6,121].

Возвращение к идее политехнизации общеобразовательной школы в 1952 году повлияло не только на изменение количества часов, но и на пересмотр содержания таких предметов, как физика, химия, биология. Усиливалась связь теоретического курса с производством, с работой на пришкольном учебно-опытном участке. Характерной чертой новых учебных планов было создание больших возможностей для физического и эстетического воспитания учащихся.

Между тем освоение возрастающих объемов учебной программы оказывалось делом сложным. Не всем учащимся общеобразовательных школ удавалось сдать переводные и выпускные экзамены.

Анализ школ Северной Осетии показывал неудовлетворительное состояние преподавания русского языка. Выпускники семилетних и средних школ плохо владели устной русской речью, неграмотно писали по-русски. Так, в 1946/47 учебном году из 68760 учащихся 50929 человек окончили школу и были переведены в следующий класс. На второй год остались 9839 учащихся, а 7992 школьникам были назначены осенние испытания [7,113].

Второгодничество наносило огромный экономический ущерб государству, вызывая непроизводительные расходы. Создавались педагоги-

ческие и психологические трудности при работе с классом, отдельным ребенком.

Учитывая сложную ситуацию по всей стране, Академия педагогических наук в 1949 году начинает исследовательскую работу по улучшению качества образования и обучения. Исследования велись по ряду направлений: устранение перегрузки учебных планов, программ и учебников; методы, предупреждающие неуспеваемость и второгодничество в школах; психология усвоения знаний, навыков и развитие мышления и др. Было установлено, что, хотя причины материально-бытового характера, условия семейного воспитания, отдельные недостатки в физическом и умственном развитии детей играют немаловажную роль в появлении неуспеваемости, главная же причина кроется в недостатках учебно-воспитательной работы школы и учителя.

Именно на решение указанных проблем и была направлена деятельность партийно-государственных и просвещенческих органов страны. Постановления партии и правительства ориентировали учителей на вовлечение учащихся в продуманную общественную и внеучебную деятельность. В приказе министра просвещения РСФСР «Об укреплении дисциплины в школе» (от 12 декабря 1951 г.) акцентировалось внимание на необходимости воспитания у школьников «чувства долга, сознания ответственности за свои действия и поступки»[8,187].

Таким образом, на этапе 1945-1953-х годов государство пыталось решить множество взаимосвязанных, но противоречивых задач: демографическое давление на систему образования и рационализация учебного процесса; фундаментализация содержания обучения и проблема полного усвоения программ, преодоление второгодничества; целостное формирование личности и навязывание сложившихся идеологических стереотипов.

Почувственность и противоречивость школьной политики тех лет заключались в том, что школа, учитель, ученик находились в центре внимания государственных органов. Параллельно с выполнением планов всеобщего, значительное внимание уделялось глубокому и прочному усвоению знаний, преодолению формализма в преподавании. Хотя тенденции мирового образовательного процесса развивались именно в этом направлении, тем не менее, у учителей возникали большие трудности в реализации учебных программ, планов в повседневной школьной жизни.

Воспитание коммунистической морали становится одной из главных особенностей советской системы образования. Учителя прививали подрастающему поколению нормы прилежания, правдивости, справедливости, уважения и помощи к младшим и старшим, чувство взаимопомощи. В то же время отличительными чертами менталитета выпускников общеобразовательных школ были идеологизированное сознание, агрессивность по отношению «к врагам народа», преобладание коллективных ценностей над индивидуальными проявлениями личности.

Главным же итогом образовательной политики начала 1950-х годов становится введение всеобщего семилетнего бесплатного обучения детей. В ус-

ловиях индустриального общества получение семилетнего образования способствовало выравниванию возможностей городских и сельских учащихся. Создавались условия для дальнейшего продвижения личности в образовательной системе и реализации своих возможностей в трудовой деятельности.

Примечания:

1. Галазов А. Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977.
2. Кочисов В. К, Чеджемов С. Р. История народного образования Северной Осетии. Владикавказ, 1995.
3. Кулов Б. С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979.
4. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Т.2. Орджоникидзе, 1974.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917-1973. М., 1974.
6. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1958.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941-1961). М., 1988.
8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941-1961). М., 1988.
9. Фатеев А. В. Образование и воспитание в первое послевоенное десятилетие // Преподавание истории в школе. 2007. №1.
10. Черджиев Х. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 19.

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Д. М. Дзлиева,
к.искусств. СОИГСИ им. В. И Абаева
(г. Владикавказ)

ОПЫТ СОЗДАНИЯ МУЛЬТИМЕДИА ПРОЕКТОВ ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ И МУЗЕЙНЫМ КОЛЛЕКЦИЯМ

В статье описаны подходы к применению современных компьютерных технологий в образовательных проектах, основанных на архивных аудио-, фото- и рукописных источниках. В частности, рассматриваются уже реализованные проекты, осуществленные на средства различных грантов.

Ключевые слова: национальная культура, мультимедиа, научный архив, образование, молодежь.

This article describes the approaches to the use of modern computer technologies in educational projects, based on archival audio, photo and handwritten sources. In particular, the already realized projects carried out with funds of various grants.

Keywords: national culture, the media, scientific archive, education, youth.

В реалиях современной глобализации и утраты национальной самоидентификации у представителей молодого поколения, важнейшей задачей становится не только сохранение огромного культурного наследия, но и его

подача наиболее приемлемыми способами, отвечающими потребностям современного общества.

Создание образовательных, а также научно-популярных мультимедиа проектов информационного характера, с использованием архивных аудио и визуальных образцов, весьма актуальная тема. Кроме того, применение образовательных мультимедиа обусловлено современными тенденциями в образовании. Имеющийся опыт создания подобных проектов с использованием архивных источников выявил ряд преимуществ:

доступность источников сконцентрированных в научных архивах, новых изданиях и печатной продукции прошлых лет хранящихся в различных библиотеках;

повышение интереса среди молодежи к историческим фактам и фольклорным образцам, в том числе с помощью визуализации абстрактной информации;

интеграция информационных технологий в образовательный процесс.

Кроме того, использование мультимедиа проектов дает возможность выходить на уровень массового потребления интеллектуальной продукции. Также одним из неоспоримых преимуществ является возможность подачи информации в разнообразных образовательных контекстах, и ее доступность для различных возрастных категорий. При этом под мультимедиа проектами мы подразумеваем как образовательные фильмы с использованием мульт- и видео- ряда, 3D графики и прочих возможностей визуализации, так и интерактивные образовательные мультимедиа системы работающие по принципу автономных сайтов, в том числе на носителях не требующих для просмотра выхода в интернет.

К основным областям применения подобных проектов можно отнести: обучение в реальном времени в системе очного и дистанционного образования, создание видеofilмов различной тематической направленности, обучение в режиме онлайн, создание виртуальных музеев и архивов и т.д.

Однако стоит отметить, что подача информации в подобных проектах должна быть достаточно простой для восприятия. При создании могут возникать следующие трудности: запутанные и сложные способы представления и большие объемы, демонстрация мультимедиа нескольких типов одновременно. Все это часто приводит к рассеиванию внимания и не способности усваивать представляемую информацию.

Помимо неоспоримых преимуществ применения мультимедиа-технологий можно отметить лишь один недостаток: дороговизна. Естественно, что оцифровка архивных источников и создание аудио-, видео- и графических материалов требуют немало финансовых затрат, поэтому наиболее приемлемой для осуществления является грантовая система. На сегодняшний день нами осуществлено несколько проектов.

Первый из них, создание интернет мультимедиа системы по народным музыкальным инструментам осетин в рамках проекта Национального музея Северной Осетии-Алании, осуществленного по гранту Президента

Российской Федерации 86-01-42/01-12 от 19.06.2012 г. «Истоки культуры — сохранение цивилизации». В частности, на субсидированные деньги были выкуплены около 3 часов аудио записей осетинской народной музыки хранящихся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге (коллекция Кокойти-217 ФВ и коллекция Эмсгеймера-203 ФВ). Эти записи послужили аудио-примерами для информационного ресурса по осетинской народной музыке размещенного на сайте Национального музея Северной Осетии. Кроме аудио-примеров, здесь можно найти описания аутентичных музыкальных орудий, фото и видео сказителей и инструменталистов, в том числе и современных. Кроме того, в создании мультимедиа ресурса были использованы научные разработки по этномузыкологии и этнохореологии. По условиям договора записи, выкупленные в фонограммархиве записи Института русской литературы (Пушкинский дом) являются частью мультимедиа системы и могут использоваться лишь в рамках заявленной программы. Таким образом, не доступные в прошлом не только для обывателей, но и для деятелей науки аудиоархивы стали общедоступными, и судя по многочисленным посещениям сайта, интересующихся оказалось достаточно много.

Еще один проект — «З. А. Г. С. — Зарисовки. Анимация. Горцы. Свадьба» — стал одним из победителей XII Грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», реализуемого Благотворительным фондом В. Потанина, в номинации «Открытая коллекция». Проект был реализован Северо-Кавказским филиалом государственного центра современного искусства.

Он представил собой целый выставочный комплекс, объединенный в единое экспозиционное пространство, в которое вошли:

видеотрансляция мультимедиа-фильма, в котором под звучание фольклорных аудио-образцов, хранящихся в научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, «жила» серия этнографических зарисовок осетинского художника и фольклориста Махарбека Туганова (1881-1952 гг.) [4];

демонстрация оригинальных рисунков М. Туганова, посвященных семейному циклу осетин;

артефакты, относящиеся к свадебному обряду, из коллекции Национального музея РСО-Алания;

экспозиция проекта молодого фотохудожника А. Гокоевой по современному прочтению осетинского традиционного свадебного обряда.

Кроме того, в рамках проекта была реконструирована старинная осетинская парная пляска «Ерысы кафт» («Пляска-соревнование»), осуществленная профессиональным хореографом Т. Тебиевой.

Данный проект был апробирован совместно с Министерством образования РСО-А, которое любезно предоставило возможность продемонстрировать проект во всех школах РСО-А в режиме реального времени. Данное мероприятие было живо воспринято учениками, а сам проект вызвал огромный интерес.

Стоит также отметить и билингвальность созданного видеофильма, то есть выбор языка (осетинский/русский) может быть изменен самим пользователем. Перевод видеофильма на осетинский язык также позволил расширить границы распространения проекта, и был продемонстрирован в осетинской диаспоре Турции. Таким образом, широкая общественность и, что немаловажно, молодое поколение смогли не только поближе узнать работы величайшего художника и фольклориста Махарбека Туганова, хранящиеся в коллекции Национального музея РСО-А, но и услышать аутентичную музыку, хранящуюся в недоступном для широкого круга архиве. Кроме того, пользователи сайта смогли глубже узнать старинные ритуалы, связанные с традиционной семейной обрядностью осетин, их семантику и динамику исторического развития.

Третий проект, который в настоящее время находится на стадии завершения, реализуется совместно с медиагруппой «Ярче» в рамках гранта Президента Российской Федерации от 23.03.2015 г. «Музыка без границ». Он представляет собой научно-популярный фильм «Музыка, потерянная в веках», повествующий о мифологических основах, роли и сакральном значении аутентичных музыкальных инструментов в традиционной культуре осетин. В этом фильме используются аутентичные записи из научного архива СОИГСИ, аудио архива ГТРК Алания, образцы старинных музыкальных орудий и архивные фотографии народных музыкантов из фондов Национального музея РСО-А, а также материалы трудов различных исследователей в области традиционной музыкальной культуры осетин. Кроме того, в фильме приводятся различные точки зрения видных деятелей культуры республики на проблемы развития традиционной инструментальной музыки в современной национальной культуре.

Подводя итог сказанному, отметим, что потенциал применения мультимедиа в рамках образовательных проектов весьма перспективен. Интерактивный характер мультимедиа-технологий выводит на новый уровень взаимодействие пользователя и создателей мультимедиа ресурсов.

Необходимо также сказать, что подобная методика подачи информации способствует внедрению современных технологий в процесс повышения информационной культуры молодежи, а также помогает ввести в общедоступный оборот архивные источники. Значимость таких мультимедийных пособий представляется как одно из важнейших направлений, содействующих реализации образовательной и воспитательной функций, и, что немаловажно, такие проекты находят живой отклик и неподдельный интерес среди представителей молодого поколения.

А. А. Журтова,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова,
(г. Нальчик)

РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В XVIII-XIX ВВ. В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье изучены исследования консервативного направления отечественной историографии конца XVIII — начала XX в.

В частности, в ней проанализированы работы М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, П. П. Зубова, Р. А. Фадеева, Н. Ф. Дубровина, В. А. Потто и других дореволюционных авторов, посвященные проблеме российско-кавказского исторического взаимодействия.

Ключевые слова: историография, кавказоведение, Кавказская война, Россия, Северный Кавказ.

The researches of the conservative trend of national historiography of late XVIII — early XX century are studied in this article. In particular, it analyzes the works of Michail M. Shcherbatov, Nikolay M. Karamzin, Platon P. Zubov, Rostislav A. Fadeev, Nikolay F. Dubrovin, Vasiliy A. Potto and other prerevolutionary authors, dedicated to the problem of the Russian-Caucasian historical interaction.

Keywords: historiography, Caucasus Studies, Caucasian war, Russia, North Caucasus.

Представления о Северном Кавказе, о его взаимоотношениях с Российской Империей в отечественной исторической мысли менялись неоднократно. Его рассматривали то как полусказочную страну на краю света, то как край диких первобытных горцев под боком у цивилизованной Европы, который предстояло усмирить и цивилизовать [1, 18].

Основы отечественного кавказоведения закладывались в конце XVIII — начале XX вв. Его становление и развитие шло параллельно с завоеванием региона Российским государством. Кавказоведческие исследования осуществлялись преимущественно сотрудниками Академии наук и военными чинами. Труды, созданные в конце XVIII в., носили, как правило, описательный характер, в них рассматривались различные этнографические сюжеты. В это время шло ознакомление с местностями Кавказа, с материальной и духовной культурой населяющих его народов.

В первой трети XIX в. общее направление исследований несколько изменилось. Романтизм, господствовавший в Западной Европе и России, оказал большое влияние как на художественную литературу и публицистику, так и на научные исследования о Кавказе. Продолжая систематизировать кавказские материалы, русские и зарубежные авторы увлеклись изучением социальных сюжетов.

В отечественной исторической мысли конца XVIII — начала XX века условно можно выделить три направления изучения российско-кавказских взаимоотношений: консервативное, или официально-охранительное, либеральное и демократическое.

Российская консервативная идеология синкретизировала элементы западноевропейских консервативных и либеральных ценностей. В зависимости от исторических условий русский консерватизм принимал различные формы. В кризисной ситуации, когда опасности подвергалось само государство, а вместе с ним общественные и личностные ценности, усиливалось «охранительное», консервативное начало идеологии. В благоприятной ситуации оно ослабляется, открывая возможность для развития либерального начала [2].

Кавказская война вызвала огромный научный и практический интерес к региону. С активизацией военных действий наблюдается интенсивное изучение этнополитических и этнокультурных особенностей региона, что объясняется трансформацией целей и методов российской политики на Северном Кавказе. Из потребностей военно-административных структур постепенно вырастает и складывается кавказоведение [3, 9]. Повестку дня теперь определяла проблема завоевания народов Кавказа и включения его территории в состав Российской империи. Помочь в решении этой задачи могла и должна была историческая наука.

Познавательный интерес консервативно настроенных исследователей был обусловлен, прежде всего, поиском наиболее эффективных способов покорения и управления местными народами. В их трудах характер исторических связей России и северокавказских народов в XVIII-XIX вв. трактуется через призму геополитических интересов России в регионе. Сторонники официально-охранительного направления историографии подчеркивали приоритет политических целей в действиях России, ее стремление к завоеванию Кавказа ради расширения и укрепления империи.

Консервативная историографическая традиция олицетворяла собой имперскую позицию в вопросе российско-кавказских отношений. Генерализирующая концепция сторонников официального направления кавказоведения, как считает П. А. Кузьминов, опиралась на тезис об исключительной роли самодержавия, которое по своему «желанию» решает судьбы народов [4, 169]. Ключевыми понятиями этого направления были «колонизация», «усмирение», «завоевание», «покорение» и т. д.

При исследовании дореволюционных историографических источников консервативного течения бросается в глаза отношение к кавказским наро-

дам как к «хищникам», «варварам» и т. д. Подобные характеристики объясняются стадильным разрывом уровней социокультурного развития кавказских народов и российского общества. В.В. Черноус подчеркивает, что боевые столкновения в период Кавказской войны необходимо рассматривать как цивилизационно-культурный конфликт [5]; российское общественное сознание только так было способно обозначить природу туземцев.

В XIX в. основой науки становится историзм, появляются исторические сочинения, основанные на тщательном, скрупулезном изучении документов [6, 184]. Рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития сменяет прагматическое повествование и психологизм, сложившиеся на базе рационализма в философии XVIII в. [7, 198].

В кавказоведческих исследованиях имперского периода обнаруживается стремление к объяснению того или иного явления в среде горцев, к анализу их природы, возникает то, что в современной историографии обозначается задачей «открытия Другого». [27]. Данная установка, согласно А.Х. Борову, «выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника» [8, 8]. Реализация этой установки в процессе исследовательской деятельности привела к формированию особой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа, которая может быть определена как политико-этнологическая [9].

Территориальная экспансия Российской империи в XIX веке воспринималась как нормальный исторический процесс не только в среде правящих кругов, военных деятелей, но и в российском обществе. В данном контексте Кавказская война оценивалась большинством представителей государственной власти и обществом как оправданный, с исторической и геополитической точек зрения, процесс укрепления позиций Российской Империи в северокавказском регионе [10].

Имперский подход соединял в себе геополитическое обоснование неизбежности российского продвижения на Кавказ и культурно-цивилизационное обоснование необходимости именно военного покорения горских обществ, лишенных начал гражданственности и основанных в значительной степени на «хищничестве» [9]. «Великой православной державе» необходимо было приводить в исполнение свою «высокую христианскую и цивилизаторскую миссию на Востоке» [11, 48]. Историки-консерваторы в своих исследованиях решали важную задачу легитимации Российской политики в регионе.

Одной из первых работ, в которой явно просматриваются мотивы консервативного течения российской историографии, стал многотомный труд М.М. Щербатова [12], в котором уделено особое внимание предпосылкам сближения кабардинцев и части западных адыгов с Россией в XVI веке. Официальный историограф Российского двора утверждает, что основная причина установления тесных взаимоотношений с Российским государством заключалась в стремлении Кабарды добиться у него защиты от «внешних врагов», т. е. Турции и Крыма. Начиная с 1552 года, когда в Москву прибыло посольство от «народов Черкесских и Кабардинских» с просьбой принять их в

подданство, Россия стремилась установить свою власть над всеми «горскими черкесскими народами» [12, 429, 430].

В работе автор неоднократно подчеркивает важность установления взаимоотношений с Московским государством для Кабарды, поскольку её народ благодаря этому взаимодействию приучался к «порядочной жизни», учился быть «удобным» для общения с другими народами [12, 60].

Во многом аналогичные взгляды выражены в исследовании Н.М. Карамзина [13], где рассматриваются проблемы российско-кабардинского исторического взаимодействия начиная с «касожского» периода вплоть до XVIII века. Наиболее тесные связи налаживаются, как полагает автор, с 1557 года, когда «князя Черкесские, присягнув Государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать Султанские владения и Тавриду» [13, 167].

Главная ценность работ Н.М. Карамзина и М.М. Щербатова заключается в том, что благодаря их исследовательской деятельности в научный оборот были введены важные источники и летописные материалы [14, 78], формировалось концептуальное видение характера первых российско-адыгских связей.

Привлекает внимание работа П.П. Зубова [15], посвященная географическим, этническим и культурным особенностям Кавказа, а также истории его взаимоотношений с Россией. Согласно автору, горцы «неоднократно обращали на себя праведную кару ... правительства, которое... продолжает почти ежегодные против них экспедиции по необходимости, дабы положить преграду их хищничеству и разбоям» [15, 89].

Говоря о статусе Кабарды в XVI в. на Северном Кавказе, автор подчеркивает, что «кабардинцы имеют преимущество над всеми горскими народами, кроме одних дагестанцев; все прочие роды, как то: кумыки, чеченцы, осетинцы, абазинцы, бесленейцы, ингушевцы и другие, не только им подражают в нравах и во всех обычаях, но частию от них зависели и платили дань» [15, 92]. Безусловно, эта информация была важна для Российского государства, стремящегося включить в сферу своего влияния весь Кавказ. Как и предыдущие авторы, П.П. Зубов главную причину сближения Кабарды и России в XVI веке видит во внешней угрозе независимости адыгов со стороны Крымского ханства и Турции.

Насильственная политика в регионе оправдывалась и А.П. Карабаныным [16]. В понятие «Кавказская война» автор вкладывал многовековую историю российско-кавказского противостояния: начиная с похода Святослава Игоревича в 968 г. к ясам и косогам до захвата в 1848 г. аула Гергебиль отрядом под командованием князя М.З. Аргутинского-Долгорукова. Большое значение в «водворении спокойствия» в Кавказских владениях России историк придает деятельности А.П. Ермолова [16, 621].

Ценными трудами, не потерявшими своего научного значения и для современного кавказоведения, являются работы видного представителя официально-охранительного направления историографии Р.А. Фадеева [17]. Одну из них он посвятил Кавказской войне, начало которой связал с 1801 го-

дом, когда к России была присоединена Грузия. Это событие, по его словам, «определило новое отношение государства к полудиким племенам Кавказа» [17, 4].

Характер российско-кавказских исторических связей трактуется автором через призму геополитических интересов России в регионе. Р. А. Фадеев считает, что насильственное присоединение кавказских территорий «было первой государственной необходимостью» [17, 15]. Но покорять регион необходимо только силою оружия, поскольку «разбой был главным ремеслом горцев», договориться «с подобными людьми» было невозможно [17, 25]. Позитивные результаты, с точки зрения автора, могла принести «методическая война», предполагающая, что завоевание будет происходить постепенно, «клочек по клочку». Кавказская война завершилась, согласно Р. А. Фадееву, в 1859 году, когда была завоевана вся территория Чечни [17, 48]. В работах Фадеева содержится богатый материал о наиболее значимых событиях Кавказской войны, военной истории России и о возможных путях дальнейшего развития имперской политики в регионе.

К консервативному направлению отечественного кавказоведения правомерно отнести исследование А. П. Берже [18].

Кавказская война, по его мнению, стала неизбежным и «естественным результатом государственного роста» Российской империи, поскольку «всегда и везде мелкие полудикие народности поглощались более сильными народами, и если утрачивали при этом национальные особенности ..., то за это получали право на умственное и нравственное развитие и приобретали более высокую степень материального благосостояния» [18, 345].

В разжигании этого многолетнего военного конфликта автор обвиняет «турецкое правительство и европейскую дипломатию, которые вовсе не думали о благоденствии горцев, но пользовались ими как средством противодействия развитию России», обещая им всяческую помощь в борьбе с ней. В результате война унесла массу жизней, тогда как население Северного Кавказа «должно было жить и, оставив свои дикие нравы и порядки, воспринять цивилизацию...» [18, 349]. В работе А. П. Берже также рассматриваются причины и основные этапы выселения северокавказских народов в Турцию.

Обширные сведения по проблеме присоединения Кавказа к России, этнографическим и культурным особенностям региона приводятся в многотомной работе Н. Ф. Дубровина [19]. Понимая стратегическое значение Кавказского региона для России и всю сложность, с которой этот край завоевывался, автор главное предназначение своего исследования видит в том, чтобы изложить все события «так, как они происходили на самом деле».

С точки зрения Н. Ф. Дубровина, «войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, каковы его силы», иметь представление о характере и быте того народа, с которым приходится бороться [19, 14]. Н. Ф. Дубровин считает, что «всё существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире» [19, 64]. Это «хищничество», утверждает автор, заста-

вило главнокомандующего на Кавказе князя П. Д. Цицианова принять меры по его уничтожению среди кабардинцев, которые в начале XIX века оказались «в зависимости России» [19, 22]. Очевидно, к этому времени автор и относит присоединение Кабарды к Российскому государству.

В данной работе содержатся небольшие очерки по истории и этнографии каждого народа Северного Кавказа, что придает ему особую ценность как историческому и историографическому источнику.

Российский генерал, военный историк В. А. Потто [20] считал «покорение» «воинственных, гордых и свободолюбивых племен» Кавказа «вынужденными настоятельными» государственными потребностями России. Присоединение Кабарды стало одной из первоочередных задач российской внешней политики со времен Петра I, и судьба её в XIX в., как считает автор, была уже предопределена.

Осетины, по словам В. А. Потто, были «заперты в своих ущельях» кабардинцами, поэтому русские войска, впервые появившиеся здесь в годы правления Екатерины II, были встречены как настоящие «избавители» [20, 102, 103]. Но вскоре доверие осетин было утеряно, что связывается автором с ошибками российской администрации в регионе. В результате целой серии карательных экспедиций против «хищников», в особенности после военных действий отряда генерала И. Н. Абхазова в 1830 г., были завоеваны Кистинское и Тагаурское ущелья и образовано приставство, «которое должно было внести в жизнь осетинского народа начало гражданского порядка» [20, 155]. Данное исследование ярко демонстрирует существовавший в сознании дореволюционной интеллигенции образ того или иного северокавказского народа. И в соответствии с этими представлениями, видимо, избирались подходы к освещению российско-кавказского исторического взаимодействия.

Консервативное крыло исторической науки представлено также работой Н. В. Гильченко [21], в которой изучены взаимоотношения осетин с соседними народами и Россией в период средневековья и нового времени. Автор утверждает, что осетины, «стесненные в горных ущельях, страшно бедствовали»: отсутствие плодородной почвы обусловило «недостаток пищевых средств, а доставка их с севера и юга, в виду враждебности населения грузинских феодалов и кабардинцев, была в высшей степени трудна» [21, 39, 40]. Такая ситуация длилась веками, пока на Кавказе не появились русские, которые «много сделали для осетин, разрозненных кровавыми междоусобицами внутри, угнетаемых кабардинцами извне», влачивших «жалкое существование, пока русское правительство не приняло участия в их судьбе» [21, 41]. Участие это выразилось в повелении графу Гудовичу в 1792 г. «охранять» осетин от кабардинцев. С этого времени, замечает Н. В. Гильченко, «осетины вздохнули свободнее» и перешли «под владычество русских» [21, 42]. Таким образом, Северная Осетия была присоединена к России уже в конце XVIII века, и произошло это исключительно мирным путем.

В. Чудинов [22] подробно изучил содержание военной экспедиции генерал-майора И. Н. Абхазова в Тагаурское общество в 1830 году. К числу причин,

«вызвавших экспедицию», историк относит «своеволие, неповиновение властям, разбои и хищничества» [22, 70] осетин. Действия генерала обрели желаемый успех — посредством установления приставства в Осетии было положено «основание гражданскому порядку» и «жители были поголовно приведены к присяге» [22, 109, 110]. С этого времени, как утверждает В. Чудинов, есть основания считать осетин «покоренными и достаточно покорными» [22, 114]. По словам автора, после 1830 года у северных осетин «нет более истории», поскольку они «быстро ассимилировались», войдя в состав России [22, 114].

В аналогичном русле написаны работы Е. Д. Максимова и Г. А. Вертепова [23], посвященные истории северокавказских народов. Авторы полагают, что поводом для осложнения кабардино-осетинских отношений стала «предгорная плоскостная земля, в которой нуждались обе народности» [23, 10]. В условиях отсутствия земли, жестком давлении соседей, Осетия встретила первые русские войска в крае, появившиеся здесь при Екатерине II, «как своих избавителей». «Первым делом русских было движение на Кабарду, отодвинувшее ее от гор, и давшее возможность осетинам спуститься на плоскость» [23, 15], — подчеркивают авторы.

Отношения с Россией ухудшились в первой трети XIX века, когда стали происходить нападения «осетинских шаек» на войска, проезжавшие по Военно-Грузинской дороге. Эти обстоятельства «побудили Паскевича принять решительные меры к покорению осетин и водворению у них русской гражданственности» [23, 15]. В результате русских военных экспедиций в 1830 г. Северная Осетия была разделена на приставства и включена в состав Терской области и Тифлисской губернии. Как отмечают Е. Д. Максимов и Г. А. Вертепов, с этого времени среди осетин снова «начинается переход в христианство». Авторы придают большое значение распространению православия в Осетии, поскольку оно выполняет важную «цивилизующую» функцию [23, 16].

Традиции официально-охранительной историографии ярко отразились в исследовании Д. Н. Дубенского [24], изданном под псевдонимом Служивый. Начало Кавказской войны автор связывает с присоединением Грузии, что «наложило на Россию нравственную обязанность защищать единовременный народ от окружавших его многочисленных врагов ... и привело к завоеванию сначала народов Закавказья, а потом и всех горных племен» [24, 6].

«65 летняя Кавказская война» делится автором на 6 периодов: на первом этапе войны (1800-1816 гг.), российские войска, завоевав Закавказье, должны были «удерживать в повиновении» многочисленных врагов и одновременно вести войну с Турцией и Ираном. Ермоловский период Кавказской войны (с 1816 по 1827 гг.) характеризуется проведением систематической «внутренней работы над укреплением русской власти на Кавказе» [24, 7, 8]. Третий этап (1827-1831 гг.) ознаменовался, согласно Д. Н. Дубенскому, развитием мюридизма. Период с 1831 по 1846 гг. характеризуется отсут-

ствием в действиях российских войск какой-либо системы. С назначением Кавказским наместником князя М. С. Воронцова начинается новый этап боевых столкновений (1846-1856 гг.), война принимает характер постоянной блокады Чечни и Дагестана с очень осторожными наступательными действиями. Шестой и последний период Кавказской войны (1856-1864 гг.) связывается Д. Н. Дубенским с именем князя А. И. Барятинского, который «обдуманно и энергично» занялся проблемой завоевания Восточного Кавказа. Результатом его деятельности стало взятие Гуниба и плен Шамиля в 1859 г. Покорение Западного Кавказа затянулось до 1864 г. и завершилось уже при Великом князе Михаиле Николаевиче [24, 9, 10].

Присоединение Кавказа, как утверждает автор, привело Россию «в соприкосновение с теми азиатскими народами», в среду которых ей необходимо было внести «наш гений, нашу культуру, нашу науку» [24, 144]. Д. Н. Дубенский является одним из первых исследователей, который ввел в научный оборот периодизацию истории Кавказской войны.

Консервативный подход в изучении проблем российско-кавказского исторического взаимодействия характеризует работу И. Иванова [25]. По его данным, впервые российские казахи поселения у «ворот Кавказа» появились в период правления Ивана III, а «царь Иван Васильевич Грозный отдал во владение казакам эту страну, и при нем была построена Терская крепость» [25, 4].

Окончательное присоединение региона автор относит к лету 1859 года, когда была «покорена» Чечня. После чего Кавказ, наконец, встал «на путь правильного развития гражданственности, как обширная и богатая область великого государства» [25, 144].

Военный историк С. С. Эсадзе [26] подчеркивал, что территориальное расширение Российской империи к югу стало результатом «естественного» стремления «славянского племени к соединению в сильное государство в пределах, указываемых его географическим положением» [26, 70]. То есть северокавказские земли явились важным инструментом укрепления государственного строя России.

Таким образом, в исследованиях официального направления отечественной историографии ярко отразилась позиция имперского руководства в вопросе российско-кавказского исторического взаимодействия. Представители данного течения оправдывали государственную политику в регионе и создавали идейную основу ее легитимации. Они подчеркивали историческую обусловленность вхождения Северного Кавказа в состав России, доказывали необходимость строительства крепостей, военных экспедиций для решения важнейших геополитических задач империи. Вместе с тем, в исследованиях данного направления системно обосновывался позитивный характер русского влияния на северокавказскую культуру, в результате которого местные народы приобщались к основным ценностям европейской цивилизации.

Примечания:

1. Северный Кавказ в составе Российской империи/Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников и др.; отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
2. Голиков А.К. Русский консерватизм XIX — начала XX века в контексте западноевропейского консерватизма // URL: <http://www.politex.info/content/view/187/30/>(дата обращения: 15.02.2016).
3. Тхагапсоев Х.Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб.: Астерион, 2008. 224 с.
4. Кузьминов П.А. Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // Кавказский сборник/Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2008. Т. 5.
5. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // URL: <https://www.kavkaz-uzel.ru/articles/19905/>(дата обращения: 10.05.2016).
6. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII — начало XX века. Ставрополь: СГУ, 2011. 496 с.
7. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 642 с.
8. Боров А.Х. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. 2012. Вып. X.
9. Боров А.Х., Муратова Е.Г. Общество и власть на Северном Кавказе в XIX — начале XX в.: предметное поле и концептуальные основы исследований в отечественном кавказоведении // URL: www.science-education.ru/110-9989 (дата обращения: 14.11.2015).
10. Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2004 // URL: <http://www.dissercat.com/content/kavkazskaya-voina-1817-1864-godov-v-otsenke-sovremennikov#ixzz3J2UR2jP9> (дата обращения: 10.11.2014).
11. Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях: Речь проф. А.А. Цагарели, чит. на годич. акте... Санкт-Петербургского университета 8 февр. 1891 г. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1891. 51 с.
12. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. 5. 543 с.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1993. Т. 8. 576 с.
14. Шеуджен Э.А. Н. М. Карамзин о первых контактах народов Руси и Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 77-83.
15. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835. Ч. 3. 270 с.
16. А.П. К. Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон: в 14 т. СПб., 1854. Т. 6.
17. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: В Военно-походной типографии Главного штаба Кавказской Армии, 1860. 159 с.

18. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Тифлис, 1882. Т. XXXIII. Февраль.
19. Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 4. 546 с.
20. Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб., 1889. Т. 5. 335 с.
21. Гильченко Н.В. Материалы для антропологии Кавказа. Осетины. СПб.: Типография Департамента уделов, 1890. 217 с.
22. Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. XIII.
23. Максимов Е.Д., Вертепов Г.А. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ: Тип. Обл. правления Терской обл., 1892. Вып. 1. 187 с.
24. Служивый (Дубенский Д.Н.). Очерки покорения Кавказа. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. 155 с.
25. Иванин И. Кавказская война и её герои. Очерки покорения Кавказа. М.: Издательство книгопродавца М.В. Клюкина, 1904. 144 с.
26. Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис: Типография Канцелярского наместника Е. и. выс. на Кавказе, 1913. 71 с.
27. Хадикова А.Х. Ценностный аспект кавказоведческих исследований // Наука и образование в жизни современного общества. Сб. научных трудов по материалам международной научно-практич. конференции 30 апреля 2015. Т. 2. Тамбов: УСОМ, 2015. 163 с. С. 150-152.

Д. А. Огузова,
аспирант СКИ – филиала РАНХиГС
(г. Пятигорск)

КОНЦЕПЦИЯ МАРКА БЛОКА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

В данной статье автор рассматривает подход к изучению крестьянства одного из крупнейших медиевистов и методологов европейской исторической науки — Марка Блока. Его методы позволят под новым углом посмотреть на историю адыгского крестьянства.

Ключевые слова: адыги, крестьянство, социальная история, междисциплинарность, Марк Блок.

Author considers in this article the approach to the study of peasantry by the one of the largest Medievalists, and methodologists of the European historical science — Mark Bloch. His methods will allow to look at the history of the Circassian peasantry with a new point of view.

Keywords: Circassians, peasantry, social history, interdisciplinarity, Mark Bloch.

При постановке какой-либо научной проблемы принципиальным вопросом является разработка методологического подхода исследования. Это касается и проблем истории крестьянства в отечественной науке. В последние десятилетия все большую популярность набирают такие научные направления, как социальная история, микроистория, история повседневности. Центр внимания исследователей смещается с военных, политических, экономических факторов, определявших, с точки зрения предшествующих поколений историков, основные жизненные линии социума на быт человека, его повседневную жизнь, чувства и внутренние переживания.

Говоря о таких понятиях, как «социальная история», «междисциплинарность», будет справедливо выделить из множества ученых одного из основоположников данного направления — Марка Блока.

Марк Блок — французский историк-медиевист, автор трудов по западноевропейскому феодализму, аграрным отношениям во Франции, проблемам методологии. Важно отметить, что именно он заложил основы методологической модернизации исторической науки в XX веке. В качестве основных его трудов можно выделить: «Феодальное общество» [3], «Характерные черты

французской аграрной истории» [4], «Апология истории, или Ремесло историка» [2].

В 1929 году, совместно с Люсьеном Февром, Марк Блок основал журнал «Анналы социальной и экономической истории», положивший начало так называемой «школе Анналов», разрабатывавшей в Западной Европе нетрадиционный системный подход в гуманитарном знании XX века.

По Блоку, любой исторический источник сам по себе не информативен. Он становится полезным и интересным тогда, когда становится объектом исследования ученого. Источник всегда «отвечает» на конкретные вопросы историка. Правильная постановка вопроса позволяет проникнуть вглубь лежащих на поверхности событий.

Блок осуществил переориентацию науки истории с описания «деяний» на анализ массового социального поведения, повседневной жизни людей, проходящей в медленно текущем времени традиционного общества. На смену изучения событий внешних, по отношению к человеку, приходит, по мысли Блока, социальная история — анализ общества как целостной системы. Историческое исследование ориентируется на тесный союз с социальными науками и приобретает междисциплинарный характер. Полную картину исторического прошлого, по Блоку, строит исследование, сочетающее анализ объективных факторов — экологических, технических, демографических — с изучением субъектного, социально-психологического начала истории.

Обратившись к реконструкции ментальных структур, определяющих социальное поведение человека, Блок опередил основные исследовательские установки «исторической антропологии» 1970-1980-х годов (Ж. Дюби, Ле Гофф, А.Я. Гуревич). Понимая историю как науку «о людях во времени», он рассматривал именно человека как начало, интегрирующее различные аспекты жизнедеятельности общества. Акцент на гуманитарном измерении истории делает идеи Блока особенно актуальными в контексте современных поисков в исторической науке. Анализ его творчества и в наши дни побуждает гуманитариев к осмыслению многих актуальных вопросов [6].

По мнению Блока, для построения полной картины исторического прошлого необходимо проводить исследование, сочетающее анализ объективных факторов с изучением социально-психологического начала истории, ориентацией на воссоздание ментальных структур, определяющих поведение человека в обществе [7].

Оригинальные по постановке вопроса и капитальные по исполнению исследования Блока пользуются заслуженным признанием российских ученых. Они высоко ценят его, признают в нем выдающегося специалиста в области социальной истории. Именно он подошел в своих исследованиях ближе, чем кто-либо из западных историков до него, к пониманию сущности феодальной формации [5]. В этой связи особую ценность представляет его фундаментальный двухтомный труд «Феодальное общество» [3], в котором он рассматривает важнейшие проблемы феодализма с непривычного для

его предшественников ракурса, акцентируя внимание на изучении структуры сословий, их эволюции, общественной роли в повседневной жизни.

Блок придавал исключительное значение истории крестьянства. Но она, по его убеждению, не может ограничиваться установлением их социально-экономического и юридического статуса и его трансформации, изучением их повинностей, прав и обязанностей, материального положения, способов возделывания земли и тому подобными проблемами. Это также история определенного коллективного понятия, а именно — личной свободы и ее утраты. Изучение диалектики категорий свободы и несвободы — важный ключ к пониманию социальной действительности средних веков [5].

Блок уделяет большое внимание отношениям зависимости. Он пишет, что в первый период формирования феодализма эволюция шла в направлении расширения владений и прав сеньора. Повсюду, где отношения земельной зависимости поначалу были размыты и отличались относительной свободой, они становились жестче, определеннее, и в результате возникали настоящие сеньории. В повсеместном их распространении немалую роль сыграло насильственное внедрение. Сильные не стремились лишить слабых земли: без рабочих рук земля теряла свою ценность, они стремились превратить их в работников на своих наделах [3, 237].

По Блоку, главным основанием отношений сеньора с держателями, кроме договора о личной зависимости, был «земельный обычай» — плата за землю. На начальной стадии феодализма перечень того, чем держатели платят «обычай», очень разнообразен. Это были несколько сжатых на поле снопов, куры из своего птичника, соты из своего пчельника. В другие дни крестьяне трудились на господских полях и огородах.

Позиция Блока оказала довольно существенное влияние на западную, а затем и мировую медиевистику. Вся последующая западная историческая наука при исследовании проблемы социального строя западноевропейского крестьянства фактически отправляется от критического анализа положений Блока. Что касается советской медиевистики, то в ней в течение длительного времени не предпринималось ни историографических, ни конкретно-исторических исследований, в которых бы специально рассматривались поднятые Блоком темы [1].

Кроме того, предложенный Блоком новый подход к изучению эволюции правовых категорий в крестьянстве, при котором центр тяжести переносится с изучения юридических предшественников той или иной категории на условия ее формирования, стал плодотворным. Именно это позволило французскому ученому выйти за рамки традиционной проблематики и сделать принципиально новый шаг. Появилась возможность рассматривать серваж не как изолированное явление и не как преемника известных в прошлом юридических форм, а, прежде всего, как составную часть социальной системы того или иного периода, воспроизводящую ее основные характерные черты.

Блок выступает в качестве приверженца «обратного метода» в исследовании исторических явлений, при котором историк обязан точно определить

связи прошлого и настоящего, выяснить основные черты того или иного явления в его развитом состоянии, чтобы искать его корни в более отдаленных эпохах. Блоку удалось придать весьма специальному и сухому материалу редкую жизненность и красочность [4, 7].

При рассмотрении эволюции крестьянства Блок выдвигает на первый план социально-экономический статус отдельных групп. Выдвигает тезис о классовой неоднородности крестьянства в течение всего феодализма. Различия в экономическом положении крестьян он считает признаком классового неравенства [4, 21].

Многие стороны размышлений Марка Блока представляются для так называемой *микроистории* интересными; в частности истории адыгского крестьянства. При изучении адыгского крестьянства через призму воззрений Блока, у нас возникает множество интересных вопросов, на которые пока нет ответа. В первую очередь, мы пытаемся приблизиться к тому, что вкладывается в понятие ментальность крестьян. Что же было для него важнее всего? Что для него жизненный успех? Почему так важно было жить в соответствии с обычаями и традициями, по правде и совести, иметь большую семью, пользоваться уважением односельчан? С этим связаны и вопросы, касающиеся значения праздников и траурных мероприятий, аспект их необходимости.

Таким образом, использование научно обоснованных наработок известного ученого-медиевиста позволит нам исследовать историю крестьянства с такого ракурса, который позволит реконструировать социальную повседневность данной общности, выявить новые неизученные грани, дать ответ на вечный вопрос истории: кто мы, который всегда интересует и волнует. В комплексе с уже изученными экономическими, политическими, географическими, демографическими фактами историческая наука сможет приблизиться к «тотальному», «всестороннему» изучению крестьянства.

Примечания:

1. Бессмертный Ю.Л., Грацианский Н.П. Концепция Блока. [Электронный ресурс] URL[http:// www.how2buy.ru](http://www.how2buy.ru) (дата обращения: 3. 06. 2015).
2. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
3. Блок М. Феодальное общество./Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
4. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: Издательство иностранной литературы. 1957.
5. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории». [Электронный ресурс] URL[http:// cmb.rsuh.ru](http://cmb.rsuh.ru) (дата обращения: 11. 05. 2016)
6. Трубникова Н. «Без жертв наше спасение невозможно...» (Марк Блок. Странное поражение) // Отечественные записки. 2004. Вып. 5. [Электронный ресурс] URL[http:// www.strana-oz.ru](http://www.strana-oz.ru) (дата обращения: 02. 06. 2015)
7. Фурс В.Н. Марк Блок. [Электронный ресурс] (дата обращения: 07. 05. 2015).

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т. Т. Дауева,
мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСЕТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В статье исследуются формы самоуправления и регламентации общественной жизни, существовавшие в осетинском обществе в начале XIX века. Исследуются отдельные вопросы функционирования и деятельности народного собрания. Ныхас оставался главным властным институтом при разрешении конфликтов в сельских обществах, а также регулировал наиболее актуальные вопросы.

Ключевые слова: община, обычное право, адат, народное собрание, ныхас.

The article researches the forms of self-regulation and social life that existed in the Ossetian society at the beginning of the XIX century. It studied some issues and the functioning of the national assembly activities. The nykhas remained the main government institutions in resolving conflicts in rural communities, as well as regulate the most pressing issues.

Key words: community, customary law, adat, the national assembly, nykhas.

Осетинская община в начале XIX века — сложное социальное образование, состоявшее из кровнородственных и территориально-соседских объединений, которые различались по количеству членов и по отношению к собственности. Экономическими основами соседской организации являлись общинное землепользование и общинная взаимопомощь, а важнейшей функцией соседской общины являлась регламентация сельскохозяйственных работ на обрабатываемых землях [1, 108-109].

Сельская община владела совместной собственностью.

М. М. Ковалевский указывает, то «господствующим видом общинного владения — все еще продолжает оставаться совместная собственность всех дворов одного и того же округа: тагаурцы, куртатинцы, алагирцы и наро-мисонцы — владеют общинными угодьями не по аулам; каждое из этих главных подразделений осетинского народа имеет свою территорию, в которой часть земли состоит в собственности отдельных дворов и семей, а остальная продолжает оставаться в общем обладании всех жителей, сколько бы селений ни занимали последние» [1, 141-142].

В частной собственности находились пахотные участки, передаваемые по наследству; общественная собственность распространялась на выгоны и летние пастбища, использовавшиеся сообща пропорционально поголовью скота, на леса и значительные участки покосной земли, делившиеся между общинниками по жребию [2, 8]. На равнине владение угодьями ограничивалось территориальными пределами самой общины

А. Х. Магометов пишет, что община представляла собой самоуправляющуюся, действующую на основе самоорганизации, автономную группу, которая выработала обычаи и обеспечивала соблюдение норм. Правовой обычай являлся священной традицией, поддерживаемой культовой практикой. «Самоуправляющийся коллектив — это объединение известным образом связанных между собой людей, которые сами ведут свои дела, разрешают внутренние противоречия, улаживают межгрупповые конфликты» [3, 68].

Каждое осетинское общество было самостоятельным и самодостаточным. Стабильность внутри общества являлась необходимым элементом, от которого зависела жизнеспособность целой общины, а любое преступление нарушало привычный ритм жизни общины и угрожало устоявшимся социальным отношениям. Наряду с нормами адата основным регулятором жизни в общине был и целый комплекс этикетных норм, которому каждый член общины должен был строго следовать.

В каждом обществе складывались обычно-правовые нормы, которые регламентировали общественный порядок внутри общества, а также сохраняли внутреннюю устойчивость. В. Б. Пфаф замечает: «Собственно в чисто патриархальном быту обычай вполне заменяет собою право и закон, потому что он вникает так глубоко во все подробности жизни, что при соблюдении всех его правил преступления и правонарушения делаются совершенно невозможным» [4, 187].

В каждом обществе сложились обычно-правовые нормы, которые регламентировали общественный порядок внутри общества, которые сохраняли внутреннюю устойчивость.

Каждое более или менее значительное нарушение в обществе предусматривало штрафные санкции в общественную казну за нарушение общественного порядка. Так, например, житель одного из селений, Б. был оштрафован на 5 рублей за ругательство [5, 52].

Как самодостаточный социальный организм осетинская община имела собственную систему руководящих и контролирующих органов своей жизнедеятельности, что сделало ее самоуправляемой и хозяйственно-территориальной единицей социума. Основными регуляторами жизнедеятельности общины являлись народное собрание — *ныхас*, посреднический суд — *тархон*. В общественной жизни осетин с древнейших времен *ныхас* играл важную роль. Главная роль в организации всех сторон жизнедеятельности осетинского села принадлежала *ныхасу*, исполнявшему такие важнейшие функции общественной власти, как хозяйственно-распорядительные, регулятивные, контролирующие [6, 223].

На *ныхасе* обсуждались важнейшие вопросы общественной жизни данного общества. Круг вопросов, обсуждавшихся на *ныхасе*, был чрезвычайно широк. Через *ныхас* община была в курсе всех дел и настроений ее жителей. Ему также не чужда была семейно-бытовая хроника, но к вопросам этого порядка община в лице *ныхаса* относилась очень деликатно. «В патриархальном ауле все делается гласно, и эта неограниченная гласность имеет весьма благотворное влияние на всю нравственную обстановку жизни. Она предупреждает интриги, сплетни, наговоры, потому что малейшее подозрение в подобных поступках против кого бы то ни было, тотчас заявляется громогласно на *ныхасе* и разбирается столь же строго, как и всякое судебное дело» [7, 95]. На *ныхасе* обсуждались возникавшие с соседними обществами конфликты и принимались по ним определенные решения. Вопросы, связанные с примирением кровников, конфликты между родами и даже между отдельными членами рода, также выносились на *ныхас*. По всем вопросам — внешним и внутренним — выносились решения в строгом соответствии с нормами обычного права осетин. Отсюда, чтобы не было нарушения обычаев, блюстители общественной нравственности, в лице старшего *ныхаса* и стариков, принимавших участие в обсуждении вопросов, должны были в совершенстве знать народные обычаи. Решения *ныхаса* были авторитетны и обязательны для каждого, поэтому старики были обличены всеобщим доверием, которое завоевывалось в обществе честностью, неподкупностью, красноречием и знанием жизни своего рода.

Ныхас имел большое значение как в административном и юридическом отношении, так и в отношении общественной нравственности. Каждый житель ежедневно, вечером, являясь на собрание, отдавал обществу более или менее подробный отчет о деятельности своей в продолжение дня и вместе

с тем совещался с известными своим умом стариками, чтобы спросить у них наставлений в руководство для дальнейших действий.

Однако следует признать, что роль ныхаса, являвшегося самостоятельным органом, не облеченным публичной властью, в целом ряде конкретных вопросов, например, в урегулированиях частноправовых отношений и разрешения конфликтов между членами общины, была ограниченной. В деле умиротворения общины ныхас как выразитель общественного мнения оказывал на своих членов только моральное воздействие, но ни один общинник не мог игнорировать это мнение [8, 47].

Главенствующее положение в правовых нормах касалось вопросов упорядочения мероприятий, связанных с хозяйственно-экономической деятельностью обществ. Основное внимание в этом отношении уделялось регламентации хозяйственной деятельности всего общества. Если предстояло решить вопрос, когда начать пахоту, то старейшины села, обмениваясь мыслями на ежедневных встречах на ныхасе, в соответствии с земледельческим календарем и народными приметами определяли наиболее подходящее для этого время. Все хозяйственные работы вне двора: подготовки почвы к пахоте, начало пахоты, сев, уборка хлебов, начало сенокоса, уборка и порядок хранения сена, выпас скота, перегон его на летние или зимние пастбища и другие — проводились согласованно, т.е. регулировались общиной, хотя и оставались частным делом каждого. Члены сельской общины на ныхасе определяли сроки и порядок их выполнения, соблюдение традиционных обрядов (праздников), сопровождавших начало и окончание работ. В результате намечался конкретный срок, после чего крестьяне выходили одновременно в поле [9, 68].

Аналогичным образом регламентировалось сенокосение. Никто не приступал к сенокосению самостоятельно, а выходил на покос в одно время и непременно вместе со всеми жителями округа или целого ущелья. Горские осетины не решались косить траву раньше июля, прежде совершения праздника Атынага. По верованиям осетин, ранее начало косьбы влечет за собой гнев святых, посылающих непогоду, жгучую жару и прочие невзгоды, весьма вредные для сенокоса и жатвы. Кто решает выйти на покос раньше праздника Атынага, тот платит в пользу общества штраф в размере двух быков [10, 316]. Этот штраф приносился в жертву в праздник.

Весьма интересен обычай, согласно которому общинник еще в первой половине XIX века не имел права выходить на работу в поле или лес в субботу, воскресенье и понедельник. Они считались нерабочими днями. В случае крайней необходимости это право он искупал у общины устройством угощения для сельских старейшин или платил штраф. Штраф этот назывался по-осетински — *ивар* [3, 210-211].

На ныхасах разбирались, прежде всего, вопросы хозяйственной жизни всей общины. Он регулировал пользование лесом, пастбищами и выгонами, решал вопросы охраны нив, пастьбы скота и содержания общинного пастуха, назначал общие сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ,

устанавливал системы севооборотов, выносил решения об устройстве подъездных путей и строительстве мостов, обеспечивал уход за ними. Ныхас исполнял роль «законодателя», был своего рода органом, создавшим так называемое «общинное» обширное право в сфере вопросов хозяйственной жизни и общественных отношений внутри общины. В компетенцию ныхаса входило также разбирательство межобщинных конфликтов, дел об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, споров из-за имущества и воровства. Прием в общину нового поселенца извне разрешался также общинным собранием, на ныхасе [11, 124].

Полномочия ныхаса распространялись на хозяйственные, правовые вопросы, а также на контакты с соседями. Ныхас рассматривал судебные дела, но лишь когда они непосредственно затрагивали экономические интересы всего коллектива как единого хозяйственного организма. Сельские ныхасы управлялись старшими семейных общин [6, 147].

Наряду с сельскими ныхасами, существовали и так называемые «стыр» (большие) ныхасы, функционировавшие в масштабах всего ущелья [12, 114]. Такие ныхасы были, например, в Алагирском ущелье: ныхас в с. Дагом, площадка Зилахар, в Дигорском ущелье –Мадзаска и Мацута. Такие общие ныхасы имелись и в Куртатинском и Тагаурском обществах. На Стыр ныхасах собирались по делам особой важности или в моменты чрезвычайных событий. Вопросы, разбиравшиеся на этих ныхасах, касались интересов или судеб всего населения ущелья, нередко всего народа. В Дагоме, кроме этих вопросов, решались все важные тяжёлые дела трех осетинских ущелий — Алагирского, Куртатинского и Дигорского. Если дело не могло решиться у себя дома, в ущелье, с ним приезжали в Дагом [3, 226].

По обычному праву ныхас не имел над отдельным человеком никакой власти; все же приговоры его, не исключая смертную казнь, исполнялись не через общественные должностные лица, но единственно через отца судимого.

Сельская община осуществляла коллективную оборону села, защиту интересов его жителей. Общинники несли в этом одинаковую ответственность. Так, строительство сторожевых башен, общих для всего села, осуществлялось всеми жителями на средства всей общины, и караульную службу несли в них поочередно обитавшие на селе семьи.

Если из сельского стада грабителями угонялся скот или кто-либо из сельчан подвергался нападению в поле, то по тревоге поднимались все сельчане на его защиту. Сельчане участвовали также в преследовании похитителей девушки из данного села независимо от родства. Сельчане также были ответственны за своих сородичей.

Например, судебным постановлением с общества Долакова, куда были выведены следы злоумышленников, убивших и ограбивших Дз., в пользу семьи взыскать 600 рублей за лошадь, деньги и вещи — 555р 10 коп, судьям 8 руб, 75 коп., священнику, мулле и переводчику по р. каждому, а всего 1166 р. 85 к. [13].

Взаимопомощь среди общинников была распространена и в форме взаимных одолжений. Они проникли так глубоко в практику общины и стали таким привычным явлением в ней, что отказать в просьбе соседу считалось фактом, отрицательно характеризующим человека. Такой отказ вызывал не только обиду просителя, но и осуждение со стороны общества. Поэтому общинник к своему соседу приходил, не допуская мысли, что ему могут отказать в просимом. Этим правом мог в любой момент воспользоваться и тот, кто отдавал. Как видим, пренебрегавший этим обычаем жил среди своих односельчан на положении отверженного [14, 204].

Основное внимание при урегулировании межобщинных конфликтов обращалось на обстоятельства, при которых произошло преступление. Чаще всего межобщинные убийства и поранения происходили на почве защиты чести и интересов своего общества. Конфликты по земельным спорам и пограничные разногласия также нередко заканчивались межобщинными убийствами и ранениями. В важных вопросах, затрагивающих интересы фамилии, например, таких, как конфликты с другими общинами, вопросы кровомщения, примирение двух поссорившихся семей и фамилий, представители фамилий собирались на фамильный совет. В качестве своего представителя фамилия выставляла авторитетного и старшего мужчину, который, как правило, управлял и фамильным собранием. Его приглашали на все торжества, устраиваемые семьями всей родственной группы. Он же выполнял жреческие обязанности в кругу своей фамилии [3, 53]. Главой семейной общины был старший по возрасту мужчина — *хистар*, который являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества и под чьим непосредственным руководством находились все аспекты внутрисемейной общины.

Таким образом, к началу XIX века в Осетии существовала традиционно сложившаяся и четко налаженная система местного самоуправления. Прерогатива в урегулировании общественных отношений в обществах в большинстве случаев принадлежала ныхасу. Третейские судьи, состоящие из уважаемых стариков, пользуясь своим опытом и статусом, способствовали разрешению разного рода конфликтов.

Примечания:

1. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 1.
2. Городецкий Б.М. Осетины нагорной полосы Терской области. (Этнографическо-статистические материалы). Екатеринодар, 1908.
3. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
4. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т.1. С. 178-220.
5. Кануков И.Д. В осетинском ауле/В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 20-61.
6. Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия»: Осетия конца XVIII — нача-

ла XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.

7. Багаев А.Б. Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. Владикавказ, 2015.

8. Канукова З.В. Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII — начало XX в.)/Известия СОИГСИ. 2016. № 20 (59). С. 40-50.

9. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.

10. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888. Т. 1.

11. Дауева Т.Т. Разрешение конфликтов в порядке третейского судопроизводства Осетии XVIII — начала XIX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. Т. 13. С. 119-128.

12. Сокаева Д.В. Обозначение сакрального центра в осетинском обряде и сказочной прозе (устные рассказы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17. С. 114-117.

13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 117. Оп. 1. Д. 10.

14. Сокаева Д.В., Канукова З.В., Марзоев И.Т., Дзапарова Е.Б., Дзлиева Дз.М. Комплексная экспедиция по изучению осетинской диаспоры в Турции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 1 (82). С. 200-206.

Э. П. Дзагоева,
мнс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПОДХОДАХ К НАКАЗАНИЮ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ XIX ВЕКА)

В статье на основе изучения ранее неопубликованных архивных дел и этнографических источников анализируется гендерный подход к наказанию за девиантное поведение в осетинском обществе XIX века. Целью исследования является выявление гендерной дифференциации в определении наказания за преступления, совершенные в отношении половой неприкосновенности женщин. В обычно-правовом поле обнаружены ключевые особенности в подходах к наказанию: сословное происхождение и степень родства обвиняемых. Подробно рассмотрены виды наказаний, предусмотренные за нарушение внутрисемейных морально-нравственных норм.

Ключевые слова и фразы: обычное право осетин, преступление против личности, мужчина и женщина, прелюбодеяние, насилие, убийство, оскорбление чести, наказание.

In this article, based on research previously unpublished archival files and ethnographic sources, analyzes the gender approach to punishment for deviant behavior in the Ossetian society of the XIX century. The aim of this study is to identify the gender differentiation in determining the punishment for the crime committed against the sexual integrity of women. The usually-legal field identified the key features in the approaches to punishment: social class origins and the degree of relationship of the accused. Also discussed in detail penalties provided for violation of intra moral norms.

Key words: Ossetians common law, a crime against the person, man and woman, adultery, rape, murder, defamation, punishment.

Основные правовые нормы, сформировавшиеся в условиях патриархально-родовых отношений, регламентируют определенный морально — нравственный императив, в котором отражается отношение общества к наказанию личности в зависимости от совершенного преступления. Наказания за преступления, направленные против жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства личности в традиционных обществах подвержены не индивидуалистским тенденциям, а ответственности всей родственной группы, так как последствием любого преступления является кровная месть. В подобных

условиях общество, подверженное коллективной ответственности за преступления, совершенные одним из его членов, формирует жесточайшие правила регулирования общественной жизни и вырабатывает виды наказания за нарушение морали и закона. Рассмотрение убийства как одного из наказания особо тяжких преступлений, отмеченных в адатах осетин, и приравненного к нему преступления против половой неприкосновенности, позволит выявить круг лиц, на которых оно распространяется. Определение видов наказания мужчин за преступные деяния против женщин, и наказание женщин, за аналогичные преступления против мужчин представляют особенный интерес.

Гендерная асимметрия в подходах к наказанию выявляется на этапе исследования обычно-правовых норм. Убийство человека наказывалось кровомщением. Особо отягощенным преступлением считалось убийство женщины. В XIX веке кровомщение за смерть женщины стали заменять платой крови, которая оценивалась в половину против стоимости крови мужчины. К.Л. Хетагуров отмечал, что убийство женщины вызывало в обществе большой резонанс и считалось особенно постыдным для мужчины [9, 236]. Обычно-правовые нормы учитывали несколько важнейших нюансов в определении наказания: сословное происхождение пострадавшей, семейное положение и степень родства с убийцей или наоборот отсутствие родственных связей. Сословное происхождение влияло и на установление размера кровной платы, чем знатнее была пострадавшая, тем дороже была плата. Последствием намеренного убийства незамужней женщины мужчиной, не состоящим в родственных узах, являлось начало кровной мести ее ближайшими агнатами — братьями и отцом. Убийство замужней женщины в кровомщении включало мужа убитой и сыновей.

Муж, убивший жену, становился кровником по отношению к ее братьям и отцу. В. Пфафом был записан случай из практики третейских судов «Дело о случайном убийстве мужем жены в 1863 г.». Решением народного суда стало назначение кровной платы в размере «80 коров, а именно: 18 коров в натуре или деньгам; участок земли, стоящий 18 коров; медную или железную посуду ценою в 44 коровы» [7, 277]. Убийца обязался выплатить стоимость крови брату умершей как единственному близкому агнату.

Если же рассматривать убийство, совершенное женщиной по отношению к мужчине, с которым она не состояла в родственных отношениях, то ответственность за совершенное преступление переходила на ее ближайших агнатов, так как женщина не обладала юридической правоспособностью, более того, ей никогда не мстили. Кровную плату за женщину выплачивали агнаты или муж убийцы. Подобные преступления были очень редкими, и в обычном праве осетин не получили должного юридического освещения. Убийство женщиной в целях самозащиты до второй половины XIX века приравнивалось к любому другому убийству и наказывалось в соответствии с обычно-правовыми нормами. В ст. 11 Приговора Осетинского народа 1859 г. были введены первые изменения старых адатов осетин; согласно которым, за убийство мужчины, совершенного женщиной в целях самозащиты, закон предполагал освобождение от кровной платы родственникам убитого, так как мужчина

признавался виновником преступления. В случае ранения мужчины, «Приговор» предусматривал наказание по законам Российской Империи, а именно: «(наильник) должен был быть подвержен лишению прав собственности и ссылки в Сибирь» [6]. Таким образом, новое законодательство полностью защитило права женщины и агнатов, представлявших ее интересы. Уже к концу XIX века в периодической печати Северной Осетии отмечаются публикации, в одной из которых описан случай ранения кинжалом похитителя девушкой в целях самозащиты и оправданность ее действий. В 1903 году в газете «Казбек» вышла публикация об убийстве 13-летней девочкой Александрой С-ой жителя селения Владимирского Дзица С. [5, 37]. Защищая свою жизнь и жизнь своего младшего брата, она убила ворвавшегося к ним соседа, кровника семьи, и после самостоятельно заявила о случившемся в сельское правление. Данный случай непосредственно свидетельствует о влиянии на жизнь общества, а также доказывает в действии принятые обществом изменения, введенные новым законодательством.

Такие преступления, как убийство кровных родственников, детей, прелюбодеяние и насилие, находились в сфере семейного контроля. Наказание членов семьи, в том числе женщин, полностью зависело от субъективного решения главы семьи, определяющего вид наказания для каждого члена семьи индивидуально. Телесное наказание происходило внутри семьи и не имело широкого распространения. В целом внутрисемейные правовые нормы формировались на базе обычного права осетин и многовековой практике отсутствия кровной мести за подобные преступления.

К примеру, убийство ребенка родителями никак не наказывалось и не предусматривало кровной мести. В голодные годы убийство грудных детей-девочек и детей с отклонениями в развитии являлось необходимым для выживания семьи. М. М. Ковалевский считал, что такая практика «не являлась общераспространенным явлением для всей Осетии, а скорее особенностью для Южных осетин или туалъцев, жителей Нара, Тиба, Мамиссона» [2, 281]. Для всей остальной Осетии подобные факты умерщвления девочек были более редким явлением и всегда «вызывались временными и переходными причинами» [2, 281]. Убийство незаконнорожденного ребенка матерью предусматривало внутрисемейное наказание главой семьи. В. Пфаф отмечал, что не само убийство ребенка, а незаконные роды, несоблюдение норм нравственности являлось основной причиной наказания женщины, ее могли убить, или же наказать как прелюбодейку [7, 229]. Противоположным по строгости являлось наказание за убийство сыном своих отца или матери. В адатах 1936 года отмечалось, что в виде наказания применялось сжигание и разграбление родственниками и соседями дома убийцы, даже в том случае, если убийца проживал вместе с отцом и матерью. А. Яновский отмечал, что убийство матери и отца дочерью никогда не наблюдалось, да и убийство сыном родителей было очень редким событием в осетинском обществе [13, 173]. Исследуя разносторонние аспекты жизни осетин, Д. Я. Лавров приводил аналогичные свидетельства: «Из преступников-осетин, содержащихся во Владикавказской

тюрьме, половина — убийцы. Из них большая часть совершила свои преступления под влиянием чувства мести, по поводу оскорблений и т. п. Другие роды преступлений имеют сравнительно малое число представителей: к ним относятся грабители, слушники властей и преступники против нравственных семейных прав. Процент преступниц-женщин весьма ничтожен сравнительно с цифрой преступников-мужчин, что довольно выгодно говорит в пользу нравственности женщин-осетинок [3, 84].

Единственным из преступлений внутрисемейного права, предусматривающим публичное наказание для обоих полов, связанное с лишением имущества, телесными наказаниями, обезображиванием лица, изгнанием, убийством и всеобщим порицанием, являлось прелюбодеяние. Освобождением от ответственности за убийство мужем жены служил доказанный факт прелюбодеяния жены, и общество полностью оправдывало убийцу. Анализ правовой реакции на определенные разновидности преступных действий показывает, что публичное наказание зафиксировано исключительно в преступлениях, в которых затрагиваются нравственные постулаты общества. В патриархальном обществе нравственность особенно строго охранялась институтом семьи. Убийство прелюбодея не влекло за собой плату крови его семье, а также не могло быть урегулировано денежным возмещением морального ущерба пострадавшей стороне. Если прелюбодею удавалось избежать смерти, то он либо изгонялся из поселения, либо был обязан выплатить штраф в общинную кассу от 30 до 80 рублей [7, 236]. Наказание жены-прелюбодейки нередко сопровождалось обезображиванием лица и головы женщины, уродовали женщину в назидание другим и для того, чтобы предотвратить последующие браки с ней других мужчин. М. М. Ковалевский отмечал, что чаще всего отрезали волосы и уродовали нос [2, 155]. Впоследствии муж привязывал жену голой к ослу и водил по многолюдным местам селения, нанося ей удары плетью [2, 154]. З. Сосиев в этнографическом исследовании о станице Чернойорской описал пример публичного наказания преступника, уличенного в попытке насильственных действиях против женщины: «Молодой человек, позволивший прийти к женщине с дурными намерением, судом всего общества был водим по улице с торбой на шее, с крикуном впереди и конвоем сзади для того, чтобы обратить внимание всех и показать, какой позор ожидает тех, кто не умеет сдерживать своих преступных вожделений» [8, 163].

М. М. Ковалевский отмечал то, что осетинское право не выделяло растление в отдельный вид преступления и рассматривало его в совокупности с насилием против половой неприкосновенности, а это значит, что, независимо от возраста пострадавшей преступника наказывали исключительно как насильника [2, 149]. Подобное отношение распространялось и на похищение девушек — умыкание [1], так как единственно возможным умыслом похищения адат признавал насилие. В адатах первой половины XIX века умыкание, как и убийство, считалось особо тяжким преступлением, наказанием за которое предусматривалась смерть похитителя и насильника. Насильник мог избежать смерти исключительно путем бракосочетания с пострадавшей девуш-

кой и оплатой калыма — *ирада*, назначенного судом, в полном объеме. Этому свидетельствует разбирательство медиаторским судом дела «о бесчестии Габатом К. девицы Дзги Б.», от которого впоследствии девушка забеременела. В судебном процессе истцом выступил отец Б., потребовавший удовлетворения обиды и решения дела по установленному обычаю, но так как Габат отрицал свою вину, суд постановил принять обвиняемому очистительную присягу, от которой последний также отказался. Медиаторским судом селения Хума-лаг жителями которого являлись пострадавшая, истец и обвиняемый, было принято решение обязать Габата К. выплатить 100 р. на экипировку Дзги Б. и жениться на ней. «К. штраф готов уплатить, но жениться не намерен» [10, л. 1-4]. Для разрешения подобной ситуации, в случае, когда обвиняемый отказывался от брака с потерпевшей, адаты второй половины XIX века предусматривали увеличение калыма — *ирада* [7, 236].

С точки зрения общественного отношения, виновными в совершении-на-силиии признавались как мужчина, так и женщина, допустившая подобное преступление. Общество реагировало на подобные преступления сатирическими язвительными песнями, высказываниями и сплетнями, разносившими подобные единичные случаи по всей Осетии, формируя осуждающее моральное отношение у подрастающего поколения молодежи.

Исследование законодательства Российской империи середины XIX века выявляет некоторые особенности в наказании лиц, совершивших преступления, а именно: половозрастные различия пострадавших и территориально-региональные особенности. В частности, особенностью являлось снижение возраста пострадавшей с 14 до 13 лет для Закавказского края. Преступления, связанные с изнасилованием и растлением девушек младше 13 лет, наказывались лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы сроком от 8 до 12 лет, если девушке было больше 13 лет, то срок сокращался от 4 до 8 лет. При этом следует отметить, чтоотягчающим фактором признавался не только возраст пострадавшей, но и ее семейный статус, а также характер насилия и лицо, совершившее преступление половой неприкосновенности.

Примером применения наказания законодательства Российской империи второй половины XIX века за совершение преступлений, затрагивающих личную свободу и преступления против половой неприкосновенности, представляется «дело о похищении девушки Тассати Г. Дударуко и Заурбеком А. для вступления с ней в брак старшего брата, Дударуко А.». 12 июня 1895 года Владикавказский Окружной суд признал братьев А. «виновными в насильственном похищении в ночь на 7 января 1895 г. девицы Г-ой для вступления с нею против ее воли в брак Д. А-а». За совершенное преступление подсудимых приговорили к лишению всех особенных прав и преимуществ, кроме того, виновные были направлены в исправительные арестантские отделения — Д. А. на 1 год, а З. А. на 4 месяца [11].

Аналогичное наказание предусматривалось и для похитителей девушки Мисирхан М-ой в 1894 году братьями С-ми и Б-ми для вступления в брак с Исою Б-ым. Девушка была освобождена старшиной селения Санибанского

общества — Тимофеем Дз-м. При исполнении старшиной своих должностных обязанностей, он получил увечья, так как похитители отказались добровольно отпустить девушку и оказали сопротивление. По приговору суда за похищение девушки предусматривалось «передать их в исправительские арестантские отделения сроком на год» [12].

Таким образом, как свидетельствуют архивные дела, приведенные в исследовании, некоторые неотягощенные насилием преступления, в частности, умыкание во второй половине XIX века, попадали под разбирательство судов Российской администрации. До второй половины XIX века за убийство в целях самообороны предусматривалось наказание, однако, с появлением «Приговора осетинского народа 1859 г.», ответственность пострадавшей стороны за такое убийство была отменена. При этом, обычное право осетин предусматривало ужесточение наказания за преступления, связанные с честью замужних женщин, и общее наказание по адатам за оскорбление чести женщин в целом. Различные виды наказания за преступления против половой неприкосновенности свидетельствуют о дифференцированном подходе к наказанию мужчин и женщин. Наиболее жесткое наказание предусматривалось, независимо от пола, в случае обвинения в прелюбодеянии, так как такое преступление являлось нарушением норм семейной морали.

Примечания

1. Дауева Т.Т. Регулирование общественных отношений осетин в XIX — начале XX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. № 15.
2. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, 1995.
3. Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, Т. 4.
4. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.
5. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост.Л. А. Чибиров. Цхинвали, 1981. Кн.1.
6. Приговор осетинского народа. Владикавказ. 2011. Репринтное воспроизведение издания 1859 года. 26 с.
7. Пфаф В. Народное право осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост.Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2014. Кн. 7.
8. Сосиев З. Станица Чернаярская // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост.Л. А. Чибиров. Цхинвали, 1981. Кн. 4.
9. Хетагуров К.Л. Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в 5-ти т. Владикавказ, 2000. Т. IV.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1184.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 193.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 189.
13. Яновский А. Осетия. Цхинвал, 1993.

**Б. А. Битиев,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

РАЗВОД В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ОСЕТИН

В данной статье рассматривается такое редкое социальное явление традиционного осетинского общества как развод, анализируются его условия по нормам обычного права и по данным этнографических материалов. Прослеживается порядок проведения развода, а также положение и права каждой из сторон при расторжении брачного союза. На основе данного исследования делаются определенные выводы.

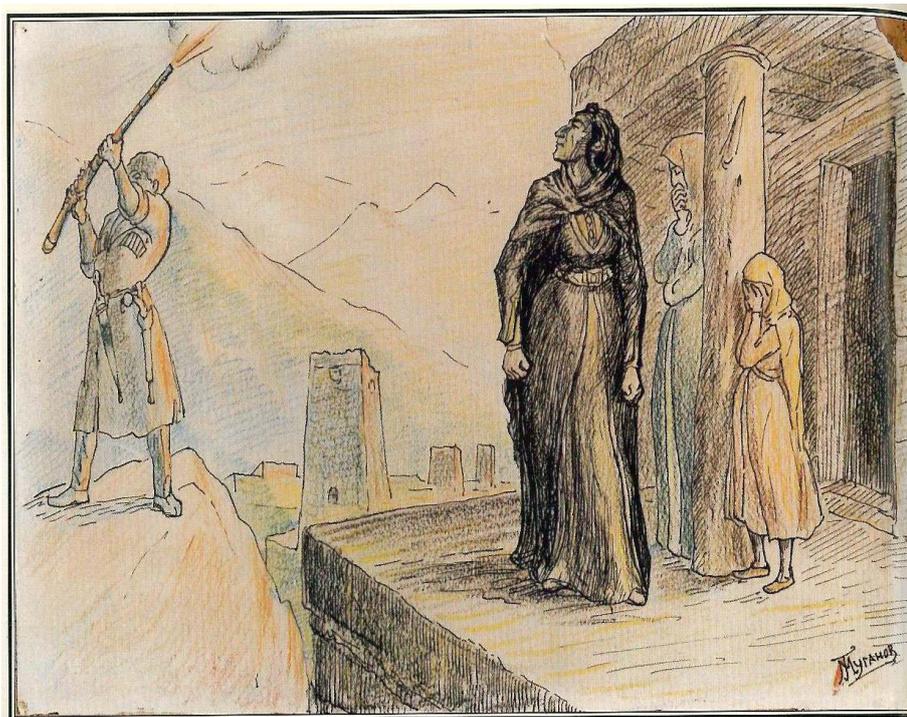
Ключевые слова: осетины, развод, обычное право, калым, никях.

This article discusses such a rare social phenomenon of traditional Ossetian society as a divorce, analyzes its terms and conditions for customary law and according to the ethnographic material. Procedure of divorce is traced, and the status and rights of two sides at the marriage union cancellation. Some conclusions are made based on the present study.

Keywords: Ossetians, divorce, customary law, kalym, nikah.

В данной статье рассматривается крайне редкое и малоисследованное явление жизни осетин дореволюционного периода — развод. Развод — мероприятие общественное, поэтому входил в круг вопросов, регулируемых обычным правом. Обычное право — система норм (правил поведения), основанных на обычае и регулирующих общественные отношения в какой-либо конкретной области. В то время вся жизнь осетин регулировалась нормами обычного права, а нормы российского законодательства только стали проникать в жизнь горцев.

В данной работе использованы материалы по обычному праву осетин, зафиксированные видными дореволюционными исследователями, такими, как Максим Максимович Ковалевский, Пфаф Владимир Богданович, Леонтович Федор Иванович, а также этнографический очерк «Особа» Коста Левановича Хетагурова; материалы великого осетинского художника и этнографа — М. С. Туганова, оставившего после себя многочисленные этнографические зарисовки. Махарбек Туганов жил на рубеже XIX и XX веков, поэтому именно благодаря его этнографическим зарисовкам дошли до нас многие старинные обычаи и обряды, которые теперь канули в Лету.

Этнографические зарисовки. М. Туганов «Развод»

Одна из его многочисленных зарисовок, изображающая процесс развода по обычаям, создана в 1934 году. На полотне представлен мужчина, который разводится со своей женой, потому что она не смогла родить ему мальчика. Сам процесс развода описан в этнографическом очерке К. Хетагурова «Особа».

Конечно, в те времена для развода должна была быть очень весомая причина, не то что современное «не сошлись характером» и тому подобное. Причина для развода должна была быть связана с жизненно важными вопросами, такими как продолжение или здоровье рода. Женщина, не способная иметь детей вообще, или мальчиков в частности, а также пораженная болезнью чаще всего возвращалась обратно в родительский дом. Вот как описывает процедуру развода В. Б. Пфаф: «Развод по староосетинскому коренному праву был прежде совершенно свободен; в настоящее же время народные суды требуют основательных причин для развода. Эти причины развода совершенно не определены; оставлять жен своих большей частью только за дурное поведение, то есть за подозрение в неверности. Но и другие, которые иногда принимаются судом в соображение. Если кто-нибудь по недостаточной причине развода удаляет свою жену, то он теряет калым в пользу родственников жены и платит ей, по приговору судей, известную часть своего имения- никях (никях-в исламском семейном праве брак, за-

ключаемый между мужчиной и женщиной — брачный договор — прим. автора) как штраф. Если жена без причины уйдет от мужа, то родственники ее (ее, прим. автора) обязаны возратить калым. При основательных причинах развода муж имеет право требовать возвращения от родственников жены 1/3 заплаченного калыма.

По древнеосетинскому праву жене даже при основательных причинах не предоставлялось право развода. Только в новейшее время у мухамедан (мусульман, прим. автора) допускается развод, и в этом случае муж теряет калым. Ныне, разумеется, по правилам православной церкви совершившийся брак считается неразрывным, но, несмотря на это, в действительности развод встречается очень часто, коль скоро обе стороны изъявили на то согласие, именно — если род жены в таком случае не предоставляет никаких препятствий. Различие вероисповеданий служит часто причиной развода. Разведенная с мужем жена теряет уважение в ауле. При разводе дети остаются в доме отца» [1, 299-300].

Как мы видим, по закону, право на развод имели оба, однако же, в действительности женщина была поставлена в такие жесткие условия, что и думать не могла о том, чтобы оставить мужа, даже если он не был способен иметь детей. Она лишалась возможности растить детей, а еще авторитет таких женщин резко падал.

Для родни жены, в первую очередь ее отцу и братьям, тоже был невыгоден развод, так как им приходилось возвращать часть огромного выкупа, что часто приводило к разорению семейства. Подтверждение данных слов можно найти в этнографическом очерке «Особа» К.Л. Хетагурова: «При разводе по вине жены отец ее возвращает весь ирæд (калым, прим. автора), да еще и в виде неустойки известное число коров, если же развод состоялся по вине мужа, то ему возвращается только часть ирæд'а в размере от 54 до 126 коров (данные цифры относятся только к Нарской котловине, прим. автора). Дети, безусловно, принадлежат мужу, даже ребенок, родившийся в первый год после развода, отбирается мужем» [2, 372].

К чести осетинских мужчин, они редко распускали руки и не позволяли грубости в отношении женщины. Традиционные представления о высоком статусе женщины в этнической культуре осетин, характеризующейся отсутствием ярко выраженной гендерной асимметрии, являются ментальной особенностью осетин и отмечены в многочисленных этнографических записях и научных исследованиях [3, 127-142; 4]. Бить женщину считалось позором, и если дело доходило до крупной размолвки, то жена уходила в дом к родителям и терпеливо дожидалась, когда муж начнет хлопотать о примирении.

Итак, несчастную женщину возвращают в отчий дом. При свидетелях — родственниках жены — уже бывший муж вскидывает ружье и стреляет в воздух (как изображено на зарисовке), произнося сакраментальную фразу «Хъоды дыл кæнын!» («Отрекаюсь от тебя!»; прим. автора). Только после этого развод считался окончательным [2, 375].

Подтверждение слов В. Б. Пфафа имеется и у Ф. И. Леонтовича: «50. Если муж разведется с женой вследствие дурного поведения последней, то получает обратно 3-ю часть калыма» [5, 68]. Еще более подробная характеристика взаимоотношений мужа и жены дается в книге М. М. Ковалевского: «Права мужа на жену знают только одно ограничение: он не может ни продать свою жену, ни подарить ее другому. Убийство жены, даже виновной в неверности, обычаем не разрешается, но плата за кровь в этом случае ниже обыкновенной, чаще всего половина ея (при открытом самим мужем акте прелюбодеяния жены муж получал обратно весь калым)» [6, 255]. Надо заметить, что если даже нарушение супружеской верности не сопровождалось физической гибелью женщины, оно зачастую было для нее равносильно «прижизненному умерщвлению». Жестокие подробности акта горянки, уличенной в прелюбодеянии, хорошо отражены, в частности, в художественной литературе («Чучело» А.-Г. Кешева, «Залда» С. Гадиева и др.) [7, 69].

М. М. Ковалевский далее пишет о правовой асимметрии в брачном союзе: «В имущественном отношении жена, не получавшая до недавнего времени приданого, а одну только одежду и украшения, являлась вполне бесправной, у одних мусульман оговаривалось в ея пользу известное обеспечение на случай развода. Если муж прогоняет жену по собственному желанию, он должен был заплатить наперед выговоренный в ея пользу некая (у мусульман, прим. автора). С 66 года (1866 года, прим. автора) у христиан жена получает известное имущество: одна треть ирадаэ уступается родителями в ея пользу, и этой частью муж вправе распоряжаться только с ея согласия; на случай же развода, она (треть калыма, прим. автора) всецело поступает в руки жены. Осетинский обычай признает за мужем неограниченную свободу во всякое время прогнать жену (ауахта — развод по воле мужа) (ауагъта — оставленная, прим. автора), но не иначе, как под условием потери им всего калыма. Только в том случае, когда может быть указана достаточная причина к разводу, муж вправе возвращения в пользу его трети ирада, которая иначе поступила бы к его жене.

Обыкновенным мотивом к разводу является неверность жены, но им может быть также бесплодие или физические недостатки, например — болезнь (известен случай отсылки мужем жены, заболевшей чахоткой после брака, на том основании, что при выходе за него замуж она была выдана ея родственниками за здоровую).

Прогнанная мужем жена, так называемая уахдус (уагъд ус — брошенная жена, прим. автора), обыкновенно возвращается в свою семью или же вступает в новый брак, что, впрочем, для нея (нее, прим. автора) не так-то легко, в виду дурной репутации, которой пользуется разведенная жена в среде осетин. Оставить мужа жена в прежнее время была не вправе, да и в наши дни (вторая половина XIX века, прим. автора) развод по обоюдному согласию возможен только в среде мусульман, у которых он дозволен шариатом, отнюдь не между православными, у которых вообще развод запрещен по религиозным мотивам» [6, 255-257].

В заключение приведем случай развода и раздела имущества, зафиксированный в архивных документах: «Абаев Абдул-Межид Гергокович и Кубатиева Кошерхан Х. (ок. 1890 г.). В 1926 г. в Урванский Окружной Исполком поступило заявление гражданки сел. Жемтала Кошерхан Кубатиевой: «При описи имущества бывших землевладельцев в сел. Жемтала, описали имущество Абаева Меджида и мне принадлежащее. В данное время я с ним развожусь и прошу Окружной Исполком вернуть мне в полное распоряжение мое принадлежащие мне вещи и одну стельную буйволицу». Ее вещи: сундук походный, зеркало туалетное и старый ковер» [8]. Однако, подобные случаи были крайне редки.

Таким образом, развод давал преимущества мужчине, женщина практически не получала при разводе ничего. Только у мусульманской части осетин женщина могла получить, какую-то малую часть калыма, предназначенную ей согласно шариату и брачному договору (никяху).

В то же время женщина многое теряла при разводе. Так, она лишалась права воспитывать своих детей, а также муж имел право забрать у нее ребенка, родившегося в первый год после их развода. Также она покрывалась позором, так как разведенная женщина теряла авторитет в обществе. Таким образом, женщина и подумать не могла о разводе. А вот мужчина мог развестись запросто, единственное, что его могло остановить — это то, что если он разводится без основания, то семья его жены могла потребовать часть калыма (и то только у мусульман). Развод по обоюдному согласию также был возможен среди мусульман. В остальных случаях он мог рассчитывать как минимум на треть калыма, а как максимум на весь калым, если его жена ему изменяет.

Что касается вторичного брака, то перед мужчиной не было никаких преград, кроме оплаты калыма (который мог достигать огромных сумм). Женщина же такой возможности практически не имела, потому что быть разведенной было стыдно, и на них мало кто женился. Одним словом, развод был редким явлением, и в обычном праве осетин в данном вопросе прослеживается приниженное положение женщин.

В данной статье была сделана попытка рассмотреть такое явление общественной жизни, как развод через нормы обычного права и материалы этнографии. Заслуга великого осетинского художника Махарбека Туганова в том, что он запечатлел старинные обычаи и обряды в зарисовках, которые являются для нас важным источником исследования. То же самое можно сказать об очерке «Особа» Коста Хетагурова и работах Пфафа, Леонтовича и Ковалевского, которые являются для нас источниками ценной информации.

Примечания

1. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. Тифлис, 1872.
2. Хетагуров К.Л. Особа // Полное собрание сочинений. Т. 4. Владикавказ, 2002.
3. Кусаева З.К. Семантические связи Нартовского эпоса и афористических жанров осетинского фольклора // Известия СОИГСИ. Вып. 20 (59), 2016. С. 127-142.
4. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2015. 440 с.
5. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1882.
6. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Владикавказ, 1995.
7. Мамиева И.В. Женский дискурс в северокавказской литературе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 25. С. 68-74.
8. ЦГА КБР, ф. 165, оп. 1, д. 70, л. 18.

З. Х. Кумахова,
КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

КАРТИНА МИРА ЧЕРКЕШЕНКИ XIX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Статья посвящена проблеме реконструкции картины мира черкешенки XIX в. Для раскрытия данного вопроса весьма продуктивным является феноменологический подход. Его применение позволяет изучить не только внешние характеристики жизни черкешенки, но и понять ее внутренний мир.

Ключевые слова: феноменология; картина мира; гендер; ментальность; черкешенка; междисциплинарность.

The article is devoted to the XIX century Circassian woman's world view reconstruction. The phenomenological approach is very productive in this issue developing. This method allows to study not only the external characteristics of Circassian woman life, but also to understand her inner world.

Keywords: phenomenology; world view; gender; mentality; Circassian woman; interdisciplinarity.

В течение длительного времени историческая наука в центр своих интересов помещала мужчину, создавая «мужскую» историю, история женщин оставалась на периферии исследовательских интересов. Однако в последние десятилетия в науке возникают новые тенденции. Гендерная история, являясь одной из молодых и бурно формирующихся субдисциплин исторической науки, актуализирует изучение «женской истории», места и роли женщины в историческом процессе.

Однако в северокавказском гуманитарном знании «женская история» пока делает только первые шаги [1; 2; 3; и др.]. На сегодняшний день остаются малоисследованными многие сюжеты, существуют пробелы в научном знании, которые еще предстоит восполнить.

Актуальной научной задачей становится воссоздание целостного образа черкешенки, включающего в себя как объективную, внешнюю реальность, так и ее субъективное отношение к этой реальности. Более того, на постнеклассическом этапе развития гуманитарного знания именно субъективность выходит на авансцену, что позволяет выстроить объемную картину мира черкешенки, выявить феномены ее сознания, типологизировать категории ее мировидения.

Картина мира как основная форма мировидения человека, является результатом логико-гносеологической, ценностно-смысловой, символической, чувственной, рефлексивной и других видов человеческой деятельности; многомерный и сложный по структуре феномен, выражающий целостное представление человека о мире и его месте в нем. В этом своем качестве картина мира предстает как основной элемент во взаимодействии человека с окружающей средой, начиная с древнейших времен, и, вероятно, появление первых картин мира совпадает по времени с процессом антропогенеза. Но вместе с тем как научная категория «картина мира» стала предметом научно-философского анализа сравнительно недавно [4].

Реконструкция картины мира позволяет построить не просто отражение каких-либо внешних, явных структур прошлого, но «выявляет характерные для изучаемого человеческого сообщества совокупности образов, представления, ценности, которыми руководствовались в своем поведении члены той или иной социальной группы» [5].

Ярче всего такое понимание изучения истории проявляется в исторической феноменологии. Определение «феноменология» появляется уже в XVIII веке в произведениях Канта, Гегеля, а затем и в естественных науках. Для нашего исследования представляет интерес трактовка феноменологии, которая встречается в трудах Эдмунда Гуссерля, написанных в самом начале XX века. Вместо предметов, ценностей, целей, вспомогательных средств Э. Гуссерль рассматривает субъективный опыт, в котором они «являются». Эти «явления», полагает философ, суть феномены, которые по своей природе должны быть «сознанием -о» их объектов, независимо от того, реальны ли сами объекты или нет. Таким образом, понять, что такое вещи можно лишь через описание «феноменов», т.е. явлений, «которые предстают сознанию после осуществления «эпохе», т.е. после заключения в скобки наших философских воззрений и убеждений, связанных с нашей естественной установкой, которая навязывает нам веру в существование мира вещей» [6].

Феноменология, изучая каждое явление как отдельный феномен, дает нам возможность реконструировать картину мира черкесской женщины, то есть увидеть мир ее глазами. Внешние атрибуты жизни черкешенки, особенно такие важные, как семья, Бог, смерть и т.д., становятся для историка факторами ее внутреннего бытования. Исследователь изучает эти проявления ее повседневной жизни не сами по себе; его задача глубже: прояснить, что данные категории значили для самой черкесской женщины. Предмет его исследования — сама черкешенка как социокультурное и антропологическое явление.

Источниками позволяющими раскрыть картину мира и несущими в себе отпечаток эмоций черкешенки являются различные виды народных песен и пословицы. Через изучение народных песен мы выявляем идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы наглядно иллюстрируют бытовые, повседневные ситуации.

В картине мира черкесской женщины выявляется ряд категорий, формирующих ее сознание. Эти категории можно типологизировать следующим образом:

- экзистенциальные: бог, смерть, потусторонний мир и т.д.,
- социальные: детство, старость, богатство, бедность и т.д.,
- категории психологические: любовь, гордость, честь, зависть и т.д.

Одним из важнейших феноменов картины мира адыгской женщины следует считать мужчину. Во-первых, с первых минут ее жизни ее готовили к замужеству, напевая ей колыбельные, песни первого шага [7, 112], в девочку закладывали качества идеальной жены, снохи, матери и т.д. Во-вторых, в этих песнях прослеживается идеальный образ мужчины, за которого следует выходить замуж, оговаривались качества, которыми должен был обладать будущий муж, чтобы в свою очередь быть достойным девушки. В-третьих, в рамках этого феномена прослеживаются отношения черкешенки к таким чертам характера как гордость и честь, смекалка, остроумие и т.д.; причем имеется в виду не только их присутствие в мужчинах, но и в самой женщине, девушке.

Особой отдельной категорией сознания черкесской женщины была война и отношение к ней. Через нее прослеживаются феномены смерти, мужества, ценности жизни. Кавказская война оказала огромное влияние на жизнь и сознание черкешенки в XIX веке. Фольклорными источниками, позволяющими изучить это влияние, в наибольшей степени являются песни-плачи (гыбзэ) [8, 33, 175, 169, 340.]. Призванные оплакать погибших участников войны-адыгов, они, при внимательном и детальном анализе, предоставляют обширный материал. Это качества, ожидаемые от мужчин-воинов, многочисленные сюжеты в которых описываются совершенные ими подвиги, за которые их увековечили в народной памяти. Песни-плачи позволяют проследить изменение отношения к привычным по обыденности вещам под влиянием разрушительной войны. В этой связи заслуживает внимания изменение отношения к детству в колыбельных песнях. Эти песни становятся не просто способом укачать ребенка, постепенно они начинают оказывать целенаправленное влияние на характер будущего воина. В сына теперь закладываются не просто качества достойного адыга, его растят как воина-мстителя гяурам, убившим его отца [9, 177].

Существенными категориями сознания черкесской женщины являются богатство, любовь, труд и т. д. Переплетаясь между собой, накладываясь одно на другое, эти феномены образовывали целостную картину мира.

Семейный быт, повседневная жизнь черкесской женщины, круг ее обязанностей напрямую зависели от того положения, которое она занимала в аристократическом обществе, и от статуса, который у нее был внутри семьи. Женщина, принадлежавшая к дворянству, не занималась тяжелым физическим трудом, в ее обязанности входило лишь управление домом и швейное мастерство, если же это была женщина из крестьянской семьи, то она вынуждена была заниматься практически всеми видами хозяйственных работ.

Черкешенка, не имея возможности формально участвовать в политической и социальной жизни общества, тем не менее, располагала путями и механизмами для воздействия на решения общины. Своей мудростью, своеобразным подходом к очевидным вещам ей удавалось оказывать влияние через своих близких мужчин: мужа, сыновей, братьев на жизнь общества в целом. Адыгская женщина, воспитанная на легендах о таких неординарных личностях, как мифические Сатаней, Адиух, Малечипх, не могла не считать себя вправе давать советы мужчинам и ожидала, что эти советы будут приняты к сведению.

Феноменология Эдмунда Гуссерля, начавшаяся с тезиса «Назад, к самим вещам!», позволяет нам рассматривать каждое явление как отдельный феномен, и самое главное — уделяет все свое внимание ранее не замечаемым историками категориям, которые и являются составляющими частями картины мира: ментальности, мировидению, интуиции, предчувствию и т.д. Впитавшая в себя основы не только истории, но и психологии, феноменология, олицетворяя собой междисциплинарность, предоставляет исследователю широкий набор инструментов, использование которых может решать самые разнообразные проблемы. Таким образом, феноменологический подход является для нас тем ключом, который может открыть дверь во внутренний мир не только черкешенки XIX — начала XX века, но и любой личности, практически каждой исторической эпохи.

Примечания

1. Нальчикова Е. А. Гендерный аспект концепта «социальная смерть» в его этнографическом контексте // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 5 (80). М., 2007. С. 69-80.

2. Чотчаева М. Ю. Художественное осмысление философской и нравственно-психологической концепции свободы и несвободы человеческой личности в русской и северокавказской литературах второй половины XIX-XX веков: Автореф. ... дфн. Майкоп, 2009. 39 с.

3. Мамиева И. В. Женский дискурс в северокавказской литературе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 25. С. 68-74.

4. Первушина О. В. Картина мира: возможность феноменологического подхода [Электронный ресурс]. URL: <http://ideaidealy.ru/philosophy/kartina-miravozmozhnost-fenomenologicheskogo-podxoda> (дата обращения: 26.05.2016).

5. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/odiss/21.php (дата обращения: 12.06.2016).

6. Незванов А. Эдмунд Гуссерль в контексте философии Нового Времени [Электронный ресурс]. URL: http://www.xliby.ru/filosofija/yedmund_gusserl_v_kontekste_filosofii_novogo_vremeni/index.php (дата обращения: 12.04.2015).

7. Мижаев М.И. Детский песенный фольклор адыгов // Сборник статей КЧНИИ. 1973. Вып. VII. С. 112-124

8. Плач вдовы // Песни живших до нас: из народной лирики кабардинцев и балкарцев/Пер.Н. Гребнева. Нальчик, 1966; Гыбзэ о плененном царскими войсками; Гыбзэ об убитых в битве с русскими при селении Идарей; Песня Ханифы // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.

9. Колыбельная песня // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.

Д. Габниа
(Абхазия, г. Сухум)

АБХАЗСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье описана и проанализирована традиционная празднично-обрядовая культура абхазского народа; раскрыты характеристики и условия развития обрядов и ритуалов в диахроническом аспекте; описан их мифологический компонент, в котором выражена общая картина мира этноса.

Ключевые слова: абхазы, обряд, ритуал, духовная культура, моление.

The article describes and analyzes the traditional festive-ceremonial culture of the Abkhazian people; uncovers the characteristics and progress conditions of ceremonies and rituals in the diachronic aspect; describes their mythological component, which expresses the total ethos's worldview.

Keywords: Abkhazians, ceremony, rite, spiritual culture, prayer.

Абхазы — один из древнейших народов Кавказа с богатой историей и большим духовным наследием. Много ученых и путешественников посвятили свои работы исследованию материальной и духовной культуры абхазского народа, которые сегодня являются ценнейшим материалом для изучения вопросов абхазоведения.

Проведение традиционных праздников занимает особое место в духовной культуре абхазского народа. Существует большое количество праздников, многие из них носят календарно-обрядовый характер: это обрядовые моления, которые предназначены для детского цикла воспитания; ритуалы и обычаи, связанные с поклонением разным божествам, родовые моления; фамильные, культовые и т.д. Все они имеют свое конкретное предназначение и выполняют определенные функции.

В традиционной культуре абхазов центральное место занимают верования — начиная от политеизма до веры в единого бога «Анцэа»: «Языческие религиозные верования занимают особое, исключительное место в жизни народа, пронесшего свои традиционные религиозные представления об окружающем мире через тысячелетие, которые в пережиточном виде дошли до наших дней» [1,557].

Во все времена жили люди, наделенные знанием о небесных таинствах, и получали информацию с космоса: «В представлении народа Бог Творец, в от-

личие от многочисленных покровителей, земных святых духов и прочих пребывает «наверху», в небесах, под именем Анцэа. (Анцэа хыхь ийоу) выступает в облике некоего всемогущего разумного существа, как вечный творец-демиург, повелитель и вседержитель мироздания» [2, 493].

В традиционной религии абхазов моления занимают особое место. Их истоки уходят вглубь веков, но есть и другие празднования, которые появились в более поздние времена. В более ранних молениях отражается архаика, где прослеживается основа и ее динамика.

Среди абхазских молений и праздников встречаются и те, которые связаны с проникновением христианства и мусульманства: Пасха, День Успения Святой Богородицы, Рамадан, Курбан-Байрам и т.д.

К более древним праздникам относятся традиционно абхазские, т.е. местные: *Жэабран*, *Ажьырныхэа*, *Ацуныхэа*, *Акэырбан ныхэа*, *Анцэа иныхэара*, *ныхэара* и т.д.

Среди перечисленных религиозных праздников есть такие, которые сегодня редко встречаются, а другие — традиционно отмечаются, но их не мало, но и немного. Нужно отметить и тот факт, что сегодня наблюдается тенденция возрождения некоторых из них. Эту тенденцию можно связать с попыткой народа, особенно ее молодой части, возродить часть своей, недавно утраченной, духовной жизни.

Как известно, у абхазов издревле были святые места и Святителище. Они верили в их святость и духовную силу. Среди абхазского народа есть много родов и фамилий, которые поклоняются своим святилищам: Гьачныха, Эыгэырныха, Дыдрышьныха и т.д. Они все имеют определенное место-расположение. Эти места являются для них святыми и обладают сверхъестественными силами.

Аныха (Святителище) изначально предназначено было для моления о благом, добром, хорошем. Но в череде времен функции этих мест начали меняться. Вместо молений о благе там начали произносить проклинания. Проклятия возвращалась, как бумеранг, после действия от тех, кому были предназначены или адресованы, к тем, кто это сделал. Известны целые семьи, роды, которые вымерли из-за таких проклятий. Они годами не общались между собой и о них говорили, что это те, между которыми стоит Аныха, или же «Аныха зыбжьоу». Данное положение выражает религиозное составляющее в жизни абхазского народа. Это есть настоящая вера в силу Аныха. И поэтому они относятся к ним с большой осторожностью. Об этом сохранилось много информации от разных сказителей.

Ацуныхэа. Одним из сохранившихся религиозных праздников абхазов является этот, отмечается 13 января. В числе тех, кто отмечает этот праздник, есть те, которые молятся кузне (ажыра) или не молятся, это зависит от рода или фамилии. Абхазы это связывают с началом Нового года, который для них является календарным праздником. К этому дню готовятся по-особенному. В этот вечер те, которые имеют кузню, собираются под навесом, где находится сама кузня, и проводят там моления. Для главы семьи в жертву приносят быч-

ка или козу, а для остальных членов семьи на каждого режут петуха. Очень важен момент подготовки к молению. Старший с собой к кузне несет графин чистейшего красного виноградного вина, один ачашэ, печень и сердце бычка, насаженные на фундуковую палку с удвоенным заостренным концом. Кроме этого, на каждого члена семьи, кроме невест (невесты отдельно молятся), печень и сердце петуха и лепешки, специально приготовленные для моления, и свечи из чистого воска на каждого. Моленье завершают выстрелом. Затем вся семья собирается дома для трапезы; друг друга поздравляют, желая каждому благо. На следующее утро хозяйка дома у ворот двора вешает ветки плюща и ореховые прутья, — растения, отводящие сглаз.

Жэабраныхэа. Божества Жэабран и Джэабран относятся к одному главному божеству Аитар. Аитар является божеством-владыкой семи святилищ. Жэабран — божество крупного рогатого скота. Обрядовый праздник, связанный с молением Жэабран, проводят в феврале, до начала Великого поста, один раз в году. Абхазское название месяца февраль происходит именно от этого божества. Специально для этого праздника уже за неделю начинается готовка теста для приготовления большого очажного хлеба. Обряд проводят в апацхе, где располагается очаг. Во время проведения обряда молятся божеству Жэабран, просят его, чтобы он покровительствовал над крупным рогатым скотом. К сожалению, на сегодняшний день мало кто проводит этот праздник.

Хэажэкрыа. Весьма разнообразны и богаты традиции обрядовых праздников и молений; к примеру, можно взять возрождающийся на сегодняшний день праздник — Хэажэкрыа. Этот праздник связывают с обновлением, возрождением, благополучием; проводят в начале весны, так как абхазы считают весну символом жизни и природы и всего живого. Праздник проводят исключительно в первый день недели. Этот день народ называет первым днём весны. У абхазов понедельник считается благословенным днем для Всевышнего.

Очень интересны таинства проведения Хэажэкрыа. В семье царит необычная атмосфера, присутствует загадочность. Ахэажэ, т.е. варёная лепешка с формой конуса. Для каждого члена семьи готовят по три ахэажэ. Во время приготовления в один из лепешек кладут рододендроновую или же фундуковую палочку. Интерес в том, что кому попадет ахэажэ с палочкой, тот считается самым счастливым в году. Ровно через год он в жертву приносит петуха или козу в дар благодарности за то, что получил Анасыпцэы, т.е. палочку счастья.

Хэажэкрыа отмечают во многих семьях, особенно в бзыпской части Абхазии. В настоящее время праздник Хэажэкрыа стали проводить в разных организациях. Например, уже 4 года коллектив кафедры абхазской литературы АГУ проводит этот праздник, тем самым возрождая традиции наших предков.

Ацуныхэа. Обрядовое моление Ацуныхэа проводится в начале лета, в воскресный день. Его связывают с земледелием, плодородием и урожаем. Для моления готовят мамалыгу, мясо, соль, чистое красное вино, усаживают-

ся на застеленную фундуковыми ветками землю. В качестве жреца выступает старейший поселка. Он молится Всевышнему за благо времени, за народ, собравшийся, за его здоровье и благополучие.

Праздник урожая. Проводят после сбора урожая. Этот праздник связывают с божеством плодородия Джаджа. В день праздника варят мамалыгу из молодой кукурузной муки, режут молодого петуха, варят айладжь специально для Джаджи. Праздничный день должен совпадать с днем откочки молодого, свежего, еще игристого, бродящего вина (амачар). Праздник урожая сегодня проводят во всех школах и вузах Абхазии. В этот день проводят также викторины на знание абхазских традиций, культуры, истории, этикета и выставки блюд абхазской традиционной кухни.

Проведенное исследование показало, что в Абхазии немало традиционных народных праздников. Они носят календарно-обрядовый характер.

В настоящее время наблюдается процесс возрождения некоторых из них. В частности, молодежный праздник «счастья» Хэажэкрыра.

Примечания

1. А.Э. Куправа. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008.
2. Ш.Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т.3. Сухум, 2011.

**С. Туваанжав,
аспирант СПбГК им. Римского-Корсакова
(г. Улан-Батор, Монголия)**

МОНГОЛЬСКАЯ ПРОДОЛЬНАЯ ФЛЕЙТА (ЦУУР) В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ

Цуур является одним из музыкальных символов этноса «урианхай», проживающего в Западной Монголии. В работе используются экспедиционные записи автора, произведенные на территории Западной Монголии в 2012-2014 гг., и материалы публикаций. Задачей является уточнение происхождения монгольского цуура и его наигрышей. Автором выявлены некоторые письменные источники, в которых упоминается о цууре, этимология слова «цуур», обстоятельства бытования инструмента. В статье производится тематическая и жанровая характеристика наигрышей на цууре.

Ключевые слова: Цуур, обстоятельства бытования цуура, наигрыши на цууре, Западная Монголия.

Tsuur is one of the symbols of ethnic sound «Uriankhai», who living in Western Mongolia. The study used records expeditionary poster produced in Western Mongolia in period of 2012-2014 years and the publication of materials. The author reveals some written sources that mention of tsuur, etymology of word «tsuur» and the circumstances of existence of the instrument, etc. Research is carried out by the thematic and genre characteristic of folk tunes on a tsuura.

Key words: Tsuur, circumstances of existence of tsuur, tunes of tsuur, Western Mongolia.

Цуур – монгольская версия продольной флейты из дерева или стебля зонтичного растения, распространенной у ряда народов Алтая и Средней Азии (индекс по систематике Э. Хорнбостеля и К. Закса 421.111.12). В настоящее время этот инструмент сохранился только среди представителей монгольской этнической группы «урианхай», проживающей в горах Алтая на территории западной части страны (провинции Ховд, Баян-Ульги). Исследователь С. Юндэнбат предполагает, что цуур появился у древних кочевников, поселившихся в северной и южной частях Алтайского хребта, и был включен в ритуалы общения людей с природой, духами гор и рек [5]. В монгольской литературе высказывается предположение, что цуур возник во времена гуннской династии (III – I веков до н. э.), а, возможно, и раньше [7. С. 75]. Упоминание о монгольской флейте содержится в древнейшем памятнике китайской литера-

туры «Ши Цзин», на что указывает Г. Сухбаатар. В 119 г. до н. э. во время сражения с гуннами был захвачен в плен один из китайских воинов. Он описал свои впечатления так: «Вечерами не могу спать из-за звуков цуура и мычания коров» [10, 30; 13].

Монгольский исследователь Л. Эрдэнэчимэг пишет о том, что цуур упоминается в поэтическом творчестве китайской принцессы Цай Вэн Жи, жившей около 2000 лет тому назад [9, 3]. Слово «цуур» встречается и в литературном памятнике «Монгольское сокровенное сказание» («Монголын нууц товчоо») [2, 54].

Интерес представляют варианты названия инструмента, который в различных источниках может упоминаться как «монгольский цуур», «деревянный цуур» и «гуннский цуур». Этимология слова «цуур» позволяет представить различные варианты его происхождения. Так, связи со словами «цорхой» (дыра) и «цуулах» (разрезать), возможно, указывают на особенности изготовления инструмента и его конструктивные свойства. Два других слова, имеющих сходную корневую основу, – «цуурай» (эхо, отзвук), и «цуурайтах» (давать отзвук) – характеризуют акустические возможности инструмента.

Важными являются обстоятельства бытования монгольской флейты. По одной из версий, происхождение цуура связано с трудовой деятельностью монголов-скотоводов. Действительно, как свидетельствуют современные исполнители, он является обязательным атрибутом пастуха. По рассказу цуурчи Н. Буяндэлгэра, когда его отец играл на цууре, табуны останавливались и слушали мелодию. Об использовании инструмента в скотоводческой практике сообщил цуурчи Б. Наранбат: «*Один раз верблюдица отвергла своего верблюжонка. И цуурчи Тумур играл на цууре два дня, чтобы та верблюдица приняла своего верблюжонка. Верблюдица приняла своего верблюжонка как родного после игры на цууре*» (личный архив Туваанжав Содгэрэл, 2014-001, далее – ЛАТС).

По другой версии, высказанной монгольскими учеными, цуур изначально был охотничьим инструментом. В частности, такую мысль формулирует А. Хэрлэн: «Возможно, цуур произошёл от какого-то охотничьего инструмента, воспроизводившего звуковые сигналы» [4, 95]. Современный цуурчи Н. Отгонхуу высказывается следующим образом: «*Когда люди занимались охотой, тогда, может, появился цуур*» [ЛАТС, 2013-001].

Следующая версия происхождения цуура основана на той значимости, которую этот инструмент имел в военном быту монголов. Так считают некоторые монгольские исполнители. Приведем их высказывания. Н. Батхуяг: «*Во время династии гуннов цуур считался главным музыкальным инструментом в кавалерии*» [ЛАТС, 2012-001]; Б. Мунгунцоож: «*В древние времена цуур считался инструментом солдат*» [ЛАТС, 2012-003]; Б. Наранбат: «*Во времена Хубилай-хана [основатель монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай – Т. С.] солдаты играли на цууре*» [ЛАТС, 2012-003].

Одна из концепций происхождения цуура связывает этот инструмент с **шаманизмом**. Обрядово-коммуникативные функции инструмента подчер-

кнул в беседе с автором цуурчи А. Балдандорж: *«По древней традиции урианхайцы радовали цууром родной Алтай и вызвали его духов. По нашему обычаю, мы играем на цууре, чтобы увеличивать милость Алтая. Также играют на цууре во время принесения жертвы в честь духов. Я думаю, что цуур связывает людей, живущих в Алтайском крае, с тайным миром и духами Алтая»* [ЛАТС, 2014-003].

Современные экспедиционные записи позволили зафиксировать обстоятельства игры на цууре, вскрывающие его значимость в ритуалах общения с духами. Одной из основных устойчивых форм календарной приуроченности музицирования является монгольский Новый год «Белый месяц» («Цагаан сар»), дата празднования которого исчисляется по лунному календарю и чаще всего выпадает на февраль. Исследователь С. Дулам отмечает, что урианхайцы играют на цууре в течение трех дней, с первого до третьего дня Белого месяца. Таким образом они прогоняют из дома беду и убытки в приходящем году [1, 7].

Информация о традиции игры в новогодний период непосредственно в горах Алтая или в степи также была получена в экспедициях последних лет. Д. Чинтулга и Н. Санжаадорж рассказали следующее: *«Раньше люди вечером накануне Нового года и утром первого дня Белого месяца играли на цууре»* (ЛАТС, 2013-004; ЛАТС, 2014-007).

В книге монгольских ученых Б. Энхтувшина и Ж. Энэбиша приведен рассказ П. Наранцогта, выдающегося монгольского цуурчи, о традиции общения с духами в Белый месяц: *«В первый день Нового года, когда солнце еще не взошло, я всегда выхожу из дома с едой, с сибирским можжевельником и благовонной курительной свечой для того, чтобы одному встречать Новый год в степи. Моя жена и дети не знают, почему я так отмечаю Новый год. Причиной является моя связь с духами природы. Когда я встречаю Новый год один, хозяин природы предсказывает будущее в этом году и советует, что именно надо делать. Подобная связь установилась у меня с Хозяином природы, когда я жил в самоне Буянт»* [8, 74-75].

Специфику монгольской продольной флейты составляют особенности ее устройства и приемов изготовления. По имеющимся в литературе сведениям и экспедиционным записям можно судить о том, что в Монголии бытовали два типа инструмента – сезонный, сделанный из местных вариантов зонтичного растения, и более долговечный – деревянный. С точки зрения проявления национальной специфики, наиболее интересен именно деревянный цуур (фото 1), изготовление которого было довольно сложным и долгим. Обычно цуурчи сам делал свой инструмент, эта традиция передавалась из поколения в поколение.

Фото 1. Деревянный монгольский цуур, изготовлен мастером Байгальжавом в 2012 году

Приведем одно из наиболее полных описаний изготовления цуура, полученных нами в экспедиции от Б. Наранбата: «Во-первых, надо выбрать дерево, во-вторых, надо выбранный кусок дерева разрезать пополам, в-третьих, надо сделать дерево полым, в-четвертых, надо склеить две части дерева. Если долго варить кожу и мясо теленка, то получается клей. Только для того, чтобы сварить клей, надо 24 часа. В-пятых, надо обмотать обе части сухожилием. В-шестых, надо покрыть всё пищеводом овцы, и в конце концов надо сушить [инструмент] в тени. Снаружи это выглядит, как будто все скотчем покрыли. Если так изготовить цуур, то он может сохраняться 50, 60 лет. На таком цууре можно играть долгие годы, он имеет хорошее качество» [ЛАТС, 2013-002].

Классический цуур имеет форму конуса и три игровых отверстия для пальцев. Сравнение более 20 инструментов, выявленных в ходе экспедиций 2012–2014 годов, показало, что средняя разница между диаметром верхней и нижней частей трубки корпуса инструмента составляет 5 мм. Диаметр нижнего отверстия может быть от 1,2 см до 1,5 см, верхнего отверстия – 1,7 см до 2 см. Длина инструмента может быть различной. По совокупности имеющихся экспедиционных сведений и материалов публикаций можно судить о том, что длина цуура может варьироваться от 44 см до 70 см [6, 414]. Однако наиболее часто встречаются инструменты, длина которых не превышает 60 см.

В Западной Монголии цуур до настоящего времени сохранил свои традиционные свойства и не подвергся модификациям, связанными с изменениями размеров инструмента и увеличением количества отверстий, как это произошло, например, с башкирским кураем. Игра на цууре является синкретическим действием, в котором участвует не только сама флейта, но и голос (горло). Таким образом, в музыкальной форме соединяется вокальное и инструментальное начало. Искусство цуурчи состоит в том, чтобы создать двухголосие, когда горловой звук и инструментальная мелодия звучат одновременно. Для создания особого звучания, характерного для цуура, необходимо искусное владение органами дыхания и голосовым аппаратом. Звукоизвлечение на цууре осуществляется в определённой последовательности действий исполнителя, в котором участвуют процесс дыхания, техника языка, губ и гортани. Многие цуурчи являются прекрасными мастерами горлового пения.

На цууре можно извлечь 4 основных тона, образующих бесполутоновый ряд звуков в объеме квинты (для инструмента in C таковыми будут *c-d-e-g*). Тоны «с» и «d» могут быть воспроизведены в двух октавах, тоны «е» и «g» – в трех. С учетом возможности октавного удвоения основных тонов, сводная звуковая шкала цуура может включать 10 тонов, располагающихся в широком амбитусе от «е» малой октавы до «g» второй. Звуковую шкалу наигрыша дополняет тон, исполняемый голосом (горлом). Он воспроизводит основной тон звукоряда (с).

Наигрыши на цууре относятся к архаическому пласту народной музыки, в основе которой лежит прием звукоподражания. Высказывания на тему взаимосвязи звуков природы и наигрышей на цууре встречаются и в репортажах,

записанных от современных игроков. Цуурчи Б. Наранбат осмысляет процесс становления наигрышей следующим образом: «Окружающая среда и природа повлияли на возникновение цуура. В общем-то люди подражали на цууре шумам природы. И так, сначала на дудке, затем на цууре играли простые мелодии. Постепенно мелодии усложнялись, и появились наигрыши с каким-то содержанием – про коня, про различных животных, про явления природы» [ЛАТС, 2013-002].

Наигрыши на цууре, зафиксированные у этноса урианхай, имеют свои названия, обозначающие ведущую тему наигрыша, его «программу». Тип программности, реализующийся в музыке на цууре, можно назвать изобразительным.

Классифицируя наигрыши по тематическому признаку, можно выделить характерные для них ключевые темы и образы. Наигрыши, посвященные различным животным, составляют наиболее обширную группу. В нее включены образцы, связанные с животными урианхайцев-скотоводов («Крик желтого верблюда», «Гнедой конь Бальчин»), а также с представителями фауны Алтая и пустыни Гоби («Медведь Гоби», «Олень Хангая», «Серый кастрированный козел», «Танец горной птицы»). В основе наигрышей, посвященных природным объектам, лежат образы рек, водопадов, гор («Течение реки Эв», «Восхваление Алтая»). Ряд наигрышей обобщает наблюдения над образами людей («Милый мальчик», «Идущие рядом женщина и мужчина»).

Жанровые разновидности наигрышей на цууре могут быть выявлены в результате соотношения функций, содержания и музыкально-стилевых свойств. В настоящем исследовании предлагается выделить три группы музыкальных жанров, исполняемых на монгольской флейте: моторно-двигательные имитации, звуковые имитации-сигналы, имитации изобразительного характера.

Моторно-двигательные имитации связаны с подражанием движению животных (лошади, медведя, верблюда) или с изображением танцевального шага. Общими свойствами этих наигрышей являются довольно быстрый темп исполнения и краткость основного мелодико-ритмического звена. Для них характерен равномерно-акцентный принцип организации ритмики, который может реализовываться в двоичной и троичной системах счисления.

Истоками звуковых имитаций-сигналов являются вокально-речевые проявления человека и голоса животных, птиц. Основу таких наигрышей составляет мелострока-тирада, исполненная в быстром или умеренном темпе. Их особенностями являются сочетание равномерно-акцентного принципа ритмики с долготными характеристиками, интонации заклинания и зова-клича. Одним из ярких стиливых признаков наигрышей-сигналов является прием длительного повторения одного тона, возможно, восходящий к вокально-речевым способам произнесения вербального текста и вызывающий ассоциацию с речитацией, декламацией-скандированием.

Наиболее развитыми в музыкальном отношении являются имитации изобразительного характера. Их основу составляет протяженная мелодия. Они исполняются в медленном или умеренном темпе, изобилуют музыкаль-

ми долготами, украшениями типа трелей и микромелизмов. Интонационная специфика наигрышей изобразительного плана связана с сочетанием интонаций зова-клича и повествования.

На данном этапе цуур является одним из немногих инструментов, не утративших своих древних основ. Специфику его звучания, в отличие от продольных флейт народов Средней Азии, Урала, Алтая, составляют: использование традиционных форм бытования, методы и материалы изготовления, способы игры, сохранение традиционной системы наигрышей.

Примечания:

1. Дулам С. Цуурын гарал үүслийн домог хийгээд аялгуу дуурьслын шүтэлцээ // Цуурын уламжлалт урлагийн өнөөгийн байдал, тулгамдсан асуудлууд. Улаанбаатар, 2013.

2. Оюунцэцэг Д. Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын дуу. Улаанбаатар, 2006.

3. Сүхбаатар Ш., Баатаржав Э. Алтайн аялгуу. Улаанбаатар, 2009.

4. Хэрлэн А. Монгол ардын хөгжмийн зэмсгийн түүхээс. Улаанбаатар, 2009.

5. Цуур [Электронный ресурс] / Под ред. С. Юндэнбат; зап. Н. Буяндэлгэр и др. Улаанбаатар: Монгол цуур, 2011.

6. Энэбиш Ж. Хүннүгийн модон цуур // Уран сайхны шүүмж буюу онгодлыг өдөөгч халгай. Улаанбаатар, 2007.

7. Энэбиш Ж. Монгол туургатны биет бус соёлын өвийг хадшалах хамгаалах асуудалд // Монголын хөгжим судлалын дээж бичиг. Улаанбаатар, 2008.

8. Энэбиш Ж., Энхтувшин Б. Нүүдэлчдийн хөгжмийн сэтгэлгээн дэх дооод мэдрэмж далд ухамсар. Улаанбаатар, 2006.

9. Эрдэнэчимэг Л. Гүн гэрийн хатагтайн нүүдэлчдийн цуурын 18 аялгуу. Улаанбаатар, 2002.

10. Эрдэнэчимэг Л. Хүннү нарын дуу хөгжим // Хөгжмийн урлаг судлал. Монгол улсын шинжлэх ухаан. Улаанбаатар, 2009.; Сүхбаатар Г. Монголчуудын эртний өвөг: Хүннү нарын аж ахуй, нийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарвал. Улаанбаатар, 1980.

IV. ФИЛОЛОГИЯ

**И. Н. Цаллагова,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ ЛЕКСИКИ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье ставится проблема содержательного аспекта понятий «лексико-семантическая группа слов» и «тематическая группа слов». В работе описаны общетеоретические вопросы лексико-семантических группировок слов, принципы разграничения ЛСГ и ТГ; анализируются существующие методы и приемы анализа ЛСГ. В качестве иллюстративного материала использована лексика дигорского варианта осетинского языка.

Ключевые слова: лексическое значение слова, лексика дигорского варианта осетинского языка, лексико-семантические группы слов, тематические группы слов.

The article raises the problem of the «lexical-semantic word-groups» and «thematic word-groups» meaningful aspect. We describe general theoretical problems of lexical-semantic word-groups, LSG and ThG principles of differentiation; analyzes the existing methods and techniques for the analysis of LSG. The lexicon of Digor version of Ossetic language is used here for illustrative material.

Keywords: lexical meaning of a word, lexicon of Digor version of Ossetic language, lexical-semantic word-groups, thematic word-groups.

Современная наука рассматривает лексическое значение как важнейшую составную часть языка. Выражение и восприятие смысла слова обеспечивают важнейшую коммуникативную функцию любого языка. Изначально значение рассматривалось лингвистами как нечто естественное, само собою разумеющееся, а если и изучалось, то лишь в связи с описанием словаря и грамматики. Однако за последние годы интерес к общим вопросам семантики, а также к семантическому анализу лексики значительно возрос. Это привело к появлению ряда отечественных и зарубежных работ по лингвистической семантике, в которых на основе современной научной теории были более строго и чётко определены основные понятия, единицы и категории семантики, разработаны методы и приемы семантического анализа лексики. Стало ясно, что словарный состав любого языка является системой. Термин «лексико-семантическая группа» вместе с понятием «лексико-семантическая система языка» впервые введены в научный оборот В. В. Виноградовым.

Аргументом в пользу теории системности языка является возможность описания лексики с точки зрения ее полевой организации (выделение лексико-семантических и тематических групп слов). На сегодняшний день одной из главных задач лексикологии является именно изучение лексико-семантических групп, тематических групп (далее ЛСГ и ТГ) и их взаимодействия. Теоретические основы ЛСГ разработаны в трудах таких ученых, как Ф. П. Филин, А. А. Уфимцева, Э. В. Кузнецова, Л. М. Васильев и т.д.

Если в русистике проблема ЛСГ и ТГ достаточно хорошо представлена, то в осетинском языкознании вопросы семантики рассмотрены не так полно, в той или иной степени затрагивалась в трудах некоторых осетиноведов.

Впервые осетинская лексика с точки зрения семантики и стилистики была рассмотрена в статье К. Е. Гагкаева «Из области стилистики и семантики осетинского языка». В статье проанализирован язык и стиль некоторых художественных произведений. Выделены несколько лексических групп слов: общественно-политическая лексика; слова, выражающие религиозно-мифологические понятия; оценочная эмоционально-экспрессивная лексика; бытовые термины; термины скотоводства и земледелия. Как особые стилистические пласты отмечены заимствованные слова, собственные имена, синонимы и омонимы, которые в художественных произведениях могут получать дополнительные стилистико-смысловые оттенки в своих значениях [5].

Семантическому описанию лексико-фразеологических единиц осетинского и русского языков с точки зрения их экспрессивности посвящена монография Л. Б. Моргоевой. В работе рассмотрены как собственно экспрессивы знаменательных частей речи, так и средства их образования [10].

Некоторые труды посвящены отраслевой лексике осетинского языка. Первая попытка монографического исследования названий растений в осетинском языке сделана Ф. Д. Теховым. В его работе дан как морфолого-семантический анализ фитонимов, так и их этимологическое объяснение.

Обогащает книгу приложенный словарь терминологии растений и связанных с ними лексических единиц, который извлечен автором из различных письменных источников и собственных полевых материалов [13].

Обширный материал ритуальной, этнографической и обрядовой лексики введен в научный оборот в монографиях Е.Б. Бесоловой, посвященных этнолингвистическому исследованию погребально-поминальной обрядности осетин в ее ритуально-вербальной системе [2], концептосфере этнографической лексики [2], языку обрядового фольклора [2]. Появились статьи, исследующие концептосферу авторской лексики и особенности ее семантико-стилистической маркированности [10; 11; 12].

Однако специальных работ, посвященных исследованию лексического значения, лексико-семантических групп слов, тематических групп слов в осетинском языкознании, на сегодняшний день нет.

При изучении ЛСГ слов огромное значение имеют одноязычные толковые словари. Словарные материалы составляют эмпирическую базу современной семасиологии.

В настоящее время номенклатура словарей осетинского языка в основном представлена двуязычными словарями и словарями различной отраслевой лексики.

Существует лишь один «Толковый словарь осетинского языка» под редакцией Н.Я. Габараева. К сожалению, из запланированных 4-х томов изданы только два, в 2007 г. вышел первый том (8 тысяч слов от А — Æ), в 2010 г. — второй том (8 тысяч слов от Б -Къ). Лексика дигорского варианта осетинского языка представлена в словаре выборочно [14].

По утверждению составителей, в словарь попали те дигорские слова, которых нет в иронском варианте, например: *арæзнæ*, *æвæдун*, *бауæн*, *билдогъ*, *гебун*, *дзасха*, *кобса*, *кæнон*, *лæлагæ*, *минкъи*, *пирнун* и т.д. Однако толкования некоторых вышеперечисленных слов не вошли в данный словарь (*арæзнæ*, *æвæдун*) [14].

На сегодняшний день лексика дигорского варианта осетинского языка наиболее полно представлена в двуязычном «Дигорско-русском словаре», составленном Ф.М. Таказовым (около 30 тыс. слов) [7].

Несмотря на то, что в современном отечественном языкознании вопросы лексической семантики достаточно хорошо изучены, относительно некоторых теоретических вопросов ЛСГ в научной литературе, посвященной данной проблематике, наблюдаются некоторые расхождения. В частности, это касается того факта, что такие термины, как ЛСГ, семантическое поле, тематическая группа часто употребляются как синонимы.

В отечественном языкознании семантическими полями считаются: семантические группы слов какой-либо одной части речи, семантические соотносительные группы слов разных частей речи, лексико-грамматические (функционально-семантические) поля, связанные деривационными отношениями парадигмы синтаксических конструкций, различные типы семантико-синтаксических синтагм. Несмотря на существенные различия структурного харак-

тера, объединяет их наличие в своей основе той или иной семантической категории или категориальной ситуации [4, 126].

Семантические группы слов одной части речи представляют собой группы слов, которые связаны общим смыслом, иначе — инвариантным значением-идентификатором. К данной группе относятся лексико-грамматические разряды слов, слова, объединенные синонимическими и антонимическими отношениями и лексико-семантические группы. Данные три типа лексических групп часто называют лексико-семантическими парадигмами [4, 126].

Как известно, в основе систематизации лексического материала лежит учение о ЛСГ и ТГ. Одним из первых ученых, который исследовал данную проблематику и обоснованно разграничивал ЛСГ и ТГ, был Ф.П. Филин [20].

В.Г. Гак пишет, между словами обнаруживается два типа ассоциаций — по сходству и по смежности. В первом случае слова обозначают понятия, выступающие как видовые по отношению к какому-то общему родовому понятию. Например, глагол *ехать* вызывает по ассоциации в нашем представлении и другие глаголы, обозначающие способ передвижения: *идти, лететь, мчаться* и т.д. Слова, объединяющиеся по сходству значения, составляют лексико-семантическую группу (ЛСГ). Но между словами могут устанавливаться ассоциации по смежности значения. Так, тот же глагол *ехать* вызывает в нашем представлении ряд понятий, связанных с ездой: определения — *быстро, медленно*; способы передвижения — *на поезде, в автомобиле* и т.д. Слова, объединенные ассоциациями по смежности, входят в одну тематическую группу [6, 150].

По мнению Л.М. Васильева, «термином ЛСГ можно обозначать любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей (или хотя бы одним общим семантическим множителем). К тематическим же группам следует относить лишь такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой (ср. такие темы, как «транспорт», «спорт», «магазин», «театр» и т.д.), но общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна [3].

А.А. Уфимцева пишет, что, когда ставится задача выявить внутренние связи слов в пределах семантической системы языка, определить структуру и специфические смысловые связи последней, необходимо исследовать лексико-семантические группы слов. В данном контексте анализу подвергается слово как лексема во всех его формах и лексических значениях, и что объединение слов как единиц словарного состава происходит по основному для слова признаку — по его лексическому значению. Лингвистическому анализу подвергаются не только чисто семантические связи слов, как, например, в антонимичных и синонимичных рядах слов, но и его лексико-грамматические связи, в форме которых реализуются отдельные значения слов; внутрисловные и внутригрупповые семантические различия слов выражаются разными видами словесных связей: формами одного и того же слова, своеобразными словосочетаниями в пределах синтагмы, наконец, постоянным противо-

ставлением в системе лексики в целом (синонимические и антонимические ряды слов).

За основу исследования лексики по лексико-грамматическим группам берется слово как основная единица языка в его многообразных смысловых связях в системе языка.

ЛСГ как предмет историко-семантического исследования отличается как от «предметных групп», составляемых по общности обозначаемых словами предметов и явлений, так и от «понятийных полей», в основу разграничений которых кладутся круги и сферы чистых понятий.

Наиболее объективным языковым критерием выделения ЛСГ является наличие в тот или иной исторический период свободных смысловых связей между словами по линии их лексического значения.

Отграничение ЛСГ может быть проведено относительно любого слова как самостоятельной единицы словарного состава языка [18, 137].

С одной стороны, ЛСГ основываются на собственно лексических семах, а с другой, данное явление представляет собой множество слов, которые подвержены постоянным изменениям. Ввиду этого состав и парадигматика каждой группы подвержена постоянным изменениям.

Ф.П. Филин определяет ЛСГ как собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка [20, 93].

ЛСГ слов не представляют собой четко и однозначно разграниченных классов лексических единиц. Это такие объединения слов, которые накладываются друг на друга, взаимно проникают друг в друга, «пересекаются» друг с другом. И это не дает оснований для сомнений в системном характере лексики.

К основным лингвистическим параметрам, которые присущи любым ЛСГ, относятся:

1. Наличие единой категориально-лексической семы (интегральная сема), которая составляет семантическую основу группы. В структуре лексического значения интегральная сема является главной, а в каждой ЛСГ слов есть дифференциальные семы, которые уточняют, дополняют интегральную сему. Дифференциальные семы являются однотипными и повторяющимися.

2. Тот факт, что ЛСГ состоит из однотипных и повторяющихся сем, предусматривает связь всех слов в рамках данной группы. В данной ситуации все слова группы оказываются связанными определенными позициями. Именно совокупность всех оппозиционных связей формирует внутреннюю парадигматическую структуру ЛСГ слов. Иерархический характер структуры предусматривает ситуацию, когда все слова группы связаны с базовым словом (архисемой).

3. Наряду с парадигматической ценностью слово обладает другим видом реляционной значимости — синтагматической, неким смыслом, возникающим на основании индивидуального значения слов при их сочетаемости в линейном ряду. Изучение лексической синтагматики и описание синтагматики слова составляет важный аспект определения его лексического значения.

Схожесть слов одной ЛСГ проявляется и в однотипности их синтагматических характеристик. Общие семантические компоненты в лексических значениях слов определяют способы их функционирования в составе предложений.

4. Сходство слов одной ЛСГ проявляется и на уровне вариантных отношений. У семантически схожих слов по основным значениям развиваются одни и те же вторичные значения. В свою очередь, регулярная многозначность предопределяет регулярную синонимичность слов одной ЛСГ [8, 75-81].

Как мы отметили выше, одним из важных компонентов ЛСГ является обязательное наличие базового идентификатора (базового слова), который отличен от других слов группы определенными свойствами. Так, базовое слово имеет более высокую частоту употребления, что следует связать с обобщенностью его лексического значения, нейтральностью стилистической окраски, отсутствием коннотативных элементов значения. Именно семантика базового слова определяет тематическое направление ЛСГ.

Следует отметить, состав и структура ЛСГ подвержена постоянным изменениям. Изменениям может подвергаться даже базовый идентификатор. Общей для большинства слов ЛСГ моделью лексической и синтаксической сочетаемости являются синтагматические характеристики базового слова. При определении состава лексики той или иной ЛСГ следует отметить важность именно этой закономерности повторяемости синтаксической сочетаемости слов одной группы.

Таким образом, ввиду всех высказанных мнений, мы пришли к выводу, что лексико-семантическая группа слов (ЛСГ) — это класс слов одной части речи, которые имеют в своих значениях общий интегральный семантический компонент и типовые уточняющие дифференциальные компоненты. Данная группа слов к тому же характеризуется динамичностью функциональной эквивалентности и регулярной многозначности.

Как мы видим, лексико-семантические группы слов являются основным для лексической системы языка типом классов слов, которые объединяют в себе слова одной части речи и которые обладают общими лингвистическими параметрами.

В отечественной лингвистике выработались различные способы описания ЛСГ, вычленения из словарного состава того или иного языка слов, которые могут образовывать парадигму, а также решения проблемы определения границ той или иной группы.

Одним из необходимых условий для определения той или иной ЛСГ является, конечно же, работа с толковыми словарями, хотя данный процесс довольно трудоемкий и занимает большое количество времени. Кроме того, выбранные слова, которые предположительно составляют определенную ЛСГ, нужно проверить на предмет вхождения в ту или иную группу.

Как было уже сказано выше, методика компонентного анализа лексических значений — это основной вид лексикологического анализа, который предусматривает выявление в значениях слов сем, из которых складывается их содержание. Конечно же, это можно сделать с помощью интуиции, но это

может привести к определенным ошибкам, неточностям, потому как интуиция каждого отдельного исследователя субъективна.

Э.В. Кузнецова разработала так называемый «метод ступенчатой идентификации», который основывается на методике компонентного анализа и использовании словарных дефиниций [9]. Суть метода такова: в толковании значения того или иного слова выделяется элемент значения, который имеет наиболее общее значение — идентификатор, и дифференциальные семы — конкретизаторы. Так, используя метод ступенчатой идентификации в отношении дигорской лексики, мы получаем следующее:

гъуддаг — ести архайд

архайд — ести миуж

миуж — ести архайд

Действие продолжается до тех пор, пока в сопоставляемых толкованиях возникает, так называемая, «взаимная идентификация». В данном случае это слово *архайд*.

Конечный идентификатор *архайд* является категориально-семантической семой, на основе которой они включаются в ту или иную ЛСГ.

Метод ступенчатой идентификации позволяет определить ЛСГ слов как совокупность единиц, которые можно истолковать с помощью одних и тех же слов — идентификаторов. Каждая ступень, предполагаемая данной методикой, сужает круг идентификаторов, что неминуемо приводит к выявлению архисемы ЛСГ. Единицы, в семантике которых выделены идентификаторы группы, будут входить в данную ЛСГ, а идентификаторы разных ступеней будут отражать иерархическую организацию той или иной ЛСГ [14, 114-115].

В.Г. Гак предлагает такой критерий, как замена глаголов родовым термином, символизирующим семантику класса в самой общей форме. Он пишет, «значение глагола можно проверить при помощи лексико-семантической трансформации, которая обнажает семантическую сущность слова». В примере автор приводит предложение: *Отряд получил задание окружить штаб противника*. В данном предложении глагол *окружить* можно заменить фразой «*обойти со всех сторон*», что говорит о том, что данный глагол имеет значение «*движения*», но в предложении *Высокие деревья окружали дом* такой замены нельзя произвести, и поэтому в данном случае этот глагол обозначает *местоположение* [6, 151]. В данном случае в качестве примера из дигорского варианта осетинского языка можно привести следующее. Слово *къабазæ* в дигорском имеет такие значения, как конечность, ветвь, отрасль, рукав, линия родства. Ввиду своей многозначности данная лексема может относиться к различным ЛСГ. Например, в предложении *Еци бинонтæн ес берæ къабæзтæ* данное существительное можно заменить словом *хеонтæ* или *хæстæгутæ* (родственники), что говорит о том, что оно относится к ЛСГ «родственные отношения». В предложении же *Бæлæстæ сæ къабæзтæ кæрæдземæ дæрдтонцæ дони сæрти* та же лексема легко заменяется словом *къалеу* (ветка), что говорит о принадлежности его к ЛСГ «растения».

Он отмечает также, что своего рода преобразованием является и пере-

вод. Слово сохраняет значение данной ЛСГ, если при переводе мы вынуждены прибегать к слову той же группы. В противном случае мы имеем дело с изменением значения слова и с переходом его в другой семантический ряд [6, 151].

Для максимально полного описания семной структуры семем в книге «Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания» под авторством З.Д. Поповой и И.А. Стернина приводится алгоритм полного компонентного анализа. Выглядит он следующим образом:

1. Выделить, пользуясь синонимическими и толковыми словарями, лексико-семантическую группу слов, к которой принадлежит интересующая исследователя единица.

2. Найти в толковом словаре дефиницию каждого слова выделенной группы и выделить в ней отдельные семы. Желательно использование нескольких словарей.

3. Составить общий список сем, встретившихся в дефинициях слов данной лексико-семантической группы.

4. Построить таблицу семного состава слов анализируемой группы.

5. Отметить в таблице знаком «плюс» наличие сем в каждом анализируемом значении. Если какому-либо значению присуща сема, антонимичная одной из выделенных, ввести ее в таблицу и проверить ее наличие у всех значений [14].

Используя описанную методику полного компонентного анализа ЛСГ, мы проведем анализ небольшой группы прилагательных, с архисемой «светлый» в дигорском варианте осетинского языка, опираясь на Дигорско-русский словарь [7].

Ирд — ясный; светлый; блестящий.

Райдзаст — 1. светлый; 2. уютный; 3. приятный, красивый, радующий взгляд.

Рохс — 1. свет; 2. светлый;

Рохсгонд — 1. просветленный, светлый; 2. освещенный.

Список общих сем: «светлый», «ясный», «блестящий», «уютный», «приятный, красивый», «освещенный».

Слово	светлый	ясный	блестящий	Приятный красивый	освещенный	уютный
ирд	+	+	+	-	-	-
райдзаст	+	+	-	+	-	+
рохс	+	-	-	-	+	-
рохсгонд	+	-	-	-	+	-

По данным таблицы мы можем выделить архисему данной группы «светлый». Дифференциальной семой для слова «рохсгонд» является сема «освещенный». Сема «ясный» свойственна словам «ирд» и «райдзаст». Слово «ирд» отличается наличием семы «блестящий». Семы «приятный, красивый» и

«уютный» свойственные слову «райдзаст» и имеют в своих лексических значениях коннотативные оттенки.

Рассмотренные нами методы направлены на выделение из лексического состава языка неких парадигм и определение их границ. После того, как мы получили определенную ЛСГ слов с указанием их лексических значений (список проверен и не вызывает сомнений), можно приступить к ее описанию:

1. Выделить общие для всех членов парадигмы семантические компоненты и компоненты, которые свойственны каждому слову.
2. Проанализировать синтагматические отношения членов парадигмы (на основе примеров различного их употребления). Выделить ядерные и периферийные элементы парадигмы.
3. Определить тип лексического значения каждого слова.
4. Стилистическая классификация каждого члена парадигмы.
5. Словообразовательная характеристика членов парадигмы [12].

Результатом данного анализа становится выявление целого ряда характеристик для каждого члена парадигмы, которые служат основанием для определения его места в данной микросистеме, а также его связи с другими членами парадигмы.

Более крупные классы слов — тематические группы (ТГ), определение которой нами уже было оговорено выше. Следует отметить, что это группы разных частей речи, которые объединены общей темой. Например: «*части тела*», «*термины родства*», «*предметы быта*», «*флора, фауна*» и т.д.

Тематическая система языка основана на системности окружающей действительности. Ф.П. Филин определяет термин «*тематическая группа*» как «группа слов, объединенных на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [20, 232].

В словарном составе каждого национального языка данная системность проявляется в различных группировках слов, объединенных в тематические группы на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, смежности и т.д. [1, 27].

М.Л. Апажев пишет, что, «...несмотря на объективность внешнего мира и единство действующих в нем закономерностей, в зависимости от традиций, условий жизни и т.д. в семантике языка каждого народа отражаются неидентичные стороны реалий и выделяются далеко не одни и те же отношения между этими реалиями. Естественно, это приводит к разной тематической группировке лексики не только в типологически далеких языках, но и родственных и даже в одном и том же языке у разных лингвистов или обычных носителей этого языка» [1, 27].

Таким образом, именно изучение ЛСГ и ТГ конкретного языка, обуславливает расширение границ лексико-семантической системы языка в целом.

Как мы говорили уже выше, необходимым условием для изучения семантического аспекта лексики любого языка является анализ дефиниций интересующих исследователя лексем в толковых словарях, выделение компонентов этих словарных дефиниций и интерпретации их как отдельных дифференциальных признаков значения слова. К тому же необходимо проанализировать словарные дефиниции как можно большего количества словарей, поскольку разные словари часто предлагают разные толкования. Именно в ходе анализа словарных дефиниций выявляются основные, ядерные дифференциальные семы, а также архисемы значений. На сегодняшний день существует лишь один, незавершенный, толковый словарь осетинского языка, в котором представлена в основном лексика иронского варианта, и частично — дигорского. Отсутствие толковых словарей ведет к тому, что такая важная отрасль лингвистики, как семантика, в осетинском языке остается до сих пор малоизученной. Ввиду недостаточной изученности все обозначенные нами вопросы выделения, определения границ, а также методов и приемов анализа уже сформированных ЛСГ и ТГ в осетинском языке (в обоих его вариантах) требуют специального рассмотрения и ставятся нами в перспективу исследований данной проблематики.

Примечания

1. Апажев М.Л. Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2004. 153 с.
2. Бесолова Е. Б. Язык обрядового фольклора: специфика мышления и концептуализация символов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 175 с. Бесолова Е.Б. Концептосфера этнографической лексики в языковой картине мира осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 213 с. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2008. 406 с.
3. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №. 5.
4. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
5. Гагкаев К.Е. Из области стилистики и семантики осетинского языка. // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1962. Т. 23. Вып. 1.
6. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале русского и французского языков). М., 1977. 264 с.
7. Дигорско-русский словарь. Сост. Таказов Ф.М. Владикавказ, 2003. 736 с.
8. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филологических факультетов университетов. М.: Высшая школа, 1982. 215 с.
9. Кузнецова Э.В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы слов. Учен. зап. Тартуского ун-та, 1969. Вып. 228. С. 87.
10. Мамиева И.В. Художественный концепт ЗÆРДÆ/СЕРДЦЕ и его лекси-

ко-семантическая репрезентация в поэзии К.Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. 2014. С. 127-145.

11. Мамиева И.В. Номинативно-метафорическое поле концептов УМ и БЕЗУМИЕ в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова // V Всероссийские Миллеровские чтения: «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». 2016.

12. Мамиева И. В. Концепты умственной сферы в творчестве К.Л. Хетагурова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4.

13. Моргоева Л.Б. Экспрессивные грани слова: семантика и прагматика. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. 155 с.

14. Попова З.Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. 2-е изд. М.: Либком, 2009. 172 с.

15. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка. Калининград: КГУ, 1980. 71 с.

16. Техов Ф.Д. Названия растений в осетинском языке. Цхинвали, 1979. 176 с.

17. Толковый словарь осетинского языка. Под. ред. Н.Я. Габараева Т. 1. М.: «Наука», 2007. 509 с.; Т. 2. М.: Наука, 2010. 486 с.

18. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 272 с.

19. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований, М., 1980.

20. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М., 1993.

Ф. О. Абаева,
снс, кфн СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ)
И. Т. Маргъиты,
снс ЮОНИИ (Южная Осетия г. Цхинвал)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОСТАВЕ РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА (ШЕРСТЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ)

(Исследование выполнено при поддержке РГНФ,
проект № 14-21-13001 «Инновационные ресурсы культурного
наследия Северной и Южной Осетии»)

В статье описывается отраслевая лексика осетинского языка, в частности терминология кустарных промыслов, связанная с обработкой шерсти и изготовлением из неё изделий; даётся её структурно-семантический анализ. Названия шерстяного промысла в осетинском языке представляют довольно многочисленную группу среди тематических разрядов отраслевой лексики. Они являются наиболее древним и устойчивым её пластом, в словарном составе осетинского языка, на наш взгляд, играют значительную роль, входя в так называемый основной словарный фонд, несмотря на то, что некоторые лексемы перешли в разряд историзмов.

Ключевые слова: лексика, ремесло, кустарный промысел, ремесленный термин, осетинский язык, семантика.

The article describes the Ossetian household lexicon, in particular the handicrafts terminology related to wool processing and manufacturing products from it; and its structural and semantic analysis is given here. Nominations of woolen handicraft in the Ossetic are multiple groups among the thematic variety of household lexicon. They are the most ancient and stable of its system, in the vocabulary of the Ossetian language play a significant role, entering the so-called basic lexical fund, despite the fact that some lexemes moved into the category of historicism.

Keywords: lexicon, handicraft, cottage industry, crafts' term, Ossetic, semantics.

Исследование данного лексического пласта на сегодняшний день весьма актуально: традиционные ремёсла — неотъемлемая часть одновременно и быта народа, и его культуры. Выявление семантических особенностей назва-

ний видов шерсти; войлока; способов и орудий их обработки; обозначения людей, занимавшихся шерстяным промыслом (ремесленников) и т.д. — основная задача данного исследования.

Известно, что в прошлом в жизни осетин ремёсла и промыслы играли одну из главных ролей, соответственно и лексика, и терминология с ними связанная входила в активный словарный запас её носителя. С развитием производства данная лексика либо перешла в пассивный запас, либо вышла из употребления вовсе.

Прежде чем исследовать собственно ремесленную терминологию, попробуем установить, что понимается под термином. Рассмотрев некоторые научные определения данного понятия, сформулированные известными лингвистами:

– «термин — лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2014:32];

– «номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий» [Гринев 1993:33];

– «слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко 1977:15];

– «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности» [ЛЭС 1990:508];

– «a linguistic symbol which is assigned to one or more concepts, which are defined from neighboring concepts. It can be a word or a word group. It can also be a letter or graphic symbol, an abbreviation, an acronym, a notation, etc.» — (лингвистический символ, который обозначает одно или несколько понятий, которые определяются близкими им концептами. Это может быть слово или словосочетание. Это также может быть буква или графический символ, аббревиатура, акроним, нотация и т.д. (перевод наш. — Ф. А.)) [Felber 1984:168].

Предмет исследования данной статьи — **ремесленный термин** — обусловил его определение, основанное на вышеизложенных дефинициях, и должен пониматься как слово/словосочетание, которое называет специальное понятие и требует объяснения; обозначает понятие специальной области или деятельности.

Например, слово **алхуи** веретено, называет специальное понятие, которое необходимо разъяснить: простое, ручное орудие для прядения пряжи, небольшая деревянная палочка острой формы с одного конца и утолщённая с другого; имеет отношение к специальной области деятельности — народный промысел.

Согласно историко-этнографической справке, наибольшее развитие в XIX веке в горах Северной и особенно Центральной Осетии, где овцевод-

ство составляло ведущую отрасль хозяйства, получил, естественно, этот промысел [Калоев 2004:177], связанный с шерстью, её обработкой, производством предметов, из неё изготавливаемых.

Факторы изменения состава лексики, относящейся к шерстяному промыслу, если рассматривать их в лингвокультурологическом аспекте, осмысливаются в русле взаимодействия языка и культуры, выявляются компоненты с их содержанием, передающие знания о мире, отражённые в семантике языковых единиц. Они составляют лингвокультурную специфику осетинского языка, отражая в своей семантике явления национальной культуры этноса. Глагол **пирын** *чесать* (применяется только в отношении шерсти) является мотивирующим и обнаруживает множество производных от него ремесленных терминов, при этом самостоятельно также сохраняет принадлежность к указанной лексико-семантической группе (далее — ЛСГ). Это слова и словосочетания: **пирæн** *гребень* для чесания шерсти (чесалка/щеть); **пирæг** *чесальщик* шерсти; **пирæны гонн** *верхняя часть гребня* для чесания шерсти; **пирæнгом** *клок шерсти, расщеплённой на чесалке*; **пиринаг** *шерсть, подлежащая чесанию*; **пырд** *расчёсанная, расщеплённая шерсть*; **пырдон** *шерстяные очёски*; **пирыныл бабадын** *засесть за чесанье шерсти* [Айларты 2012:148]. В. И. Абаевым было отмечено, что «термины, связанные с обработкой шерсти, отмечены в осетинском глубокой древностью и восходят обычно к иранским и индоевропейским прототипам» [ИЭСОЯ 1973:242]. Заметим, что в осетинском языке есть два глагола со значением «чесать»: **фасын** *причёсывать, расчёсывать* и **ныхын** *чесать*, помимо глагола **пирын**, но только он применяется в обозначении промысла и употребляется исключительно в значении «*чесать шерсть*». Наличие специального слова (основы) указывает, по нашему мнению, в равной степени как на древность самого занятия, обозначаемого данной лексемой, так и на степень значимости его в традиционно-бытовой жизни осетин.

Типологическая классификация по общности семантики позволит нам систематизировать ремесленную лексику и терминологию осетинского языка по лексико-семантическим подгруппам, а далее — структурировать их внутри ЛСГ «лексика шерстяного промысла осетин», которая в свою очередь входит в ЛСГ «лексика промыслов и ремёсел осетин». Распределение слов и словосочетаний происходило по следующим категориям:

– **а) названия инструментов и подручных материалов:** **пирæн** *гребень для чесания шерсти (чесалка/щеть)*; **пирæны гонн** *верхняя часть гребня для чесания шерсти*; **æлхуи** *веретено*; **цъæгъæдз** *челнок*; **фæдзæгъдæн** *лук (лучок) для взбивания шерсти после чесания*; **æрдын** *лук (для шерсти)*; **æрдынбос** *верёвка, натянутая на лук для взбивания шерсти*; **къуымбилцъæгъдæнкау** *станок для сбивания шерсти*; **къец** *(диг.) детали инструмента для взбивания шерсти в виде крючков*; **тынуафæн бандон** *ткацкий станок*; **æлвисæн** *прялка*; **æлвисæн тæрх** *прядильный станок*; **уæфти** *шпулька*; **уæдæртт** *веретенное кольцо*; **сæркаг уæдæртт** *верхняя шпулька*; **кæройнаг уæдæртт** *нижняя шпулька*; **тынуафæн æрмттæ** *педали ткацкого станка*; **тыны уæвд**

уток; *уафæн тæрх* ткацкий станок; *цурк* клин; *хæсгард* ножницы для стрижки овец; *уафæн хъæдæг* валик ткацкого станка (на него наматывается сотканное сукно).

– **б) названия видов шерсти:** *къуымбил* (ирон.)/*цъопп* (диг.) шерсть (очищенная); *хъуын* шерсть (неочищенная); *хъуын* шерсть, состриженная с одной овцы/руно (шерсть, снятая с овцы в виде цельного пласта); *фист* шерсть весенней стрижки; *фæсм* шерсть осенней стрижки; *хъæддаг фысы къуымбил* шерсть дикого барана; *фысы къуымбил* овечья шерсть; *тинтычъи* козий пух; *сæгъхъис* грубая козья шерсть; *сæгъхъис* самотканое сукно из козьей шерсти; *сæгъхъис* верёвка из козьей шерсти; *сæгъы къуымбил* козья шерсть; *уæрыккы къуымбил* шерсть ягнёнка, *сæныккы къуымбил* шерсть козлёнка.

– **в) названия материалов и предметов из шерсти:** *сæгъбос* набедренная повязка из козьей шерсти; *æлвыст* пряжа; *фæсмын* сукно; *нымæт* войлок; *цагъд къуымбил* очищенная (взбитая) шерсть; *пырд къуымбилтæ* расчёсанная шерсть; *уæлæдарæн нымæт* бурка; *бинаг нымæт* войлок; *нымæтхуд* войлочная шляпа; *уæйлаг нымæттæ* бурки; *гобæтæ* матрацы; *мутакатæ* подушки-валики; *бинаг хуыссæн* постель; *тинтычъи кæлмæрзæн* платок, изготовленный из козьего пуха; *нымæтын дзабыртæ* войлочная обувь; *нымæтын ехс* войлочная плетель; *нымæтын цъупхуд* шерстяная (войлочная) остроконечная шапка, *æлвыст тæбын* спряденная шерсть; *цъындайаг æлвыст тæбын* пряжа, изготовленная на носки; *кæлмæрзæйнаг æлвыст тæбын* пряжа, изготовленная на платки; *хæдойнаг æлвыст тæбын* нитки, скрученные для изготовления сукна на рубахи; *хæлайфаг æлвыст тæбын* нитки, скрученные для изготовления сукна на штаны.

Терминология шерстяного промысла у осетин имеет специальный характер, однако, для неё характерна также многозначность. Например, **æрдын** лук (для шерсти), а также лук (оружие). Лексика, связанной с обработкой шерсти и изготовлением изделий из неё (нитки, пряжа, войлок, сукно и т.д.) в основном, характеризуется прозрачностью и мотивированностью внутренней формы.

Богато представленная терминология рассматриваемого промысла позволяет сделать заключение о том, что в хозяйственной жизни осетин значительное место занимали домашние и кустарные ремёсла и, как следствие, наибольшее развитие из них получили те, которые в полной мере обеспечивались местным сырьём (животноводство: разведение овец и коз).

Термины ручного производства сукна в осетинском языке принадлежат к исконному лексическому фонду, и это легко объясняется владением народом обозначаемым ремеслом в далёком его прошлом. Домашнее ткачество у осетин к настоящему времени вышло из производства и быта, и как следствие перестало быть ремеслом хозяйственного назначения. В связи с этим становится очевидным, что и терминология ткачества (как и терминология прядения и плетения) перешла в пассивную часть словарного запаса осетинского языка. Многие термины уже забыты, другие вытесняются, по-

степенно выходят из употребления, забываются и также отмирают. Поэтому, в связи с исчезновением из словарного состава осетинского языка этого обширного пласта лексики, обладавшего внутренним единством, его исследование приобретает большую значимость, как для осетинского, так и для иранского языкознания в целом.

Большое количество слов, связанных с шерстяным промыслом в осетинском языке до сих пор остаются в его активном запасе, поскольку «в современном быту осетин наиболее распространёнными предметами являются домашние постельные принадлежности из шерсти (матрацы, подушки и одеяла), расческа для шерсти, медная сковорода для ритуальной выпечки» [Хубулова 2014:205].

Лексика и терминология, связанная с домашними промыслами осетин, входит в состав отраслевой, и поэтому, считается одной из самых многочисленных. К сожалению, с утратой самих кустарных промыслов народом, исчезает и лексика, с ними связанная. Ценность подобного исследования заключается не только в анализе, но и сборе такой лексики и терминологии. В современных глобализационных процессах, этносам необходимо стремиться не только к сохранению национальной культуры, но и развивать и внедрять, и приспособлять её в современные условия.

Лексико-семантическая система осетинского языка представлена многочисленными тематическими группами и подгруппами. Лексика и терминология, связанная с домашними промыслами является одной из них, как видно из обширно собранного материала по теме.

Причины изменения состава ремесленной лексики в осетинском языке связаны также с тем, что «истоки и исторический опыт взаимодействия народной культуры с городским образом жизни тесно связаны с пореформенными городами, где активно проходили процессы экономической, общественной и культурной модернизации» [Канукова, Гутиева 2013:71]. Модификация в данных сферах жизнедеятельности этноса, на наш взгляд, закономерно приводит к исчезновению ремесленных терминов и архаизации слов, с ними связанных, она неизбежно приводит к переходу данной лексики в разряд историзмов. Названия предметов и орудий шерстяного ремесла осетин, к примеру, в современном осетинском языке практически вышли из употребления и неизвестны его носителям: *пирæны гонн* зубцы чесалки; *æлхуи* веретено; *цъæгъæдз* челнок; *фæдзæгъдæн* лук (лучок) для взбивания шерсти после чесания; *æрдынбос* верёвка, натянутая на лук для взбивания шерсти; *къуымбилцъæгъдæнкау* станок для сбивания шерсти; *тынуафæн бандон* ткацкий станок; *æлвисæн* прялка; *уæфти* шпулька; *уæдæртт* веретенное кольцо; *тынуафæн æрмттæ* педали ткацкого станка; *тыны уæвд* уток; *цурк* клин; *уафæн хъæдæг* валик ткацкого станка.

Закономерным является то, что лексика шерстяного промысла осетин представляет собой детальное отражение самых различных сторон некогда чрезвычайно разработанной народно-хозяйственной отрасли. Как лингвистический объект, она интересна для прояснения процессов терминотвор-

чества осетинского языка. Описание её было направлено как на выявление состава терминов шерстяного промысла, так и способов терминообразования, и на анализ особенностей семантики ремесленного слова.

Промысловая культура у осетин, связанная с обработкой шерсти и изготовлением из неё изделий является специфической подсистемой, которая своими нормами и традициями, жизненными установками существенно воздействует на стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет её носителей, что, в свою очередь, находит выражение и в её терминосистеме.

Следовательно, в лексике обработки шерсти, прядения и ткачества осетинского языка, связанной с материальной культурой, сохраняется информация об этнических, культурных и языковых процессах. Поэтому углублённое изучение данной терминологии осетинского языка на основе лингвистического анализа позволяет выяснить многие проблемы его этимологии и истории, также способствует изучению этнографии, культуры не только самих осетин, но и других кавказских народов, подтверждает мысли о том, что ткачество занимало большое место в жизни народа.

В заключение, отметим, что понятие «**ремесленный термин**» отличается от определения термина в целом. Он обладает такими категориями, как однозначность, системность, стилистическая нейтральность; имеет специальное определение; функционирует в языке не изолированно, а входит в систему терминов какой-либо промысловой отрасли (гончарной, кожевенной, прядильной, ткацкой и др.).

Подводя итоги нашего исследования, мы обнаружили, что терминосистема шерстяного промысла в осетинском языке насчитывает более 50 слов и словосочетаний. Рамки статьи не позволили нам представить в полном количестве данную терминологию. В дальнейших исследованиях предполагается более подробная работа по данной тематике, где предполагается включение в терминосистему «лексика и терминология шерстяного промысла осетин» названий людей, связанных с шерстяным промыслом (ремесленники и др.) и действий, относящихся к нему. Диахронический подход к изучению данной лексики также необходим для более полного её анализа.

Примечания

1. Абаев В.И. ИЭСОЯ Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т II. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1973. 448 с.
2. Айларты И. Ирон фарн: Обычаи, традиции и быт осетинского народа. Владикавказ, 2012. 392 с.
3. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993. 309 с.
4. Даниленко В.П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). М., 1977. 246 с.
5. Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. 471 с.

6. Канукова З. В., Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71-82.

7. КСЛТ: Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995. 175 с.

8. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.

9. Осетинско-русский словарь/Науч. ред. Т. А. Гуриев. — Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

10. Хубулова Э. В. Народные промыслы осетин: статус сохранности и инновационные возможности // Тамбов: Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2014. № 12 (50), часть 2. С. 204-207.

11. Felber, H. Terminology manual. Paris, Unesco, 1984. 426 p.

**Т. В. Семенова,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В рамках статьи предпринимается попытка определения понятия индивидуально-авторской картины мира на примере анализа особенностей мировосприятия англо-американского поэта У.Х. Одена, а также основных факторов, оказывающих влияние на ее формирование. По мнению автора, исторически обусловленные картины мира являются базисом для формирования концептуальной, а также и языковой картин мира. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что индивидуально-авторская картина мира в заметной степени отличается от концептуально-языковой картины мира обывателя, так как формируется на основе «субъективного видения объективного мира».

Ключевые слова: историческая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, модернизм, экзистенциализм, У.Х. Оден.

In the framework of the article there is an attempt of defining the notion of the individual picture of the world of the author, based on the example of analyzing the specialties of world-perceiving by Anglo-American poet W. H. Auden, and principal factors, influencing on its formation. In author's opinion, historically specified pictures of the world are the bias for creating conceptual, and, as follows, linguistic picture of the world. As a result, of the conducted research, the author comes to the conclusion that the individual picture of the world of the author differentiate in a great deal from the conceptual picture of the world of the average personas it develops on the ground of «subjective perceiving of the objective world.»

Key words: historical picture of the world, the individual picture of the world of the author, modernism, existentialism, W. H. Auden.

В терминологическом аппарате лингвистики конца XX века появляется термин *картина мира*. Данное понятие принято характеризовать, с одной стороны, как целостный образ мира, складывающийся у человека в процессе познавательной деятельности, с другой стороны, как всю совокупность и систему знаний отдельной науки, в которой запечатлевается целостное видение предмета данной науки, складывающееся в определенной период ее

истории и изменяющееся с переходом от этапа к этапу, вследствие чего появляются такие термины, как «биологическая картина мира», «физическая картина мира», «языковая картина мира» и т. п. [1].

В рамках данной статьи предпринимается попытка определения понятия индивидуально-авторской картины мира на примере анализа особенностей мировосприятия англо-американского поэта У.Х. Одена, а также основных факторов, оказывающих влияние на ее формирование.

По мнению В.И. Постоваловой, картина мира являет собой диалектическое единство стабильности и изменчивости, статики и динамики, конкретизирующееся в процессе жизнедеятельности человека. Ученая делает вывод о том, что картина мира не вечна даже в пределах жизни одного человека, поскольку она постоянно корректируется, дополняется и уточняется [2, 48].

В большинстве своем картины мира являются исторически обусловленными, т.е. зависят от достигнутого уровня познания к определенному историческому этапу и меняются в зависимости от исторических условий, достижений науки, развития методов познания. [3, 36-37]. Преобладание определенных картин мира зависит от метода познания, преобладающего на протяжении длительного времени в обществах или слоях общества.

Обращаясь к воссозданию исторической картины мира во время творчества У.Х. Одена, необходимо рассмотреть особенности развития философской мысли в мире — экзистенциализма как базиса общественного мировоззрения, а также общего эстетического направления — модернизма как основополагающего элемента в формировании индивидуальной картины мира.

Философия экзистенциализма в качестве своего основного понятия оперирует экзистенцией, или человеческим существованием, где главными свойствами считаются страх, совесть, забота, отчаяние, неустроенность, одиночество и др.

Человек осознает свое бытие не в обычной повседневной обстановке, а в особых пограничных ситуациях (война и другие бедствия), прозревая и ощущая свою ответственность за происходящее в окружающем его мире. Согласно экзистенциализму, задача философии — заниматься вопросами глубоко индивидуально-человеческого бытия, а не науками в их классическом рационалистическом выражении. Человек помимо своей воли заброшен в этот мир, в свою судьбу и живет в чужом для себя мире.

В свою очередь, модернизм, вытекающая из данного философского мировосприятия, рассматривает человеческое существование как краткий хрупкий миг, полный трагизма, бренности нашего абсурдного мира, и дело художника — показать ужас, величие и красоту, заключенные, вопреки всему, в мгновениях земного бытия.

С исторической точки зрения, модернизм находится в тесной связи с появлением новых режимов, в частности, становлением фашизма и коммунизма как источника новых идей. По мнению испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, модернизм можно считать искусством дегуманизированной эпо-

хи (термин) с неоднозначным отношением к гуманистическим ценностям и представлением мира в жестком, холодном свете [4, 54-58].

В.П. Григорьев говорит о принадлежности автора к эпохе как одному из основных положений при формировании идиостиля поэта. Ученый считает, что извод традиции при прикреплении поэта к определенной школе, течению, направлению может иметь не только индивидуальный отпечаток, но и сохранять какие-то существенные черты индивидуальной поэтики, быть ее закономерным развитием. В результате он приходит к заключению, что следует выделить так называемый макротекст, который отражает поэтический язык эпохи, и микротекст — индивидуальный поэтический текст [5, 69].

На основе историко-философского базиса формируется концептуальная картина мира личности, складывающаяся из различных аспектов мировосприятия индивида и общества, которые потом находят свое языковое отражение. В.А. Маслова утверждает в этой связи, что языковая картина мира является отражением национальной картины мира и выявляется в языковых единицах разных уровней. Совокупность запечатленных в языковой форме знаний представляет собой «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира» [6, 51].

При этом считается, что информация о мире, отраженная в системных значениях языковых знаков, представляет собой языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений.

Индивидуальные языковые картины мира значительно различаются у носителей даже одного языка, так как помимо общечеловеческого и национального аспекта основную роль в них играет личностное. Большим количеством индивидуальных черт, обладают индивидуальные картины писателей (авторские картины мира).

Авторская картина мира фиксирует, в первую очередь, уникальность творческого субъекта: ее индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события [7, 92].

Картина мира конкретного автора существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, ибо она есть «субъективный образ объективного мира». Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка писателя, результат его духовной активности [6, 42-43].

В связи с этим, как отмечают исследователи творчества У.Х. Одена (Mendelson 2007, Nelson 1969, Rainer 2000, Firehow 2002 и др.), ведущим принципом его поэзии является принцип «клинической отстраненности», который помогает одновременно сопереживать объекту поэтического изображения и оставаться в стороне от него для вынесения объективной оценки. Творческий метод У.Х. Одена в большей степени кинематографичен, автор занимает позицию режиссера и оператора, всегда находясь за пределами самого текста, сосредотачивая свое внимание на точности изображаемых фрагментов и технике их монтажа.

Реагируя на существующие в мире настроения, У.Х. Оден утверждает, что человечество — это «пациенты», остро нуждающиеся в помощи психолога, а социализм должен ориентировать внутреннюю энергию людей на саморазвитие и организовывать цивилизацию путем психологических трансформаций [8, 39].

Роль поэта в этом случае сравнима с ролью врача-психоаналитика (отсюда — языковые эквиваленты различных техник психоанализа), а сами стихотворения представляют собой своеобразные сеансы психотерапии, в которых анализируется сложная взаимосвязь подсознательных, глубоко сокрытых мотивов, руководящих человеческим и общественным поведением; поэтому он предоставляет читателю «не чувства, а некоторые события, намеки или импульсы, которые лежат в основе этих процессов» [9, 18].

По мнению У.Х. Одена, поэзия как аллегорический вид искусства обладает не только эстетической, но и практической значимостью, поскольку способна действительно помочь человеку, существование которого представляет собой ситуацию моральной дилеммы», своего рода «ловушку» истории, бесконечный круг социальных и нравственных противоречий.

Как утверждает В.И. Постовалова, при сохранении целостности картины мира — заданности ее рамок и принципа изображения — в ней могут меняться отдельные фрагменты или общая колористика, запечатлевающая мироощущение субъекта этой картины [2, 48], т.е. она может быть динамична.

Как показывает предварительный анализ, индивидуально-авторская картина мира У.Х. Одена характеризуется динамичностью и исторической изменчивостью. Его творчество изобилует обозначенными выше тематиками, что влечет к определенной смене направленностей на трех этапах его творчества, где в первом периоде наблюдается острое реагирование на существующий порядок вещей, во втором — рефлексивная отдаленность от объекта описания, в третьем — размышления о результативности жизни и смысле бытия.

Итак, рассмотренные выше положения доказывают, что:

1. Исторически обусловленные картины мира являются базисом для формирования концептуальной, а вслед за ней и языковой картин мира.
2. Индивидуально-авторская картина мира в заметной степени отличается от концептуально-языковой картины мира обывателя, так как формируется на основе «субъективного видения объективного мира».
3. С течением времени авторская картина мира развивается динамично вследствие изменения мироощущения субъекта.

Примечание

1. Дреева Д.М., Семенова Т.В. Поэтическая картина мира: к определению понятия // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23763>

2. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М: АСТ: «Восток-Запад», 2007.
4. Минахин Д.В. Категория любви как элемент массовой культуры в поэзии модернизма (литературоведческий сравнительный анализ) // Текст и языковая личность: формы отражения менталитета англичан и русских в языковом тексте: сборник научных трудов/Под ред. Л.В. Татару. Балашов: Николаев, 2006.
5. Григорьев В.П. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 266 с.
7. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.: Книжный дом, 2006.
8. Cambridge Companion to W.H. Auden. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
9. Новгородский Ю.В. «Традиция» и «Индивидуальный талант» в английской поэзии 1930-х — 1940-х гг.: Дилан Томас и У.Х. Оден: дис... канд. фил. наук. Москва, 2005.

А. З. Ахуба,
Л. В. Цвейба
(Абхазия, г. Сухум)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ АБХАЗИЯ

«Язык есть средство коммуникации и, чтобы полноценно существовать, он должен... функционировать по всему периметру государственной жизни.

В любом ином, даже очень щадящем, режиме он деградирует и вымирает».

Зураб Ачба

В статье рассматриваются особенности функционирования абхазского языка, на основе социолингвистического аспекта исследования анализируется его развитие и определяется назначение родного языка для общества. Формулируется проблема сохранения и развития родного языка на современном этапе и способы ее решения.

Ключевые слова: абхазский язык, социолингвистика, родной язык, государственный язык.

The article deals with Abkhaz language functioning features; on the basis of sociolinguistic aspects of the research is analyzed its development and is determined native language appointment for the society. We formulate the problem of native language preservation and development at present and methods of solving it.

Keywords: Abkhaz language, sociolinguistics, native language, State language.

Как известно, язык возникает, развивается и существует как социальный феномен. Главная его функция заключается в том, чтобы обслуживать нужды человеческого общества и, прежде всего, обеспечить общение между членами большого или малого социального коллектива.

Функционирование и развитие языка зависит от социальных условий. Есть языки, принятые в качестве рабочих в международных общественных организациях и распространенные в разных сферах общения между людьми из разных языковых общностей. Например, английский, французский, китайский, русский и арабский; государственные языки суверенных госу-

дарств, государственные языки в составе федерации или конфедерации; языки языковых общностей с восстанавливаемыми функциями; языки малочисленных языковых общностей и языки диаспор.

Особое место в мире занимают языки *малочисленных* народов. «Они контактируют с социально более престижным языком. С одной стороны, такая функциональная дополнительность помогает языкам малочисленных народов удовлетворять все социальные языковые потребности в разных сферах общения, с другой стороны, способствует ассимиляции этих языков, так как определенная часть носителей того или иного языка малочисленного народа переключается на другой язык, забывая родной» [1,86].

Абхазия — суверенная независимая республика с различным этническим составом населения. По данным переписи 2011 года, численность ее населения составляет 242705 человек. Основное население — 50,71% — абхазы; 17,39% — армяне; 19,17% — русские, 17,93% — грузины. Всего в Абхазии проживают представители 91-й национальности. Это является основным фактором языкового разнообразия.

В странах с полиэтническим обществом не все языки обладают равными возможностями, сферы использования одних языков расширяются, других — наоборот — ограничиваются.

Общеизвестно, что выполнение языком как можно большего количества функций повышает степень его жизнеспособность. Для полноценной жизнедеятельности важен социальный статус языка, его престижность, значение в социально-экономической и культурной жизни общества.

Согласно статье 6 Конституции Республики Абхазия, «абхазский язык является государственным языком, русский язык наряду с абхазским признается языком государственных и других учреждений. Государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, их право на свободное использование родного языка» [2, 4].

Функциональная мощь языка заключается в том, с какой степенью интенсивности он выполняет функцию общения в различных сферах.

Абхазский язык является языком воспитания в детских садах, языком обучения в начальной школе, изучается как предмет в старших классах и средне-специальных учебных заведениях. Все остальные предметы ведутся на русском языке. В абхазском государственном университете в абхазских секторах педагогического, филологического и исторического факультетов обучение ведется на абхазском языке. Он изучается на всех специальностях.

Как известно, научные знания являются фундаментом цивилизации и главным двигателем процесса государства. Языками науки в Абхазии являются как абхазский, так и русский. На них издаются учебная методическая литература, научные труды, составляются словари, проводятся конференции и защищаются диссертации.

На абхазском языке существует богатая художественная литература. Язык широко используется в театре, массовых мероприятиях, на абхазский язык переводятся кино-мультипликационные фильмы. Библиотеки респу-

блики располагают богатой краеведческой литературой на абхазском языке. Он также представлен в сфере средств массовой информации. В республике действует Абхазская государственная телерадиокомпания, которая транслирует на абхазском и русском языках информационные программы, посвященные обзору событий, а также передачи на научные, общественно-политические и другие темы. На абхазском языке издаются республиканские, районные газеты и журналы.

Функционирование государственного абхазского языка в суверенной республике Абхазия имеет свои особенности.

Согласно Закону «О государственном языке Республики Абхазия», средством официального общения в органах государственной власти являются абхазский и русский языки. Все собрания, совещания, заседания проводятся, в основном, на русском языке. Документы, удостоверяющие личность, оформляются на абхазском и русском языках; законопроекты письменные отчеты, документы, постановления главным образом пишутся на русском языке.

Абхазский язык является основным в сфере семейного общения. С целью изучения проблем, связанных с функционированием государственного языка, в 2012 году нами было проведено исследование в двух городах (Гудаута, Очамчыра) и в двух селах (Члоу, Эшера) Республики Абхазия. Методом сбора данных было анкетирование. Опрос проводился среди абхазов в возрасте от 18 и свыше 60 лет (400 респондентов). Исследование показывает, что большинство абхазов говорит на родном языке и хорошо владеет русским. В городской среде носителями языка являются 80% абхазов, остальные 20% понимают, но говорят с затруднениями. В селах, отдаленных от города, на родном языке говорят 100% (Члоу), территориально приближенных к городу с различным этническим составом — 90% (Эшера). В городской среде, в различных ситуациях общения на абхазском языке респонденты говорят преимущественно с представителями старшего поколения, с представителями среднего и младшего поколения ими наряду с абхазским языком используется и русский язык (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Городская среда

	Абхазский	Русский	Абхазский и русский	другой
Дедушка	80%	2%	17%	1%
Бабушка	80%	3%	16%	1%
Отец	70%	14%	16%	
Мать	64%	15%	19%	2%
Брат	62%	13%	25%	
Сестра	62%	13%	25%	
Ребенок	57%	12%	31%	

Таблица 2

Сельская местность

	Абхазский	Русский	Абхазский и русский	другой
Дедушка	100%			
Бабушка	100%			
Отец	96%		4%	
Мать	94%		6%	
Брат	94%		6%	
Сестра	93%		7%	
Ребенок	80%		20%	

Коммуникативная значимость русского языка не позволяет обойтись без него даже в быту. Язык вносится в дом с улицы, из телевизора, из интернета, из школы или университета, таким образом, расширяя сферы своего влияния и на жителей сельской местности.

В настоящее время в Абхазии наблюдается миграционный отток молодежи в города либо с целью получения образования, либо для работы в городе, где часто переключаются с абхазского языка на русский.

«Переключение на другой язык происходит тогда, когда носители одного языка адаптируют язык большинства или язык, считающийся престижным. На последних этапах языкового переключения мы получаем «полуносителей» языка, которые могут без труда понимать язык, но не говорят на нем» [3, 86-96].

По данным социолингвистического опроса, в последние годы происходит изменение жизненных приоритетов молодежи и снижение роли родного языка. Молодое поколение указало русский язык как важный источник получения информации. «Если человек будет знать и видеть, что данный язык не востребован жизнью и не обладает как средство интеллекта удобными функциями и системной терминологией, он никогда не будет заставлять себя его учить — насильно мил не будешь. Принцип эволюции гласит: каждый человек всегда выберет то, что считает лучшим, полезным и качественно совершенным для себя. И человеку все равно, кто создал это средство — он просто берет и пользуется им. Почему, например, людей не нужно заставлять учить английский язык? Потому, что они сами хотят изучать, видя в нем средство международного общения, интернета и науки». [4].

Функционирование и развитие абхазского языка зависит, в первую очередь, от его носителей. Большое значение необходимо придавать повышению языковой культуры общества, формированию бережного отношения к языковым традициям, воспитанию сознательного отношения к языку как к национально-культурной ценности.

Абхазское научное сообщество обеспокоено означенной проблемой. Так, исследователь абхазско-адыгских языков Л. Р. Хагба пишет: «Официально День абхазского языка отмечается 27 октября, но я хотела бы, чтобы каждый

день в году для абхаза был днем абхазского языка, чтобы молодая мама пела ребенку колыбельную на родном языке, чтобы она читала сказки на родном языке, чтобы она с рождения прививала ему любовь ко всему родному. Ошибаются те, кто откладывает обучение ребенка родному языку на потом. Потом может быть поздно. Есть абхазский язык — есть и родина абхазов. Не будет языка — не будет и родины. А наш народ жизнью своих детей заплатил за то, чтобы родина у нас сохранилась. Не будем забывать об этом» [5,105].

Настораживают опасения, о которых сетуют в своей капитальной монографии, посвященной исчезнувшим и исчезающим языкам, ученые З. М. Габуния и Р. Гусман Тирадо: «Нации — это богатство человечества, это обобщение личности его, это ее ноосфера, это ее прогресс; самая малая из них несет особые краски, таит в себе особую ментальность, особую культурную идентичность. А малые языки среди этого многочисленного многообразия разбросаны, по Божьему замыслу, как небесные звездочки, которые охраняют и лелеют эти великие языки, которые в своем количественном составе малочисленны. Мы должны задать себе вопрос: что будет с нашей планетой без этого многообразия языков?» [6, 492].

Нам представляется, что на нынешнем этапе развития государственности Абхазии возрастает проблема сохранения родного абхазского языка, в связи с чем возникла необходимость пересмотра лингвопедагогических позиций.

Примечания

1. Биткеева А.Н. Национально-языковая политика России: Новые вопросы, последние тенденции//Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция Москва, 16-19 сентября 2014.

2. Конституция РА. Сухум, 1994.

3. Пазов С.У. Абазинский язык: проблемы функционирования и развития//Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: Материала Всероссийской научной конференции в 2-х ч. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет, 2011. ч.2.

4. Сытник М. Функции государственного языка. (Электронный ресурс, 2005).

5. Хагба Л.Р. Язык мой — боль моя. Сухум, 2014.

6. Габуния З.М. Р. Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010.

**М. Б. Бутаева,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ТАБУ В ОСЕТИНСКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается обычай табуирования у двух народов Северного Кавказа: осетин и чеченцев. Явление эвфемизации наблюдается в различных сферах их социальной жизни. Сравнительный анализ табуированной лексики и эвфемизмов показал сходство мировоззрений у этих народов.

Ключевые слова: языковое табу, эвфемизм, запрет, обычай, духовная культура.

The article considers the tabooing custom of two peoples of the North Caucasus: Ossetians and Chechens. Euphemisation phenomenon is observing in different areas of these ethnoses social life. Comparative analysis of tabooed lexicon and euphemisms has revealed similarity in these two peoples worldviews.

Keywords: language taboo, euphemism, prohibition, custom, spiritual culture.

Многие сходные обычаи и обряды отражают национально-культурную и языковую специфику осетинского и чеченского народов, что свидетельствует о давних связях этих народов. Осетинский этнограф Б. А. Калоев отмечал, что «осетино-вайнахские этнокультурные контакты привели к созданию многих сходных черт в хозяйстве, материальной и духовной культуре, общественном и семейном быту, традиционных верованиях» [1, 153].

Статья преследует цель — осветить сложную систему запретов, возникших в дохристианский и доисламский период на основе мифологических верований у осетин и чеченцев.

Система запретов этих народов включает в себя не только запрет религиозный, налагаемый на определенные действия во избежание негативных последствий, но и запрет на употребление определенных слов, употребление которых инстинктивно или намеренно избегали и избегают до сих пор. Языковое табу в обоих языках наиболее ярко выражено, по нашему мнению, в обычае избегания [11].

И у осетин и у чеченцев существовал обычай избегания произношения имён. Табуирования имён у осетин придерживались и мужчины, и женщины.

«Со слов людей преклонного возраста, а также из письменных источников можно узнать, что мужа не произносили имён своих жен, а при разговоре со старшими считалось неприличным обращаться по имени к своим детям. Замужняя женщина не называла по имени не только своего мужа, но и его родителей и близких родственников. Некоторые слова запрещались из соображений приличия, и иногда это приобретало достаточно причудливые формы. Например, имя супруги заменялось (иногда заменяется и в наше время) эвфемизмами *усай*, *нæ ус* (*ус* – «женщина»), *не фсин* (букв. наша хозяйка), *сæ мад* (букв. их мать), *нæ къæбæргæнæг* (букв. пекущая хлеб) или же словом *къуырма* (глухая). При необходимости произношения настоящего имени своей жены мужчина вставлял в речь оборот «*табу дæ фарнæн*», с помощью которого он просил извинения. Часто к жене обращались по её девичьей фамилии. Так, например, от фамильного имени *Харебатæ* образовывалось обращение *Харебиан*, от слова *Фидаратæ* — *Фидарон* и т. д.

Женщина заменяла имя мужа следующими языковыми средствами: *нæ лæг* (наш мужчина), *махон* (наш), *мæ сæры хицау* (букв. повелитель моей головы) и т. д. Она не имела права называть по имени деверя и золовку и заменяла их эвфемизмами *сæ лæппу* (букв. их мальчик, их сын), *сæ чызг* (их девочка, ихдочь), *сæ хо* (их сестра). И в наше время используют сочетания *мæ уды хай* (букв. часть моей души), *мæ (дæ, йæ) цардæмбал* (друг или подруга жизни)», — пишет З. Б. Дзодзикова [2, 465].

Обычай избегания имён особенно строго соблюдали женщины, а также молодые невестки, причём мотивируется это исторически, ср.: «Другая характерная черта патриархального строя и быта — подчинение женщин мужчинам, «культ мужчины». В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что если первоначально, при своем генезисе, нормы избегания, по-видимому, в равной степени касались обоих супругов, то позднее, с развитием патриархальных порядков, они с особой тяжестью легли на плечи женщины» [3, 42].

У осетин женщине «было очень неприлично говорить *мæ лæг*, *мæ мой* (мой муж). Обращаться к мужу по имени также считалось предосудительным. В осетинском языке существует известное количество прозвищ, которые давали жены своим мужьям: *къобор* (названием медведя, быка), *къуырма* (глухой), *хъусой* от *хъус* (ухо), *хосдзау* (косарь), *куыройдзау* (мельник), *фæныкгуыз* (бездельник, букв. «копающийся в золе»)» [4, 63].

Чеченские женщины также придерживались обычая табуирования имён: «В середине XX века невестка нередко не произносила имен родственников мужа, заменяя их имена другими именами или уважительными и красивыми обращениями: «*Хазник* (красивый), *дика-къант* (хороший парень), *жима-ваша* (маленький дядя), *вокъху-ваша* (старший дядя), *хьомениг* (дорогой), *чехька верг* (быстрый парень), *лекъха-кант* (высокий парень)» [5, 358].

Неприличным считалось и у осетин, и у чеченцев называть по именам своих детей. В Чечне, например, «родители называли своих детей просто «мальчик» («*клант*»), «девочка» («*йол*»). В том случае, когда детей было несколько,

их называли по степени старшинства «*вокханиг*» — старший, «*юккъанирг*» — средний, «*жимнаг*» — младший. Нередко, независимо от того, какое имя получил ребенок при рождении, родители в силу того, что не могли называть его собственным именем, давали ему второе имя. Им могло быть и просто слово, которое ребенок не выговаривал, или же отвлеченное понятие. Таким образом, чеченцы, как и другие народы Кавказа, следуя народным поверьям, старались дать ребенку имя, которое могло отпугнуть «злых духов» или же такое, чтобы оно принесло счастье его обладателю» [6, 105].

В Осетии, «в силу существовавшего комплекса избеганий, невестка не только не имела права произносить имена старших родственников мужа, самого мужа, но также называть по именам и своих детей в присутствии старших. Не мог называть детей по имени и отец. Поэтому родители называли детей просто «мальчик» — «*лæппу*» или «девочка» — «*чызг*». Когда же детей было несколько, их называли по степени старшинства: «*Хистæр*» — Старший, «*Астæуккаг*» — Средний, «*Кæстæр*» — Младший» [7, 111].

Особое место среди языковых табу народов Северного Кавказа занимает охотничий язык. «Среди многочисленных магических средств, — пишет Г. Ф. Чурсин, — к которым прибегают охотники для обеспечения успеха, особое значение приписывается употреблению на охоте вместо обычного охотничьего языка. Этим путем охотники стараются обмануть как самих животных, так и враждебных духов» [8, 18].

Как отмечает в своей статье З. Б. Дзодзикова, «в прошлом среди предков осетин-охотников бытовало мнение о том, что употребление прямых названий животных во время охоты ведёт к неудаче. Поэтому они использовали заменители прямых наименований диких зверей, видов оружия, мест охоты, продуктов питания, орудий, одежды, действий и т. д.» [2, 464]. Характеризуя язык осетинских охотников, Ф. Д. Техов пишет, что «осетины-охотники в результате табу вместо названия одного из самых распространенных зверей **арс** «медведь» употребляют другие слова: *тæпæнкъах* «плосконогий», *зылынкъах* «кривоногий», *цымхор* «кизилоядный», *стыр* «большой», *хъуын-джын* «волосатый», *цыбыркъах* «коротконогий» и др.; вместо **бирæгъ** «волк» употребляются *къуыбырхъус* «корноухий», *цъæхкæриддын* «серошубый», *ирд-дзæст* «не смыкающий глаз», *дзагъыр-дзæст* «с вытаращенными глазами»; вместо **саг** «олень» говорят *сыкъаддын* «рогатый», *сион* «рогатый», *сионджын* «рогатый», *сæрддын саг* «с большой головой олень»; вместо **хуы** «свинья» встречаются *тъыфылхъус* «лопоухий», *къæндзыгдын* «клыкастый», *ссырддын* «клыкастый»; вместо **тæрхъус** «заяц» употребляются слова *сохъхъыр* «косой», *зылындзæст* «косоглазый», *хъылхъус* «с поднятыми ушами», *дзагъыр-дзæст* «не смыкающий глаз»; вместо **топп** «ружье» говорят *хæтæл* «труба», *хъæргæнаг* «кричащий»; вместо **кард** «нож» — *сæрфæн* «то, чем вытирают» и т. д.» [Цит. по: 9, 131]. Упоминания об «охотничьем языке» присутствуют и в других исследованиях [12].

К такому специальному языку прибегали и чеченские охотники. «У чеченцев, как и других народов Кавказа, в прошлом бытовал специальный «охот-

ничий язык» (*чабраххи мотт*), изобилующий иносказаниями: звери, птицы и различные предметы, связанные так или иначе с охотой, назывались не своими обычными именами, а другими словами. Каждый охотник должен был знать этот «иносказательный язык», на котором говорили во время охоты или когда речь шла о зверях и птицах. Охотники говорили на этом языке, поскольку, по их мнению, он способствовал удачной охоте. Таким образом охотники старались скрыть свои намерения от зверей, птиц и их покровителя; ср. охотники, в силу существования табу, вместо слова медведь (*ча*) говорили: «много спящий» (*дукханабийириг*), вместо «дикий кабан» (*нал*) — «клыкастый» (*кломсарерг*), вместо «ружье» (*тон*) — «правильно нацеливающее» (*нийса хьажорг*), вместо «кинжал» (*шалта*) — «двуострый» (*шидиттдерг*) и змея (*шераниг*)» [5, 174].

Ещё одно явление языкового табу встречается у осетин и чеченцев в области названий болезней. «Предки осетин не произносили и названия болезней. Тяжелые, неизлечимые болезни называли *æвзæр низ* (букв. плохая болезнь). Болезни глаз, корь, ветрянку они называли эвфемизмом *Алардыы фыдæх* (немильность Аларды), то есть божества, способного наслать кожные заболевания. Оспа называлась *Стыр дзуар* (Великое божество)» [2, 465]. Заметим, что осетины табуировали и само понятие *низ* (болезнь), заменив его эвфемизмом *цин* (радость). Этому свидетельствует и понятие *фæстинон* (букв. состояние после болезни, выздоровление) [10, 464].

Названия болезней и у чеченцев подвергались и табуированию. Ярким примером этому является эвфемизация названий детских заболеваний как наиболее нежелательных. Это явление отмечает в своей работе З. И. Хасбулатова: «Чеченцам были издавна известны и детские инфекционные болезни. При одних инфекционных болезнях избегали контактов с заболевшим, при других, наоборот, контакты поощрялись. Таковыми были болезни: «морзгулаш» — оспа, «кхартанаш» — корь, «тледарчий» — краснуха и др. Средства лечения этих болезней были разными, в большинстве случаев иррациональными. Так, оспу остерегались называть «по имени», а называя её «красивой, доброй», просили её покинуть ребенка и т.п.» [6, 91].

Таким образом, система табу и эвфемизмов в осетинском и чеченском языках даёт возможность сделать вывод, что культурные связи этих народов породили множество одинаковых обычаев, в том числе и обычай табуирования, в основе которого лежит первобытная вера человека в магию слова.

Примечания

1. Калоев Б. А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // Кавказский этнографический сборник. IX. М., 1989.

2. Дзодзикова З. Б. Понятийная картина мира в системе табуированных наименований современного осетинского языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. Владикавказ, 2014. № 4.

3. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XI-XXX в.). М., 1983. 161 с.
4. Битарти З. А. Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке. Цхинвал, 2011. 96 с.
5. Чеченцы // Серия «Народы и культуры» // Отв. ред. Л. Т. Соловьева, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова. М., 2012. 622 с.
6. Хасбулатова З. И. Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX — начало XX века). М., 2015. 426 с.
7. Дзуцев Х. В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. Владикавказ, 1998. 265 с.
8. Чурсин Г. Ф. Культ охоты у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института. Тбилиси, 1929. №5.
9. Техов Ф. Д. Охотничий язык у осетин // Известия Югоосетинского научно-исследовательского института. Цхинвали, 1971. Вып. 18.
10. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958., Т. I. 655 с.
11. Хадикова А. Х. Социальный пол как этнокультурный конструкт традиционной системы ценностей осетин // Современное общество, образование и наука. По материалам международной научно-практической конференции 30 сентября 2015 г. Часть 4. Тамбов: УСОМ, 2015-172 с. С.143-148.
12. Хадикова А. Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2015. 440 с. С. 142.

Л. В. Дзассохова
соискатель СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДЛОГ *æнæ* В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье рассматривается такая служебная часть речи осетинского языка как предлог *æнæ*-, который выражает отрицание. Производится анализ, особенностей словоупотребления данного предлога с различными частями речи. Определяются его синтаксическая и стилистическая функции.*

Ключевые слова: предлог, служебная часть речи, осетинский язык, *æнæ*-, без-.

*The article deals with such an auxiliary part of speech of the Ossetian language as a preposition *ænæ*- that expresses negation. Features of the preposition using with different parts of speech are analysed here. The syntactical and stylistic features are also determined.*

Keywords: preposition, auxiliary part of speech, Ossetic, *ænæ*-, un-.

В осетинском языке предлог — служебная часть речи, выражающая отношение одних слов к другим словам в предложении. Являясь служебными словами, предлоги не имеют самостоятельного лексического значения, не изменяются и отдельно от других слов не употребляются.

«Частицы речи, служащие для выражения пространственных, временных, причинных, целевых, притяжательных, ограничительных и других отношений между объектами называются предлогами. Предлоги обозначают синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений или субстантивированных прилагательных и числительных, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, местоимениями, прилагательными, реже наречиями, с другой стороны» [2, 555].

Предлоги всегда предшествуют тем словам, к которым они относятся.

Предлогов в осетинском языке всего три: *æд* «с», *æнæ* «без», *фæйнæ* «по», но в «Грамматике осетинского языка» выделены только два из них — *æд* и *æнæ* [3, 73].

Все они являются непроизводными словами.

Предлог *æнæ* употребляется в осетинском языке значительно чаще, чем предлоги *æд* и *фæйнæ*. Слова, с которыми предлог *æнæ* употребляется, в предложении выполняют синтаксическую функцию обстоятельства образа

действия; ср.: *æнæ донæй цæрæн нæй* «без воды нет жизни», *æнæ донæй* «без воды».

Æнæ — «без», усиленный вид привативной частицы *æ-* [1, т.1, 150]. Предлог *æнæ* «без» может сочетаться с именами существительными, числительными, местоимениями, а также с деепричастными формами глагола на *-гæ*, — *гæйæ*.

Предлог этот обозначает отсутствие предмета или лица, при названии которого он употреблен, т. е. обозначает, что действие, состояние-процесс производится при условии отсутствия данного предмета или лица.

Предлог æнæ с существительными

Предлог *æнæ* сочетается с именами существительными, числительными и местоимениями в винительном (сходном с именительным и родительным падежами) или в отложительном падеже. Исходя из того, что в осетинском языке роль винительного берут на себя именительный и родительный падежи, то отмечаем мы их соответственно вопросам.

Æз цы уæлдай уон æнæ хай? Ды цы уæлдай дæ паддзах?!/Почему я должен быть без доли? Чем ты главнее (выше) меня?! (Б. Г., с. 126); Зæрватыкк, æнæ хъыг, æнæ маст цæрæг.../Ласточка, живущая без печали, без горя... (Х. Къ., с.81); Мæ удылхæцæг æнæ æнцой уа!/Пусть не знает покоя хранитель моей души! (Х. Къ., с. 13) Дæу æнæуый нымайдысты мардыл, — Лæг æнæ 'взаг нæ цæры... (Б. Г., с. 65); Тебя без этого будут считать мёртвым, — Человек без языка не живет...

Предлог *æнæ* «без» сочетается с именами существительными и субстантивированными именами в форме именительного падежа: *Фæлæ нæ амонд Æнæ сæрнывонд Нæ хæссы бирæ!* (Х. Къ., с. 59)/Но наше счастье без самопожертвования долго не длится! *Æнæ бухайраг худ æддæмæ нæ цæуы/Без бухарской шапки (он) не выходит на улицу* (allingvo.ru/LANGUAGE/Self-taught/lesson_19.htm).

Собственные имена с предлогом *æнæ* «без» употребляются в форме:

а) именительного падежа: *Æнæ Артур æз нæ ацæудзынæн хъæдмæ/Без Артура я не пойду в лес* (allingvo.ru/LANGUAGE/Self-taught/lesson_19.htm).

б) отложительного падежа: *Æнæ аххосæй Фыййауы фосæй Нæ хæссы бирæ-гъ!* (Х. Къ., «Хъуыбады»)/Без причины из стада пастуха не крадет волк!

В отличие от предлога *æд* — «с», между предлогом *æнæ* — «без» и именем, которым он управляет, могут находиться все определительные слова, в том числе и местоимения: *æнæ йæ мад куыд цæрдзæнис?* Без матери своей как она будет жить?

Между предлогом *æнæ* и существительным, к которому он относится, могут вставляться определения; ср.: *æнæ фидар хос* «без сильного лекарства».

Предлог æнæ с местоимениями

Предлог *æнæ* сочетается с местоимениями в форме именительного и родительного падежа: *Æнæ дæу нæу мæ бон* (текст песни «Никуы ничи» <http://mumburum.com/lyrics/4390065.html>)/Без тебя я не могу; *Бæлæстæ дæуыл мæтгæнæг систы, Мæн фæрсынц, — цæмæн дæн ам æнæ дæу?* (Б. Г., с. 50)/Деревья за тебя переживают, меня спрашивают, — почему я тут без тебя?;

Нæй уыдонæн æнæ кæрæдзи цард, Нæдæр кæрæдзи ссарынæн амал/Нет им жизни друг без друга, ни способа друг друга найти (Б. Г., с. 97).

Между предложением *æнæ* и относящимся к нему местоимением иногда может вставляться другое слово, относящееся к местоимению. Например, *æз æнæ æппын ницы зæгъгæйæ, нæ фæлæудзынæн/Я не смогу совсем ничего не сказать.*

Предлог *æнæ* с числительными

Отрицательный предлог *æнæ* может сочетаться с числительными; ср.:

Симон цæуы цу лæдзæджы æнцой, Тедо та æнæ дыууæ лæдзæджы æнцой цæуын нæ фæразы (К. А. «Цуанонтæ»)/Симон идет, опираясь на одну палку, а Тедо не может идти, не опираясь на две палки.

Предлог *æнæ* с деепричастиями

Предлог *æнæ* в сочетании с деепричастной формой глагола соответствует отрицательной частице *нæ* при глаголах, выражающих состояние-процесс, и обозначает, что действие, состояние-процесс, выраженное глаголом-сказуемым, производится или не может производиться при отсутствии явления, выраженного деепричастием; ср.: *Хъæрзынмæ байхъуыстой æмæ базонгæ (НК, т. 1, с. 38)/Послушали стоны и узнали, что нельзя им не пойти и не узнать, кто стонет; Цæвæг уыдис Ахсартаг, сисы кæрон йæ дзыппы цæвæрдта æмæ, мæнæн, дам, цæфы фæдыл æнæ ацæугæ хос нæй (НК, т. 1, с. 46)/Стрелком был Ахсартаг, отложил конец пера в свой карман и мне говорит, нельзя не пойти по следам; Гъей, Хуцауи радтæккаг, æнæ раковгæ кутемæй хуæрис? — зæгъгæ, 'ймæ дзоруй Ахсарæ (НК, т. 1, с. 59)/Эй, данный Богом, почему приступаешь к еде, не помолвившись? — спросил Ахсар.*

Между предложением *æнæ* и относящимся к нему деепричастием могут вставляться другие члены предложения: *Æнæ сымах фенгæйæ, никуыдæм ацæуыдзынæн/Я никуда не пойду, не проведав вас.*

В осетинском языке есть приставка *æнæ-* «без-», сходная по смыслу и форме с предлогом *æнæ* «без»: *æнæмæт* «беспечный».

Предлог «без» — аналог осетинского *æнæ* — в русском языке выражает лишение, удаление, отнятие. Основной характер значения первообразного предлога обычно поддерживается следующими факторами. Так же, как и в осетинском, в русском языке есть приставка, однозначная с предлогом или близкая ему по значению: *безумный* — *без ума*, *безопасность* — *без опасности* (в обоих случаях — значение «отсутствие»).

В осетинском языке, как и в русском, отрицательный предлог *æнæ* «без» может сочетаться с существительным, числительным и местоимением и требует от существительного и местоимения постановки в форме трёх падежей — именительного, родительного и отложительного (так как отдельно выделенного винительного в системе падежей нет) — в зависимости от контекста.

В русском языке существительное и местоимение в сочетании с «без» используют только родительный падеж. Как в русском, так и в осетинском языке между отрицательным предлогом и существительным может стоять

определение. В осетинском языке, в отличие от русского, предлог *æнæ* может употребляться в сочетании с деепричастием. В осетинском языке возможна формула «отрицательный предлог + деепричастие». В русском языке есть формула «не без + N (subst)», в осетинском — «*æнæ + V (adv) + нæ*».

В своих основных значениях и в осетинском, и в русском отрицательные предлоги — *æнæ* и *без* — сходны. При всех различиях, заметим, осетинский и русский предлоги аналогичны.

Примечания:

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, М.-Л., 1958. Т.1.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947.
3. Грамматика осетинского языка // Под ред. Г.С. Ахвледиани. Т.1. Орджоникидзе, 1963.

Список сокращений

- Б. Г. — *Бестауты Гуæргу*. Арты æртæхтæ. Æмдзæвгæтæ æмæ кадæг. Цхинвал, 1979.
- К. А. — *Коцойты Арсен*. Уацмыстæ. Цуанонтæ. Дзæуджыхъæу, 1991.
- НК — *Нарты кадджытæ* // Джыккайтæ Ш. ред., Дзæуджыхъæу, 2007, 1-4 т.
- Х. Къ. — *Хетæгкаты Къоста*. Ирон фæндыр/Чиныг рацыд поэты райгуырды 150 азы бонмæ. Дзæуджыхъæу, 2009.

**Н. А. Хеция,
преподаватель кафедры АГУ
(Абхазия, г. Сухум)**

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА БУДУЩИХ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ АБХАЗСКОГО ГЛАГОЛА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В данной статье производится предварительный анализ особенностей перевода абхазского глагола будущего времени на английский язык. Выделяются семантические характеристики рассматриваемой части речи и его синтаксические функции в абхазском языке и в английских переводах.

Ключевые слова: глагол, категория времени, абхазский язык, английский язык, перевод.

This article is carried out preliminary analysis of translation characteristics of Abkhazian verb in future tense in English. The semantic characteristics of this part of speech and its syntactic functions in the Abkhaz language and in English translations are distinguished here.

Keywords: verb, category of tense, the Abkhaz language, English, translation.

Специальная литература свидетельствует о том, что глагол в абхазском, как и в близкородственных абазинском и адыгских языках, имеет сложную, но вместе с тем очень богатую систему форм словоизменения и словообразования.

В абхазском языке эта морфологическая система является базой для создания грамматической основы предложения, для объединения инфинитных конструкций. Абхазский глагол принимает на себя основные синтаксические функции именных частей речи, у которых слабо развиты морфологические формы. Глаголы делятся на две группы — статистические и динамические. Статистические глаголы выражают состояние, динамические — действие, процесс.

Морфологическими категориями глагола в абхазском языке являются: лицо, класс, число, переходность — непереходность, время, наклонение, а также положительные и отрицательные, утвердительные и вопросительные формы.

Категория времени глагола в абхазском языке представляет собой противопоставление трех временных форм — настоящего, прошедшего, будущего.

В абхазском языке различают две формы будущего времени — будущее I и будущее II.

Будущее I

Будущее I (основное) время образуется путем прибавления суффикса **-nI** — к основе глагола. Если основа глагола оканчивается на согласный, то перед суффиксом **-nI** для слогообразования появляется гласный **ы**. Суффикс **-nI** выражает время и финитность:

...*ИрасхванI Алоу-ипа Шардын ирзынижьыз ажва-...* Скажу им то слово, которое передал им Шардын — сын Алоуа (Б. Ш., с.619. *Къвбинакъя ахыцIразы джьара чIважваракI къалозаргы, ироухIваша удырпI!* — Если будет какой-нибудь разговор о переселении на Кубань, ты узнаешь, что им сказать (Б. Ш., с.579).

Будущее I время является абсолютным. Оно показывает на ограниченное действие, которое обязательно единожды произойдет после момента речи, как в ближайшем будущем, так и в отдаленном.

СахIвцагы, игвакхьоу аджв лоупI, ма лыпхIа лынасып ала лхы лыжьжьа-nI... — Сестра моя, тоже многострадальная, утешит себя хотя бы счастьем своей дочери (А. Г., с.129. *Сгвы иаанагоитI, апшвма уара ишутаху удикыла-nI хIва* — Я думаю, хозяин примет тебя так, как ты того желаешь (Б. Ш., с.11). *Иареи уареи швахала швейзынсыжьыр еихIа еигъханI* — Будет лучше, если я оставлю тебя с ним наедине (Б. Ш., с.11).

Для выражения неоднократно повторяющегося, возобновляющегося действия к будущей временной форме добавляется его показатель **-ла-**:

Нас хIахькылнаго жвбаланI — Посмотрите потом, куда это нас приведет (Т. А., с.949. *Умш аабзиахтI, шта сцаланI* — Хорошего дня тебе, я уже пойду (Т. А., с.699. ... *Адзы шваржвданI, швакьадза швкъанацIаланI*— Будет поить вдоволь вас водой, насыщать вас досыта (А. Г., с.1119....*СазыпшыроупI, ус анакIвха, сара исчIвупI, исыхьчаланI*— Тогда придется мне подождать, оно моё, буду его защищать (Т. А., с.569).

Абхазские глаголы, стоящие в форме будущего I времени, на английский язык можно перевести при помощи будущей временной формы **FutureIndefinite/Simple** (будущее неопределенное/простое), которое образуется путем присоединения вспомогательных глаголов **shall** (для I лица единственного и множественного чисел) и **will** (для остальных лиц) к инфинитиву основного глагола без частицы **to**.

Утшыадатшышухвартамзегы ирдырыпI (Стр.абх.ф., с.27) — And everyone **will realise** that no horse apart from your own is suitable for you (Pages..., p.32).

Швахвапш, СасрыкъваибгъаашшараадамыгъаианыцIаажвбанI (Стр. абх.ф., с.84) — Take a look and you **will see** the brand that I placed on the small of Sasryqwa's back (Pages..., p.92).

¹ Здесь и далее по техническим причинам материалы абхазского языка излагаются на абазинском алфавите — Х. Н.

СасрыкъвадышваамгеитI, ахасарадаазганI (Стр.абх.ф., с.62) — You were unable to fetch *Sasryqwa*, but **I'll bring** him along (Pages..., p.64).

Аниарыцхлазаклвызеи, ицтихрызеи, даара-даараузар, щаныкI аклеханI, иа-анхазсараузганI (Стр.абх.ф., с.66) — What is this miserable creature? What will he be able to pick up? Even if he takes his absolutely maximum load, it's only likely to be a leg — what's left I myself **will take** (Pages..., p.72).

ЗдунеизыпсахызанышвууцхIманI (Б. Ш., с.1159) — We **will help** you bury your dead (B. Sh., p.144).

FutureIndefinite используется для выражения действия, которое произойдет в будущем единожды или многократно. Обычно, с этим временем употребляются слова: *tomorrow* — «уачIвы», *thedayaftertomorrow* — «уачIва-щтахь», *tonight* — «уаха», *nextyear* — «хIлапыхьа», *in ... hours (days)* — «сааткIвакI (мышкIвакI) рыщтахь» и т.д. . .

I shall prepare the lessons two hours later — СарасцIачIкIвагIв-сааткI ры-щтахьIкIвасцIоит.

There will be a policeman at our department the day after tomorrow — АпIолициауагIвдкIалоитI уачIващтахьIарахIлакIвшатIшы.

And I will run for fresh water right now (M. L., p.51) — .АдзгыаазганI уаж-вычIкIкIвья (M. Л., с.649).

Вспомогательные глаголы **shall, will** имеют сложную форму и служат для указания только на действие будущего времени. Они не имеют своего собственного лексического смысла «состояние» и не могут употребляться самостоятельно.

Then listen to me — I'll tell you what has happened to me (M. L., p.64) — *НасуаасзыдзыргIвы, исыхьхьоуацхIванI* (M. Л., с.629).

...When you get angry **you'll start** flinging reproaches in her face (Pages..., p.73) — ...*ШвангваауаатшыпныхIвакIвалкIкIшвиныкIшвырххуа швалаганI* (Стр.абх.ф., с.68).

They'll fetch it for you, ready saddled! (Pages..., p.30) — *ИкIвадырныарахьIузаарганI* (Стр.абх.ф., с.26).

При переводе глаголов в форме будущего I времени нередко используется вспомогательный глагол **let** — «позволять», «разрешать» в повелительном наклонении:

АчIвамахвахIларсынI (Стр.абх.ф., с.239) — **Let's** plant an apple-branch (Pages..., p.248).

УхацIазар, уааи, хIлаубашьынI! (Стр.абх.ф., с.126) — If you are a man, come on, **let's** do battle! (Pages..., p.129).

Бааи, хIлауцанI! (Стр.абх.ф., с.94) — **Let's** wrestle (Pages..., p.96).

Нас, усакIвар, хIмалхIшанI (Стр.абх.ф., с.81) — If that's how it is, **let's** divide up our spoils (Pages..., p.89).

Также будущее I время абхазского глагола можно переводить с помощью других английских глаголов, стоящих в повелительном наклонении⁴

Швааи арахь, кIакIлакI шекIынI (Стр.абх.ф., с.235) — Come here, **havesomebreakfast!** (Pages..., p.244).

Также встречаются глаголы, переведенные при помощи вспомогательного глагола **would**, который употребляется во втором лице для выражения просьбы. Этот глагол в таком случае имеет оттенок вежливости, уважения⁴

Ашвахъандза пара хвычыкI сивырпсахру? — Would you lend me some money for the Monday? [Gram.way, 2000:60].

Адзбасаклеит, дзыкI сбыржвыр, ибджысшьан! (М. Л., с.619 — **Would** you be so kind as to give me a sip of water? (М. Л., p.47).

Будущее II

Будущее I и будущее II временные формы в абхазском языке близки по грамматическому смыслу. Будущее II, как и будущее I, является абсолютной временной формой. Они оба выражают следующее за моментом речи, происходящее сразу ограниченное действие. Как и будущее I, будущее II не различает действия, относящегося ни к ближайшему, ни отдаленному будущему. Они противопоставляются лишь в выражении субъективно-модального смысла: будущее I выражает действие, которое обязательно произойдет, а будущее II — неопределенное действие, в происшествии которого нет уверенности.

Будущее II время образуется путем прибавления к основе глагола суффикса **-umI**. Этот суффикс состоит из двух частей: — **и-** (**-ша-**) выражает будущее время, — **тI-** — финитность.

Баадвылцилиш, Шефия, ссирк басхIваumI — Выйди-ка, Шефия, скажу тебе что-то удивительное (Б. Ш., с.549. *Уажвы-уацтан ацхаква аршыхаumI...* — И сейчас, и потом будет будить горы (Т. А., ад.449. *Хыхь АлахIтаала икъасцIо ибоит, исхIвараны икъоугъы иахIаumI...* — Наверху Всевышний видит то, что я делаю, и услышит он то, что я должен буду сказать (Б. Ш., с.949.

По мнению К.В. Ломтатидзе, «**дцаumI** произошло от **дца-ша-umI**. В этом можно убедиться, обратившись к ашхарскому диалекту. **Ш** вместе с **а** утверждает инфинитную форму этого времени. Тут появляется гласный **а: ица-ша**. (Сравн.: **насгъы дца-шан**)» [Ломтатидзе 1988:177].

О вышеозначенном суффиксе К.С. Шакрыл пишет: «Иногда в абхазском языке в качестве грамматического показателя будущего времени употребляется сложный суффикс будущего времени **-um и-къа-с-цIа-umI** «сделаю я», **и-с-хIа-umI** «скажу я» и т.д.

В современном абхазском языке суффикс **-um** постепенно утрачивает свое основное грамматическое значение и выражает другие оттенки мысли, т.е. неуверенность, правда по-прежнему связанные с будущим временем (сравн. **сца-um, сца-шан** — пойду-ка я)» [Шакрыл 1971:240-241].

Форма будущего II времени в исследуемом переводном материале встречается крайне редко. В английском языке ей соответствует **Future Indefinite**

ИусыumI, урыпIкъашumI, ахауахъIажьугъыуакъвымцIкIваухIвхIвала (Стр. абх.ф., с.239) — **They'll beat** you, **they'll hit** you, but even down there, lying on the ground, go on yelling (Pages..., p.248).

Данная временная форма в английском языке также может выражаться при помощи **Future Passive**:

...*ХIаҷкIкIвынчвагынахIхыкъвшваныиахьымаарасолдатраиргалаштI* (Б. Ш., с.54) — ...Our sons **will be compelled** to serve in the army as soldiers (B. Sh, p.68).

В формировании мировоззрения человека категория времени является одной из важнейших. В каждом языке есть как общие универсальные особенности, так и разнообразные, отличающиеся друг от друга, способы выражения времени. Оно является основополагающим постулатом для формирования языкового менталитета, так как человек воспринимает происходящие вокруг него процессы и изменения в крепкой связи с течением времени. И у каждого народа есть своя система мировосприятия и восприятия времени.

Всем языкам присущи три основополагающих времени — настоящее, прошедшее, будущее. Особенности, которые эти базовые времена принимают, в разных языках выражаются по-разному. В этих целях используется большое количество лексического материала того или иного языка, а также многочисленные грамматические средства.

Как говорилось выше, в нашей работе мы попытались провести параллели между глаголами абхазского и английского языков в форме будущего времени. В качестве иллюстративного материала нами использованы написанные на абхазском языке роман Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших», сборник новелл М. А. Лакрба «Совесь», составленный З. Д. Джапуа и Дж.Хюиттом, сборник «Страницы абхазского фольклора», сравнили с ними их переводы на английский язык.

Стоит отметить, что «Последний из ушедших» и «Совесь» на английский язык переведены с русского варианта, а «Страницы абхазского фольклора» — с оригинала.

Таким образом, этот сборник представляется нам наилучшим образом подходящим для данного вида исследования. И тем самым считаем уместным подтвердить общеизвестный факт — мировоззрение народа, его языковые традиции в полной мере сохраняются в переводе того или иного произведения с оригинала.

Примечания

1. Арстаа Ш.К., Чкадуа Л.П. Абхазский язык (фонетика и морфология) // абх. Сухуми, 1966.
2. Арстаа Ш.К. Грамматика абхазского литературного языка (фонетика, фонология, морфемика, словообразование, морфология) // абх. Сухум, 1996.
3. Арстаа Ш.К. Грамматика абхазского литературного языка (фонетика, фонология, морфемика, словообразование, морфология) // абх. Сухум, 2002.
4. Беляева М.А. Грамматика английского языка. М., 1984.
5. Каушанская В.Л. и др. Грамматика английского языка. Л., 1963.
6. Ломтатидзе К.В. Вопросы абхазского языка // абх. Сухум, 1988.
7. Парахина А.В., Тылкина С.А. Учебник английского языка. М., 1987.
8. Хагба Л.Р. Концепт «время» в лингвистическом менталитете абхазов // Международный конгресс востоковедов. М., 2004.

9. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
10. Чкадуа Л. П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.
11. Шакрыл К. С. Очерки по абхазо-адыгским языкам. Сухуми, 1971.
12. Jenny Dooley, Virginia Evans. Grammar way 3. Berkshire, 2000.

Тексты

1. Абхазский народный эпос // Нарт Сасрыкуа и 99 его братьев // абх. Сухуми, 1962.
2. Аджба Т. Щ. Сборник произведений // абх. Сухум, 1999.
3. Гогуа А. Н. Большой снег (Асду) // абх. Сухуми, 1985.
4. Лакрба М. А. Совесть (Аламыс) // абх. Сухуми, 1959.
5. Шынкуба Б. В. Последний из ушедших (Ацынцварах) // абх. Сухуми, 1974.
6. Джапуа З. Д., Хюитт Дж. Страницы абхазского фольклора // абх. Сухум, 2008.
7. Dzapua Z., Hewitt G. Pages from Abkhazian Folklore. Sukhum, 2008.
8. Lackerbye M. Abkhazian Stories. Sukhum, 2009.
9. Shinkuba B. The Last of the Departed. M., 1986.

Сокращения

- А. Г. — Алексей Гогуа
 Б. Ш. — Баграт Шинкуба
 М. Л. — Миха Лакрба
 Н. С. — Нарт Сасрыкуа и 99 его братьев
 Стр.абх.ф. — Страницы абхазского фольклора
 Т. А. — Таиф Аджба
 В. Sh. — Bagrat Shinkuba
 М. L. — Mikhael Lackerbye
 Pages... — Pages from Abkhazian Folklore

М. Т. Худалова,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

О ТЕРМИНЕ *ÆНДОН* «СТАЛЬ» В СКАЗАНИЯХ О НАРТАХ

В статье речь идёт об отражении термина *æндон* «сталь» в сказаниях о Нартах; производится описание его структурно-семантического компонента; классификация всех значений термина дается по признакам «объект», «признак», «процесс».

Ключевые слова: сталь, термин, кричный, закалка.

This article will focus on the reflection of the ændon term «steel» in Narts epic; describes its structural and semantic component; classification of its meanings is on the features «object», «tag», «action».

Keywords: steel, term, bloomer, hardening.

Термин *æндон* «сталь» является исконным, иранским. По В. И. Абаеву, оно «...слово скифское; ср. **скиф.** собст. имя *Ανδάναχος* (=andan-ak «стальной»).» По предположению учёного, слово распространилось на север, к угро-финнам, а также — на Кавказ и Персию: Ср. **удм.** *andan*, **коми.** *jendon* «сталь», **манси** *jəmtan* и **чеч.** *ondun* «крепкий» (←«стальной»), **инг.** *ondæ* «сталь», **убых.** *ʼndän* «долото», «зубило», но и в значении «острый» [1, 156].

Гарольд Бейли пишет о связи исконного термина с этнонимом *Andi* в Дагестане и, альтернативно, с хеттским *and-*, *hand-* «накалять» [2, 56-57]. В. И. Абаев выражает сомнение по поводу догадки английского учёного, считая, что «можно возводить *ændon* к иран. **han-dāna-*, ар. **sam-dhāna-* (база — ар. *dhā-* и.е. *dhē* «класть», «накладывать» и пр.). Точное значение слова в этом случае, — считает востоковед, — «накладка (стальная на железо)»; реально такая семантика вполне оправдана, так как первоначально железо закалялось только с поверхности, или стальной слой накладывался на железо. Яркий пример параллельного развития дают славянские языки: **русск.** *уклад* «сталь», **слов., серб., хорв.** *nado* «сталь», **слов., серб., хорв.** *naditi*, **укр.** *надыты* «покрывать сталью», **русск.** (диал.) *надить* (соху) точить лемех», первоначально «закачивать с поверхности» или «накладывать стальной слой». <...> Последние славянские слова являются производными от того же и.е. **dhe-* что и ос. *ændon*. — **Др. инд.** *saṃdhāna-*, отвечающее ос. *ændon*, означает «накладывание», «накладка» [1, 156].

Определение стали как «твердого ковкого сплава железа с углеродом и металлургическими примесями даёт возможность соотнести со значением «делать» > «колдовать», «производить сакральные действия», потому что металл считается олицетворением небесной силы [2, 216-218]. Мифопоэтическую традицию, связывающую металл с небесными телами, звёздами, стихиями, хорошо подтверждают сказания о Нартах.

Наибольшее применение термина *әндон* «сталь» встречается в сказаниях о *Батразе*, одной из самых своеобразных черт которого является «его природа, «материал». Либо от рождения, либо трудами Небесного кузнеца он стальной. И благодаря своевременному прыжку в Чёрное море — из *закалённой стали*. Это очень подходит к его качеству духа огня, так как различные цивилизации древности часто представляли молнию в виде каменного, металлического и особенно стального оружия. Но это позволяет ему также оригинальный образ действий: Батраз действует преимущественно как метательный снаряд, он одновременно — и герой, и оружие (выделено нами. — Худалова) [3, 62]. В одном из сказаний говорится о том, что Батраз мог умереть в этом мире тогда, когда меч его будет брошен в море. Это значит, что «Батраз и меч — единое целое. <...> ядро ли он, меч ли, стрела ли — *стальной герой* постоянно изображается как оружие [4, 62]. Ср. *Хызы фидар куы сзынди, уәд Батрадз әрләууыд әмә дзуры Нартмә: «Мәнә мә мә фатмә фидар бабәттут. Нарт дис кәныңи, фәлә йә уәддәәр бәттыңи. Бабастой йә йә зәрдә куыд зәгъта, афтә. «Гъеныр мә әрдыны сәвәрут». Уә бон цы у, уымәй әрдынбос алвасут әмә мә Хызы фидармә фехсут* (5, 217). — «Собрал тут Батраз Нартов и вновь повёл их на крепости Хыза. Как только показалась крепость Хыза, сказал Батраз Нартам: «Привяжите меня крепко-накрепко вот к этой стреле. Удивились нарты, но исполнили то, что просил их сделать Батраз. Крепко привязали они его к большой стреле. «А теперь кладите меня на мой лук, — сказал Батраз. — Оттяните тетиву настолько, насколько хватит сил ваших, и пустите эту стрелу в крепость Хыза. Нарты сделали так, как сказал им Батраз. Растопырив руки и ноги, полетел Батраз, ударился о стену крепости, проломил её и прошёл насквозь всю крепость, разрушая ее так, что с противоположной стены посыпались камни (подстр.пер.).» *Уәд Батрадз арвыста йә сармазанмә әмә йә әрбахәциә кодтой. Әмә йә Сайнәгмә сарәзта. Йәхәдәг сын загъта: «Гъе ныр мә хәбәәр ифтындзут әмә мә әхсут. Афтәмәй йә әхсын байдьдтой, әмә Сайнәджы фидар хәлиу кәнын байдьдта* (НК, I, 1990: 272). — «И тогда Батраз послал за своей пушкой, и привезли ее. И направил он пушку на Сайнага, а сам велел Нартам: «Вот теперь как следует заряжайте меня и стреляйте.» Стали им стрелять и разрушать крепость Сайнага» (НК, II, 1989: 253).

В меньшей степени термин *әндон* «сталь» отражён в цикле сказаний о *Сослане*.

В цикле «Уархаг и его сыновья» термин встречается лишь однажды. Ср. *Уалынджы йәгм уәларвәй Курдаләгон рауагъта әрвон фәтыгәй әндон*

уæйыг болаты куырдадзы цагъд (НК, I, 2003: 25). — «Тем временем с небес Курдалагон выпустил из небесного металла *стального* уаига, кованного в булатной кузнице» (подстр. пер.).

В других циклах термин *æндон* «сталь» и вовсе не используется, что свидетельствует об *архаичности* данных циклов и о том, что железо и сталь к тому времени ещё не получили широкого распространения.

В нартовских сказаниях лексема *æндон* «сталь» выступает, по классификации В. М. Лейчика, термином в значениях *объекта*, *признака* и *процесса* [6, 42]. Вызывает интерес и его структурно-семантическая характеристика. Все значения термина мы сгруппировали, как

1) **объекта**; в именительном падеже, иногда с краткими личными местоимениями. Ср. *Уыцы рæстæджы Хæмыцы фырт Батырадз бадти хофы сæр, цъитийыл, цæмæй йе`ндон узал кодтаид, уый тыххæй* (НК, III, 2005: 121). — «В это время Хамыца сын Батраз сидел на вершине горы, на леднике, чтобы его *сталь* (в значении *буар* «тело») охладилось» (подстр. пер.).

Уыцы афон Батрадз уыди уæлхохы; айхъуыста Æфсæроны зарæг, рагæпп кодта бæрзондæй æмæ сохъхъыр уæйыджы кæрты æрхаудта. Уырымæг æй йе`ндон хъæрæй уайтагъддæр базыдта (НК, Ш, 2005: 126). — «В это время Батраз был на вершине горы; услышал он песню Афсарона, прыгнул с высоты и упал во дворе кривого (одноглазого) уаига. Уырымæг сразу узнал его по звону его *стали*» (в знач. «стальное тело») (подстр. пер.). *Сослан æм бацæуын йæ сæрмæ нал бахаста æмæ йæм дзуры: «Æз цады бадæг чызджытимæ куы ныхас кæнон, уæд ме`ндон сау æфсæйнаг кæны»* (НК, II, 2004: 668). — «Сослан считал недостойным себя подойти к ней и сказал: «Если я буду разговаривать с сидящими в озере девушками, то моя *сталь* (в зн. *буар* «тело») превратится в чёрное железо» (т.е. опустится до их уровня) (подстр. пер.). Фразу «моя сталь превратится в чёрное железо» мы объясняем следующим образом: сталь без закалки — это кричное железо, полученное путёмковки, но которое после закалки приобретало серо-серебристый цвет, прочность и высокородность. «Суть закалки — в охлаждении металла настолько быстро, чтобы аустенит не успел превратиться обратно в мягкий перлит, зафиксировался в виде прочного и твердого мартенсита» (Гуревич, 1985: 36-45). Ср. *Кæсы æмæ уæллаг агъуысты фæйнæджытæ асыгъдысты, æмæ дыккаг агъуысты фæйнæджытæм æрхауд лæппу æмæ хъæр кæны: «Ме`ндон сау кæны, тагъд дон!»* (НК, I, 1990: 253). — «Смотрит и мальчик доски верхнего яруса прожёт, на второй ярус упал и кричит: «*Сталь* моя чернеет, (т.е. становится кричным) быстрее воду!» (подстр. пер.);

2) **признака**; в осетинском языке часто существительное и прилагательное отмечают одной лексической единицей, что свидетельствует об архаичности языка. Ср. *Стæй та йæм аласта æндæр дуртæ, ноджы йæ сæрын байдыдта æмæ йæм къуыри фæдымта. Йе`мгъуыд куы `рцыдис, уæд Батрадз загъта: «Дæ хорзæхæй, ма мæ узал кæ, денджызмæ мæ аппарат! Денджызмæ йæ куы аппаратта, уæд денджызы иу къуыри дон нал ацыдис, хусæй баззади. Стæй уым Батрадз æндон фестæди, æмæ уырдыгæй куы рацыдис, уæд та денджыз*

дæр цæуын байдыдта (НК, III, 2005: 8). — «Потом отвёз к нему другие камни. Ещё начал его закалять и целую неделю дул на него. Когда пришло время, тогда Батраз сказал: «Будь добр, не охлаждай меня, брось меня в море!» Когда он бросил его в море, то в море неделю вода не текла, высохла. После этого Батраз там стал *стальным*, и когда вышел оттуда, тогда и море опять наполнилось водой» (подстр. пер.).

В рамках мифологической мировоззренческой системы, в эпических сюжетах о закаливании героев Батраза и Сослана, речь идет об одном из существенных компонентов инициационных ритуалов, который М. Элиаде назвал «магическим жаром». Этот «жар», по мнению исследователя, выражает обретение героем в результате инициации сакральной силы. Паранормальный жар нуждается в укрощении, поэтому героев по завершении закаливания, необходимо поместить в холодную воду [7, 23].

Этот пример подтверждает высказывание К. А. Болатаева: «Тайна эпоса заключается в том, что в нём красной нитью проходит история развития металлургии. Закодированные секреты изготовления, закалки и обработки стали изложены в сказаниях до мелочей» [8, 4]. Ср. *Уый куы ысрæзтис, уæд æй ыскодтой уæларв Куырдалæгонмæ: сывæрдта йыл æндон цъар æмæ йæ сырх зынг ыскодта, афтæмæй йæ денджызмæ нынтъыхта* (НК, III, 2005: 36). — «Когда он вырос, повели его к небесному Курдалагону: покрыл он его *стальным* слоем и раскалил его, и так швырнул его в море» (подстр. пер.). В примере дается описание такому технологическому процессу, как *цементация*, что означало «насыщение поверхностных слоев стали или железа углеродом для создания твердого поверхностного слоя» [9, 873], которым, к удивлению, владели предки осетин. В качестве иллюстрации приведем археологические факты; напр., найденные в Тлийском могильнике короткие мечи-акинаки, технология производства которых исследована лабораторным способом: «У некоторых экземпляров (погр.68, 128, 129, 205, 216) клинки откованы из мягкой сырцевой стали, у других — из высокоуглеродистой стали хорошего качества (погр. 93). На нескольких экземплярах прослеживается операция поверхностной цементации клинка» [10, 57].

В сказаниях со сталью связана и лексема *кард*, которая встречается в двух значениях: «нож» и «меч». Ср. *Сатана басидти Хæмыцмæ æвдæм уæладзыгмæ æмæ йемæ ахаста æндон кард. Сатана болат кардæй фæкъæртт кодта Хæмыцы чъылдым, æмæ дзы мæнæ рагæпп кодта сывæллон æмæ, авд уæладзыджы басудзгæйæ, аппæрста йæхи бынмæ* (НК, III, 2005: 53). — «Сатана позвала Хамица на седьмой этаж и взяла с собой *стальной* нож. Сатана *булатным* ножом вспорола спину Хамица, и оттуда выпрыгнул ребёнок, прожёт семь этажей и бросился в море» (постр. пер.). Не случайно Сатана вспорола спину Хамыца *стальным* ножом. Стальной нож являлся символом чистоты, мужества, славы. Люди видели в нём магическую силу. В обряде освящения в Осетии до сих пор используется *стальной* нож. Сохранилось поверье о том, что «черти разбегаются при обнажении *стального* ножа» [11, 115]. Синонимом термина *æндон* «сталь» вданном примере выступает термин *болат* «булат».

В этом случае оба слова служат средством обозначения одного и того же понятия. Известно, что *булат* — это тоже сталь, но изготовленная по особой технологии, отличается структурой и видом (узором); с древнейших времён используется для изготовления холодного оружия. На наш взгляд, оба определения взаимозаменяемы, более сакрален термин «*болат*», о чём сказитель вряд ли мог знать.

В качестве оружия в эпосе выступает и *стальное колесо*, — «странное оружие, живое, наделённое речью» [4, 104] Ср. *Цалх уйдис сыгъдæг æндон, æмæ Сосланы сæрыл цæхæртæ скалдта* (НК, I, 1990: 219). — «Колесо было чисто (в значении полностью) *стальным* и заискрило на голове Сослана» (подстр. пер.).

В эпосе встречаются также производные стали: Ср. *Сырдоны чындзæхсæвы мæт шы уыди, фæлæ Куырдалæгонмæ ныччыди. Бонизæрмæ æндон зæггæл фæкæнын кодта æмæ изæры жæмбых æмæ зæггæлтæ рахаста* (НК, III, 2005: 53). — «Сырдоны не свадьба волновала, а пошел он к Курдалагону. До вечера заставил делать его *стальные гвозди*, и вечером вынес молоток и гвозди» (подстр. пер.). *Хæмыц куы фæкасти хæрдмæ арвмæ, уæд дын гауызы цыппар тигъæй фелвæстой стивдзытæ, æндон къæлæттæ сæхæдæг фестадысты æд бандæттæ* (НК, III, 2005: 297). — «Когда Хамиц посмотрел на небо, тогда с четырёх углов ковра убрали шкворни, и *стальные скобы* сами подскочили со стульями» (подстр. пер.) *Батрадз дæр лигъдоны æмбæхст, доны, йæ æндон авдæны къултæ баууилы мæстæй* (НК, III, 2005: 53). — «Батраз тоже прятался в укрытии, в воде, и от злости прогрыз стенки своей *стальной люльки*» (подстр. пер.).

Но нелишними являются примеры, в которых термин *æндон* «сталь» метафоричен. Ср. *Батрадз, Нарты стыр ныфс, йæ æндон хъæлæс бамыр и.* (НК, I, 1990: 227) — «Батраз, надежда Нартов, замолк его *стальной голос*» (подстр. пер.). Выделенное словосочетание — *метафора*: *стальным* называют чей-либо голос, тон, если он звучит слишком резко, уверенно, безучастно [10, 1287-1288].

Встречаются в сказаниях и примеры, в которых эпитет выражен сложным прилагательным в препозиции: А+N. Ср. *Созырыхъо йæм ныхъхъæр кодта: «Цы йæм бадарон?» — зæгъгæ. «Дæ риу-ма йæм бадар!».* *Æндонцæст Созырыхъо йæм йæ риу бадардта, ныцæлхъ æй ласта цалх æмæ фæстæмæ хæрдмæ фесхъиудта* (НК, 2004, II: 695). — «Созырыко крикнул ему: «Что подставить ему?» — говорит: «Свою грудь-ка подставь!» *Стальноглазый* Созырыко подставил ему грудь, стукнуло его колесо и снова подскочило вверх» (подстр. пер.). *Стальным* называют чей-либо взгляд, если он воспринимается кем-либо как слишком пронзительный, недобрый [10, 1287-1288]. Заметим, *æндонцæст* «*стальноглазый*» — ситуативный оценочный эпитет, содержащий морально-этическую оценку [12, 15]; он характеризует Созырыко как твёрдого, непреклонного, решительного, убеждённого в своих взглядах, человека, недоброго по отношению к врагу, Колесу Балсага. Осетиноведы считают данный эпитет не свойственным осетинскому эпическому стилю;

3) **процесса**; в сочетании с глаголами, предлогами термин *æндон* выражает значения как существительного «закалка», так и глагола «закалять». Ср. *Гуырды куы сцæттæ, уæд æй денджызы былмæ акодтой Хæмыцы. Æмæ йæ къæбут куы сыгъди, уæд ыл авд бонæ æмæ авд æхсæвы дон фæкалдтой. Гæ стæй йæ Сатана фæкъæртт кодта. Æмæ дзы сырх зынгæй денджызмæ алиуырды Хæмыцы фырт Батрады. Сæхсыстис денджызы, æндонæй рацыд æд кард, æд хъуыран* (НК, III, 2005: 61). — «Когда зародыш поспел, тогда Хамица отвели к берегу моря. И когда его шея загорелась, тогда стали лить на него воду семь дней и семь ночей. После этого Сатана вскрыла её. И красным огнем кинулся (спрыгнул) в море сын Хамица Батраз. Вскипел он в море, вышел закалившимся (букв. вышел стальным) с ножом, с кораном» (подстр. пер.).

В сказаниях о рождении и закалки Батраза, а также и в ряде других, на наш взгляд, различно передана разными сказителями технология изготовления стали предками осетин.

По нашему мнению, переход из утробы матери в спину отца есть стадия прохождения и получения металла, где спина Хамица используется как *тигель*, в котором плавится железо (т. е. Батраз), затем оно для закалки попадает в воду (в море), становясь сталью, подтверждение чему мы нашли у специалиста. В частности Н. А. Мезенин пишет, что «некоторые сорта железа при погружении в нагретом состоянии в воду «принимают закалку», другие — не принимают. Свойство стали «принимать закалку» служило потом долгие века единственным признаком для разграничения железа и стали» [13, 32]. Ср. *Хæмици фурт Батраз еугур æндонæй конд æй, ие уæнгтæ сæ фурæндонæй дзæгъ-дзæгъ кæнунцæ 'ма мин йейæ мæ цонг æртудта* (НК, III, 2005: 130). — «Тело сына Хамица Батраза сделано из стали, члены его (тела) от *сверхзакалки* побрякивают, и руку мне вырвал» (подстр. пер.). *Батрады сын сæ нæмгуытæ ахста, афтæмæй сæ фæцагъта. Уыйадыл æнæ æндонæй йæгуыбыны цы тъанг уыди, уый куы стæвд, уæд афæлдæхтис* (НК, III, 2005: 75). — «Батрады ловил их пули и таким образом истребил их. Из-за этого, когда *незакаленная* кишка (букв. кишка без стали) в животе нагрелась, он свалился» (подстр. пер.). *Рандæ'й Батраз Курдалæгонмæ.<...> Курдалæгон ин исарази æй æма'й райдæдтаæндон кæнун* (НК, III, 2005: 114). — «Пошел Батраз к Курдалагону.<...> Курдалагон согласился и начал его *закалять*» (подстр. пер.), где *æндон кæнун* буквально «делаться стальным», т.е. закаляться. *Нарты Сослан уыд æндонæй сæрст. Æнæ æндонæй ма баззæдысты йæ зæнгты бацæбидтæ, уæларв Куырдалæгон ын æртыскæнæй кæм хæцыд, уыдон.* (НК, II, 2005: 666). — «Нартовский Сослан был *закаленным* (букв. смазанный сталью). Без закалки остались его колени в тех местах, где небесный Курдалагон держал его щипцами» (подстр. пер.). *Æндонгонд фæцæй æмæ раарфæ кодта Батраз Куырдалæгонæн, уотемæй рацудæй Нартмæ* (НК, III, 2005: 114). — «Сделался *стальным* (в знач. «закалился») и поблагодарил Батраз Курдалагона, так вышел к Нартам» (подстр. пер.).

Таким образом, материал нартовских сказаний об основных героях дает основание предположить, что предки осетин издавна занимались добычей и обработкой различных металлов, могли получать сталь, а также высокоуглеродистую сталь — булат, что подтверждается также исконной (иранской) терминологией. Как тут не вспомнить провидческие слова В. И. Абаева, писавшего, что «материальная культура нартовских воителей вполне отвечает той эпохе, о которой сигнализирует их общественный и хозяйственный быт. Перед нами — железный век в его начальный, романтический период. <...> Железо и сталь встречаются в сказаниях на каждом шагу. Железными оказываются не только оружие и орудия. Мы встречаем железнорылых волков и ястребов с железными клювами. Железные ворота обычны, но есть даже целый замок из железа.....стальными оказываются даже некоторые герои: Батраз во всех вариантах, а в некоторых также Хамиц и Сослан» [1, 224-225].

Примечания

1. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. 639 с.
2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Изд-во «Владос», 1996. 416 с.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1977. 279 с.
4. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. II-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2004. 896 ф.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 5-ое, испр. и доп. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 264 с.
6. Болатов К.А. Кто есть кто в Нартском эпосе. Владикавказ: Ир, 2010. 63 с.
7. Кусаева З.К. Эпико-ритуальная модель мировосприятия в этнической культуре осетин // Гуманитарные исследования №4. Известия Астраханского государственного университета. Астрахань, 2011. С. 21-27.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: «Азбуковник», 1997. 944 с.
9. Джикаев Ш.Ф. Кард. Мифологион этюд/Журн. «Мах дуг», 2006. №9.
10. Толковый словарь русского языка./Под. ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО Изд-во «Астрель»: ООО Изд-во «АСТ», 2003. 1582 с.
11. Невелева С.Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. М.: Наука, 1979. 138 с.

Источники

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти т. Т.1. М.: Наука, 1958. 655с.
2. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. 639 с.

3. Гуревич Ю.Г. Загадка булатного узора. М.: Знание, 1985. 192 с.
4. Мезенин Н.А. Занимательно о железе. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Metallurgia, 1985. 176 с.
5. Нартæ. Ирон адæмы героикон эпос. 1-æм чиныг. М.: Наука, 1990. 431 ф.
6. Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. 496 с.
7. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. III-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2004. 896 ф.
8. Сказания о нартах: Осетинский эпос/Пер. с осет. Ю. Либединского. М.: «Советская Россия», 1978. 512 с.
9. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI в.в. до н.э. М.: Наука, 1980. 94 с.

М. Т. Худалова,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ТЕРМИН *ÆФСÆН* «ЖЕЛЕЗО» И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ

В статье речь идёт об особенностях термина *æфсæн* «железо» и его производных в сказаниях о Нартах.

Ключевые слова: железо, лемех, термин, кричный.

*This article will focus on the reflection of the *æfsæn* term «iron» in Narts epic.*

Keywords: iron, share, term, bloomer.

Термин *æфсæн* «железо» является исконным, иранским. По В.И. Абаеву, «*æфсæн*» — «сошник», «лемех», в прошлом означал вообще «железо». <...> Название металла прикрепило к важнейшему, изготавливаемому из него, орудью земледельца — сошнику; со временем «железо» стало называться «*æfsæjnag*», в букв. знач. «то, из чего делают сошник». По мнению учёного, «название орудия по материалу, из которого оно сделано, — нередкое явление; в язгулемском языке отмечено точно такое же движение значения: «железо» «лемех», «сошник»; ос. *qæd* «дерево» значит также «ручка», «топорище»; ср. гр. *σίδηρος* «железо», «топор», «серп» и др. Возможно и обратное движение — от названия орудия к названию металла, например удм. *kort*, коми *kört*, ханты (остяцк.) *karta* «железо» ← иран. *karta* — «нож» [1, 480-481].

В.И. Абаев возводит слово *æфсæн* к древнеиранской форме в виде «*sraṇa*», с метатезой **safna*, — а последнюю форму находит в «ав. *hao-safnaena* — «стальной» от **hu-safna-*, **hu-sraṇa-* «сталь», буквально «доброе (*hu-*) железо (*sraṇa-*)». Форма *hao-* — результат подъема (*vīddhi*) формы *hu-*, как в *hao-sravah-* из *hu-sravah-*... Слово хорошо представлено в восточноиранских языках: **афг.** *ōsraṇa*, *ōspina* (к ав. **hao-safna-*?), **пам.ш.** *sepen*, *səpən*, *sepīn*, **пам.ишк.** *šəpūn*, **пам.сгл.** *šəpōn*, **пам.с.** *spin*, **пам.м.** *yūspən*, **пам.в.** *yīšən* «железо», **пам.язг.** *səpūn* мн.ч. *səraṇa*^δ «лемех», «сошник», **сак.** *hisam* (← **huśvanya-*?), **хорезм.** *ispani*, **согд.** **aspan-* (**spn-*) «железо», **aspanēn* (**spny-*) «железный», **ав.** *safna-* (*hao-safna-* «сталь»). Это же слово скрывается, по-видимому, в скифском собственном имени Ὀσπινμαζος из *ospin-baz* «железно-рукий» (в первой части *ospin* из *hu-sraṇa*, во второй *bāzū-* «рука»?); Отношение перечисленных восточноиранских форм к западноиранским названиям железа (**перс.** *āhan*, **пехл.** *āsīn*, **бел.** *āsīn*, **тал.** *ōsən*, **курд.** *hāsīn* и пр.) не ясно. По происхождению

слово родственно, вероятно, с **ав.** *span-,spə nta-* «святой», первоначально — «происходящий с неба»: *металлам приписывалось небесное происхождение* (выделено нами — Худалова). Кстати, в Нартовском эпосе осетин не встречается лексема *æфсæн* в значении «лемех». Это ещё раз доказывает то, что Нарты занимались преимущественно кочевым скотоводством, а земледелие еще не было развито.

Как явствуют исторические факты, почти все народы ведут свое знакомство с железом *метеоритным*: они падают порою из небесного пространства на земную поверхность в виде небольших, а иногда и значительных обломков, состоящих в основном из железа. Метеоритное железо хорошо противостоит коррозии, но малопригодно для приготовления орудий и других предметов быта, так как содержит много никеля и поддается обработке только в холодном состоянии. Многократные попытки древних делать из метеоритного железа крупные предметы горячей ковкой кончались полным провалом. Вот почему народы, находившиеся на стадии каменного века, сталкиваясь с метеоритным железом, обходились с ним как с обычным камнем.

В Кратком словаре «Осетинской грамматики» «железо» переводится Андреем Шёгреном как *æфсæйнаг*, а «железный» — *æфсæйнагæй* [2, 217]. В современных словарях осетинского языка форма *æфсæйнагæй* «железный» отсутствует.

Термин *æфсæн* «железо» встречается в эпосе достаточно часто; «...в нём отражен тот период, когда железный век утверждался на территории, являющейся ареалом распространения данного эпоса» [2, 247]. У Б. В. Техова находим точные временные границы: «период VII-VI вв. до н. э. является важнейшей вехой в развитии железной металлургии на Кавказе» [3, 53]. Провидчески прав и В. И. Абаев, писавший что «перед нами — железный век в его начальный, романтический период» [4, 224].

В сказаниях термин *æфсæн* отражен в значениях — «железо» и «железный», а в поздних вариантах сказаний эти значения переданы лексемами, *æфсæйнаг* «железо», *æфсæйнагæй* «железный». Проиллюстрируем примерами:

1) «железо»; в некоторых примерах это существительное даётся с краткими местоимениями в именительном и отложительном падежах.

Ср. *‘Ма цума а къохæй фæггурдæй зинггæнæн, уой хузæн æй донмæ ниггæлста æма дзоруй Сосланмæ: «Ма тæрсæ, æфсæйнаг дон нæ ласуй (НК, IV, 2007: 38). — «И как будто с его руки соскользнуло огниво, бросил его в воду и сказал Сослану: «Не бойся, вода не уносит железо» (подстр. пер.).*

В эпосе Батрадз, «уже рождается железным, впоследствии, закалившись в небесной кузнице, становится стальным» [4, 185]. Ср. *Уæд Батрадз йе `мбæлттæй (ома зæдтæй) ракуырдат йæхи, æмæ йын радтой бар. Æмæ ратахти Батрадз æмæ тæвд кодта йæ фырцыдæй, куд æфсæйнаг (НК, III, 2005: 98). — «Тогда Батрадз отпросился у своих друзей (т.е. у ангелов), и они дали ему право. И выбежал Батрадз оттуда и стал нагреваться от быстрой ходьбы, как железо (подстр. пер.).*

Частично железным является и Сослан. Ср. *Дæу ку исардта Курд-Алæгон,*

уæд æз дæр уоми адтæн æма дин **де'фсæйнагæй** еу къæртхуар радавтон; нур ба дин æй дæттун, 'ма нæуæгæй дæхе байсæрун кæнæ, дæ къæрттитæ дæр уомæй бампъозун кæнæ, Сослан уоми хусгæ куд кæна, уотемæй ни æ уæргутæбæл разелæ, æндæра борæмæзæй исард æй, 'ма 'й нæ никкæрддзæнæ (НК, I, 1990: 211). — «Когда Курдалагон закалял тебя, то и я там был и украл кусочек от *твоего железа*; а теперь я его тебе возвращаю, заставь снова закалить себя, заставь этим залатать свои выщерблины, и когда Сослан будет там спать, то прокатись по его коленям, иначе его не разрубить: он закалён борамазом» (в эпосе, сказках — волшебный клей (НК, III, 1991: 164). (НК, II, 1989: 164). «*Мæ уæрджитæй уæлæмæ хъандзал дæн, уырдыгæй дæлæмæ — сау æфсæйнаг æмæ мын Малсæджы Цалхæй æндæр мæлæт ницæмæй ис* (НК, I, 1990: 204). — «Выше колен я из кандзала (высоко ценимый в старину сорт стали. — Худалова) (НК, III, 1990: 166), ниже колен — из *чёрного железа*, а погубить меня может только Колесо Малсага» (НК, II, 1990: 155). *Созырыхъойæн йæ къæхтæ йæ уæрджитæй дæлæмæ сау æфсæйнаг уыдысты*. (НК, II, 2004: 696). — «У Созырыхъо ноги ниже колен были из *чёрного железа*» (подстр. пер.). Эпитетсау «чёрный» в сочетании с термином *æфсæн* «железо» ассоциируется с простым кричным железом.

В некоторых сказаниях словосочетание *сау æфсæйнаг* «чёрное железо» выступает в качестве постоянного эпитета и указывает на низкосортность. Ср. *Сывæллон ныхъхъæр кодта: «Дон! Мæ болат сау æфсæйнаджимæ сæмхæццæ уыдзæн: дон мын тагъд!»*(НК, III, 2005: 53). — «Воды! Мой булат смешается с черным железом: быстро мне воды!» (подстр. пер.).

Кроме Батраза и Сослана, из железа представлен в некоторых ранних сказаниях и Урызмаг. Ср. *Уырымæг сæ размæ рацыд æмæ сын зæгъы: «Кæд мын æнæмæлгæ нал ис, уæд мæ доны баппарут, æндæр мæ къуыхтæ куы ныккæнат, уæддæр мын ницы уыдзæн! Мæ сау æфсæйнаг* (в значении *буар* «тело») *та болатæй аивдзынæн»* (НК, I, 2003: 451). — «Урызмаг вышел к ним навстречу и говорит: «Если мне умирать, то закиньте меня в море, иначе, даже если вы меня расчленили, все равно мне ничего не будет! А свое *черное железо* поменяю на болат!» (подстр. пер.).

Мотив с использованием железа для прижигания груди встречается в сказаниях многократно. Ср. *Стæй та Дзерассæйы нал уагътой æмæ йæ`рцахстой: «Тагъд нын зæгъ, нæ фыдыбæстæ кæм и, кæннод дын судзæм дæ дзидзитæ. Æмæ йын ныддардтой йæ риумæ зынг æфсæйнаг»*(НК, I, 2003: 34). — «Не оставляли в покое Дзерассу и поймали её: «Говори скорее, где наша родина, а не то прижгём твои груди. И наставили к её груди горячее железо»(подстр. пер.). Ср.<...>*хæдзары къуымы сæ мад хуыссыди: йæ иу ссыр — дæларв, иннæ — уæларв. «Æз, дам, дæуæн дæдзидзитæ басудздзынæн æфсæйнаг астъамийæ, ме`фсымæр кæм и, уый мын зæгъ»* (НК, III, 2005: 156). — «<...> в углу дома лежала их мать: один клык у ней был под небом, а другой — над небом. «Я, мол, твои груди прижгу горячей железной лопатой, говори, где мой брат?» (подстр. пер.). *Æмæ дыууæ лæппуйы бацыдысты сæ мадмæ æмæ йын загътой: «Кæлмæджы цæкуытæ нæ хъæуы». Æмæ сын сæ мад загъта: «Стæвд кæнут*

æфсæн фыййаг æмæ скæнут уæхицæн кæлмæджы цæкуытæ». Æмæ **æфсæн фыййаг** стæвд кодтой æмæ Дзерассæ-рæсугъды сæ быны ракодтой: «Фыд нын уыдис æви нæ?» (НК, I, 2003: 87). — «И оба сына подошли к своей матери и сказали ей: «Мы хотим поджаренные зерна». И сказала им мать: «Нагрейте железную лопату и приготовьте себе поджаренные зерна». И нагрели они железную лопату и склонились над Дзерассой-красавицей: «Был у нас отец или нет?» (подстр. пер.). *Аздæхти Тотрадз, æфсæйнаг къахæн арты баппæрста. Уæд æм йæ мад бадзырдта: «Цы аразыс?» — «Къæйыл кондтытæ ма хъæуы», — дзуапп радта Тотрадз. Æфсæйнаг куы стæвд и, уæд дын Тотрадз йæ мадыл йæхи ныццафта æмæ йын загъта: «Тагъд мын зæгъ, фыд мын уыди æви нæ?» (НК, V, 2010: 39). — Вернулся Тотрадз, закинул в огонь железную кирку. Тогда мать спросила его: «Что делаешь?» — «Хочу приготовленное на плите», — ответил Тотрадз. Когда железо нагрелось, тогда Тотрадз бросился к своей матери и сказал: «Говори скорее, был у меня отец или нет?» (подстр. пер.). *Батрадз бел арты бакодта æмæ йæ куы стæвд кодта, уæд мадмæ дзуры: «Тагъд, дæ дзидзи дын судзын ацы тæвд белæй, куы нæ зæгъай, ма фыды мын чи амардта, уый, уæд» (НК, III, 2005: 347). — «Батрадз заложил лопату в огонь и когда нагрел его, тогда говорит матери: «Быстро, если не скажешь, кто убил моего отца, прижгу твои груди этой горячей лопатой» (подстр. пер.).**

Тема «причинение боли матери с целью вынудить её открыть имя отца или имя убийцы отца» распространена на Северном Кавказе. К примеру, в черкесских сказаниях юный Тотреш просит мать поджарить ему зёрна кукурузы, но когда, сняв с огня, она несёт ему в руке эти зёрна, сын внезапно стискивает ей руку; она вскрикивает и уступает; в адыгском сказании об Ашамезе, чтобы узнать у матери имя убийцы своего отца, герой прибегает к хитрости — прижигает руку матери горячим ячменём и держит её так до тех пор, пока она не назовет имя. Ср.

Моя мать-гуаца, у меня живот болит, —
Если меня накормишь жареным ячменём,
Я поправлюсь, моя мать-гуаца...
Жареный ячмень пригоршней берёт.
Юный Ашамез поднимается,
Руку своей матери сжимает [5, 117].

Из приведенных примеров видно, что эта тема в осетинских сказаниях имеет другую форму: герои эпоса раскалывают на огне железо в одних вариантах, а в других — железные предметы и подносят к груди своей матери, или к матери уаига, что лишний раз подтверждает значимость железа в жизни наших предков;

2) «железный; предметы быта»; Ср. *Сослан Нартæй ахе райста`ма сау гъæди астæуæй ахецæн искодта æфсæн галуан* (НК, II, 2004: 652). — «Сослан удалился от Нартов и среди темного леса построил себе железный замок» (подстр. пер.). *Уæйгуытæ дæр загътой: «Мидæмæ-ма рацу, Нæртон Созырыхъо, æмæ дын нæ хойы раттæм». Бацыдысты хæдзармæ æмæ бафидыдтой æртæ сæдæйыл: уу сæдæ сагтæ, уу сæдæ та дзæбидыртæ, æмæ Созырыхъо быдыры*

æфсæн галуантæ куыд скæна æмæ сын сæ иу тигъыл Дзæнæты бæлас Азасыфæй куыд ныссадза (НК, II, 2004: 608). — «Уаиги тоже сказали: «Зайди-ка, Нартовский Созырыхъо, и отдадим тебе нашу сестру». Зашли в дом и сговорились на трех сотнях: сто оленей, сто туров, и чтобы Созырыхъо в поле выстроил железные замки, и чтобы на одном из углов посадил Райское дерево из Аза-листа» (подстр. пер.).

В научной литературе имеются доказательства того времени, когда железо ценилось дороже золота. В Египте, в период Древнего и Нового царства, железо первоначально применялось в основном для ювелирных изделий — амулетов и украшений. Еще в XIV в до н.э. железо считалось драгоценным металлом; наряду с золотом и серебром входило в состав дани, которую платили в XIX. до н.э. покоренные народы Ассирии [6, 38]. Упоминается в сказаниях и железный чёрный замок. Ср. *Йе ссыдмæ Сатана æрцæттæ кодта кæрт: денджызы был фестæди æфсæнагæй сау галуан* (НК, I, 1990: 204). — «К его приходу Сатана приготовила двор: на берегу моря появился железный чёрный замок» (подстр. пер.). По Б. В. Техову, «в памятниках рассматриваемого периода (VII-VI вв.) изделия из железа представлены в широком ассортименте» [3, 53], о чем свидетельствует и эпос. Ср. *Æхсарæ дæр бæргæ фæгъгъæр кодта, уйст, мæ куйтæ, зæгъгæ, фал дзыккой халæ куйти хъуртæбæл æфсæн рæхис фестæдæ* (НК, I, 2003: 58). — «Ахсар правда, закричал, ату, мои собаки, говорит, но волосок на шее собак превратился в железную цепь» (подстр. пер.). *Батрадзы уæд Хуыцау бабаста æфсæн рæхисæй æмæ загъта зæдтæн: «Акæнут Батрадзы хохмæ, æмæ уым лæггæт фесчыл и, æмæ æддейы дæр æхгæд фестæдæн фидар»* (НК, III, 2005: 557). — «Тогда Батрадза Бог привязал железной цепью и сказал ангелам: «Отведите Батрадза в горы, там у пещеры загнулись края и снаружи также окажется закрытой крепость» (подстр. пер.). В этом примере явственны, на наш взгляд, отголоски мифа о Прометее.

Многочисленны примеры с производными железа в эпосе:

«Дада, бæх дын нæ уыди?» — загъта чысыл Сæууай йæ фыдæн. «Бæргæ мын уыди, фæлæ йыл ныр авд азы мæ къух нæ асæрфтон. Дæлæ скъæты æфсæн зæггæлтæ хæры» (НК, II, 2004: 108). — «Отец, у тебя не было коня?» — спросил маленький Саууай отца. «Конечно, был, но уже семь лет моя рука не прикасалась к нему. Вон в хлеву ест железные гвозди» (подстр. пер.). *Урузмаг марг ниудзун байдæдта, æмæ дзой-дзой кæнун райдæдонцæ æ уæргутæ. Æ бæх Æрфæн æ ку балæдæрдътæй, уæд æфсæн бæхбæттæн бахсидта æмæ йе дæр нидзой-дзой кодта* (НК, II, 2004: 15). — «Урузмаг начал пить яд, и пошатнулись его колени. Когда его конь это понял, то прогрыз железную коновязь» (подстр. пер.). *Уæд Сатана йæ фырт Батрадзмæ дзуры: «Дæ фыдæн бæх уыди, фæлæ йыл ныккæнды авд уæйыджы сæвæрдтой ыстыр къæй, æмæ æфсæн цæджындзтæ хæры»* (НК, III, 2005: 347). — «Тогда Сатана говорит своему сыну Батрадзу: «У твоего отца был конь, но в подземелье семь уаигов положили на него большую плиту, и ест он там железные столбы» (подстр. пер.).

Известно, какую роль играют кони в жизни Нартов, и что это за кони: они «обладают сказочными свойствами — чудесные прыжки, человеческий го-

лос. Без них хозяева не многого бы стоили» [7, 35]. Вполне естественно, что таким коням ничего не стоило есть железные гвозди и перегрызать железные коновязи и столбы.

В эпосе не только лошади понимают человеческую речь, но и железный шампур. Ср.: *Уэйыгмаэ уйд ахэм æфсæн уæхст, кæцы æмбæрста лæджы бæрц. Уэйыг фæдзырдта уæхстмæ: «Марадз æмæ мын æй бур физонæг акæн, æз уал афынæй кæнон»* (НК, I, 2003: 191). — «У уаига был такой железный шампур, который, подобно человеку, соображал. Уаиг подозвал его: «Живо приготовь из него румяный шашлык, а я пока посплю» (подстр. пер.).

В некоторых вариантах сказаний железные предметы часто становятся орудием пытки. Ср. *Челæхсæртонæн куы фехъусын кодтой, Созырыхъо кæй амарди суадоны цур, уый, уæд сын загъта Челæхсæртон: «Уый æфсон кæны. Уæдæ ма æфсæн уæхст сырх зынг акæнут æмæ йын æй йæ зæвæты ныззилут»*(НК, I, 1990: 178). — «Когда Челахсартону сообщили о смерти Сослана возле источника, тогда им сказал Челахсартон: «Он притворяется. А ну-ка железный шампур раскалите и вонзите ему в пятки» (подстр. пер.).

В сказаниях из железа сделаны такие примитивные предметы вооружения, как посох, трость, лом, наконечники стрел. Очевидно, «что в VII-VI вв. до н.э. основным материалом для изготовления предметов вооружения становится железо» [3, 53]; и, вероятно, технологии получения стали и изготовление из него оружия еще не были освоены в показываемом отрезке времени. Ср. *Сатана æхсыры хъæрмхуыпп бацымдта, æфсæйнæгтæ йæ дæлæвзаг баурæдта, Уырымæгмæ сæ радта. Уырымæгг сæ уæларв Куырдалæгонмæ схаста. Куырдалæгон ын æртæ фаты скодта* (НК, I, 2003: 439). — «Сатана выпила суп, задержала под языком железо, отдала их Урызмагу. Урызмаг отнес их к Небесному Курдалагону. Он сделал для него три стрелы»(подстр. пер.). Относительно нартовских стрел: они имели трехгранные железные наконечники *æфсæн æрттигътæ < æрттигъ < æртæтигъ* «трехгранный»; такой же формы были и наконечники стрел у скифов, находимые в позднескифских погребениях.

...Уэйгуыты хистæр, мæстæй æхсидгæ,... Старший из уаигов, пылая гневом

Уæд йе`фсæн лæдзæг цæрдæг куы райста, Свой посох железный схватил он быстро,

Йе уырзты`хсæн æй цæсты ныкъуылдмæ И в мгновение ока меж пальцев Уый судзгæ сырх зынг куы фестын кодта... В красный огонь превратил его...

(НК, VI, 2011: 64). (подстр.пер.).

Мы столкнулись с тем, что часто в качестве оружия используется *лæдзæг*, в знач. «посох», «лом», «рычаг», «трость» и др.;

3) «крепкий»; термин *æфсæн* используется в эпосе и в переносном значении; метафорично, в значении «крепкий», что даёт основание отнести эпитеты, характеризующие животных и птиц, к одной тематической группе.: Ср. *Уалынджы æфсæн хъæрцигыгъа дæр ратахы. Лæппу та уымæ дæр фæ-*

цырð: фатæй йæ фехста, æмæ хъæрцигыгъа зæххыл йæ базыртæ батылдта (НК, I, 2003: 260). — «Тем временем вылетает и железный ястреб. Парень и тут проявил ловкость: выстрелил в него стрелой, и ястреб замахал на земле крыльями» (подстр. пер.). Уырымæг, ацы сахат мæ бæх хæцын байдайдзæн **æфсæн уырсимæ** (НК, I, 2003: 260). — «Урызмаг, в сей час моя лошадь вступит в борьбу с железным жеребцом» (подстр. пер.). Лæппу æрхызт **æфсæн уырсаей**, бæхбæттæныл æй афтыдта æмæ хистæрты размæ бацид. Фынгыл рахаста йæ цæст, систа **æфсæн хъæрцигыгъайы сæр**, **æфсæн бирæгъы** хъус; сæр хистæрты фынгмæ баппæрста, хъус кæстæрты размæ æмæ загъта: «Хистæртæ, сæрхъуаг уыдыстут, æмæ уын мæнæ сæр, сымахæн та, кæстæртæ, хъус, æгъдау куыд амонь, уымæ гæсгæ» (НК, I, 2003: 260). — «Парень слез с железного жеребца, привязал к коновязи и пошел к старшим. Окинул взглядом стол, достал голову железного ястреба, ухо железного волка; голову бросил на стол к старшим, ухо — младшим и сказал: «Старшие, вы нуждались в мозгах, и вот вам голова, а вам, младшие, ухо, по обычаю» (подстр. пер.).

Встречаются и эпитеты, чуждые, по мнению В.И. Абаева, осетинскому эпическому стилю [8, 37]. Ср. *Хæстыл ныллæуыди бæх æфсæндзых бирæгъимæ, æфсæндзых хъæрцигыгъаимæ* (НК, I, 2003: 262). — «И начал воевать конь с железнорылым волком, с железноклювым ястребом» (подстр. пер.).

Таким образом, как видим, железо представлено в эпосе в широком ассортименте. Железными являются не только предметы быта, оружие, но также и ряд героев эпоса.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 4-ти т. Т. I. М.: Наука, 1958. 655 с.
2. Шёгрэн А. Осетинская грамматика. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1844. 298 с.
3. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI в.в. до н.э. М.: Наука, 1980. 94 с.
4. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. 639 с.
5. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. 311 с.
6. Мезенин Н.А. Занимательно о железе. 3-ье изд., перераб. и доп. М.: Металлургия, 1985. 176 с.
7. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1977. 279 с.
8. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах. Пер. с осет. Ю. Либединского. Изд., перераб. и доп. М.: «Советская Россия», 1978. 512 с.

Источники:

1. Ирон-уырыссаг дзырдуат. 5-æм рауагъд./Зонадон редактор Гуыриаты Т. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2004. 539 ф.
2. Нартæ. Ирон адæмы героикон эпос. 1-аг чиныг. М.: Наука, 1990. 431 ф.

3. Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. 496 с.
4. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. II-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2004. 896 ф.
5. Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Книга 3. М.: Наука, 1989. 496 с.
6. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. III-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2004. 896 ф.
7. Сказания о нартах: Осетинский эпос // Пер. с осет. Ю. Либединского. М.: «Советская Россия», 1978. 512 с.

Д. Р. Миндзаева,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

МЕТАФОРА ВО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ОСЕТИНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ЭМОЦИЮ ГНЕВА

В статье предпринимается попытка рассмотреть метафорические образы, лежащие в основе осетинских и английских фразеологических единиц, овнешняющих эмоцию гнева и проследить связь этих образов с культурными кодами; обобщается связь внутренней формы анализируемых фразеологических единиц с описанными в научной литературе культурными кодами.

Ключевые слова: метафора, культурные коды, психология, теория эмоций, базовые эмоции.

This article attempts to examine the metaphorical images that underlie for the Ossetian and English phraseological units that externalize the emotion of anger and trace the connection of these images with the cultural codes. The paper also summarizes the internal form of communication addressed to the phraseological units with the cultural codes described in the scientific literature.

Keywords: metaphor, culture codes, psychology, theory of emotions, basic emotions, positive emotions, negative emotions, anger.

В целом ряде областей современного гуманитарного знания метафора предстает явлением более сложным и значимым, чем это казалось ранее. Установлено, что метафоры суть универсалии психики любого (независимо от расовой, национальной, гендерной, возрастной и т. д. специфики) человека. Концептуализирующая роль метафоры так велика, что современная психология связывает метафорическое видение мира с генезисом человека и, соответственно, человеческой культуры.

Внутренняя форма фразеологической единицы содержит основную культурную информацию. В ней можно обнаружить «следы» наиболее значимых для данной конкретной культуры: архетипы, мифы, традиции, прецедентные феномены, элементы материальной культуры.

Анализ образов, лежащих в основе фразеологизмов, выводит нас на стереотипные и эталонные представления, характерные для данной лингвокультуры. Именно поэтому так велик интерес лингвистов-когнитологов к

средствам вторичной номинации, причём особый интерес представляют фразеологические единицы, обозначающие такие абстрактные понятия, как, например, интеллект, этика, эмоции.

В осетинском материале, так же, как и в английском, образ *гнева* создается достаточно большим арсеналом метафорических образов, которые в основном составляют соматизмы. Примерами ассоциации *гнева* с **соматической картой человека** могут служить следующие фразеологические единицы (далее — ФЕ):

Словосочетание *былтæ ныддымсын* («надуть губы», «сделать недовольную гримасу») передаёт образ недовольства через «надутые» губы; фразеологизм *кæйдæр дадзинтыл (тугдадзинтыл) хъазын* («действовать на нервы кому-либо», «раздражать кого-либо») предъявляет нам человека, играющего на кровеносных сосудах или нервах субъекта гнева. Во ФЕ *дадзинтæ фырмæстæй тонынц* («нервы рвутся, лопаются от гнева») образ гневающегося человека создаётся также за счет того же соматизма (кровеносные сосуды). *Гнев* в представлении осетин так же, как и в представлении англичан, нередко отождествляется с кровью (*йæ туг рафыхти* — букв. «кровь вскипела от гнева», «сильно разозлился») и желчью (*æд маст рафыхти* — букв. «он сварился вместе с желчью», «сильно разозлиться», «разгневаться», «прийти в ярость»).

Примечательно, что в осетинском языке слово «*маст*» относится к так называемым гибридным образованиям и означает одновременно и желчную жидкость организма, и гнев, горечь, горе, досаду, злость, неприятность. Подобный синкретизм значений, весьма характерный для осетинского языка в целом и, как мы убедились, для осетинской фразеологии в частности, позволяет совместить в одном слове не только сами феномены, но и весь шлейф их ассоциаций и признаков. Поэтому, по представлению осетин, «*маст*» может закипеть (*æд маст рафыхти* — «он сварился вместе с желчью», «сильно разозлиться», «разгневаться», «прийти в ярость»), его можно вылить (*йæ маст ыл акалдта** — букв. «вылить свою желчь на кого-либо», «дать выход гневу», «резко напустить на кого-либо», «беспощадно критиковать»), в нём можно находиться или утонуть (*масты мидæг** — букв. «внутри желчи», «в ярости», «в бешенстве»). «*Маст*», будучи также и жидкостью, может стать причиной того, что сосуд, содержащий его, лопается (*мæстæй тæпп хауын* — букв. «лопаться от желчи», «лопаться от гнева», «сильно злиться»); «*маст*» также может бушевать (*маст абузы* — букв. «желчь вспучивается», «сильно злиться» «кипеть от гнева»), бурлить (*маст абухы* — букв. «желчь бурлит», «сильно злиться», «бурлить от гнева»).

По нашему мнению, это абстрактное понятие приобретает явные черты «вещности», благодаря чему оно может расширить ареал своего существования в языковой картине мира осетин.

Небезынтересным является фразеологизм *бæстæ дæндагæй хæрын* (букв. «есть мир зубами», «скрежетать зубами от злости», «злиться», «гневаться», «ругаться», «нападать»), в котором гневающийся субъект в буквальном смысле «грызет зубом мир».

Зубы, кстати, достаточно часто используются для создания образа гнева в осетинском языке. Так, например, во фразеологизмах *дæндæгтæй къæрттытæ хауы* (букв. «куски от зубов отваливаются», «сильно злиться», «желваки ходят от злости»), *дæндагæй къæрттытæ хауы* (букв. «куски от зуба отваливаются», «сильно злиться», «желваки ходят от злости») от гнева зубы буквально крошатся на куски.

Ещё один, на наш взгляд, очень интересный пример метафорического описания гнева представлен во фразеологизмах *дæндаджы хид кæлы* (букв. «с зуба льётся пот», «скрежет зубов», «сильно злиться на кого-то»), *дæндæгты хид кæлы* (букв. «с зубов льётся пот», «скрежет зубов», «сильно злиться на кого-то») и *дæндæгты хид цæуы* (букв. «зубы вспотели», «скрежет зубовой», «сильно злиться на кого-то»), где гнев изображен через образ потеющих зубов.

Сердце является ещё одним соматизмом, часто фигурирующим в качестве средства создания образа гнева. Разгневанное сердце может гореть огнем (*зæрдæ артау судзы* — букв. «сердце горит, подобно огню», «злиться», «гневаться») и испускать синее пламя (*зæрдæ цæх арт уадзы* — букв. «сердце испускает синее пламя», «сильно злиться», «гневаться»), увеличиться в размерах и быть на грани того, чтобы лопнуть (*зæрдæ ныттыппыр уын* — букв. «сердце раздулось», «сильно разозлиться», «разгневаться»); *зæрдæ дымстытæ кæны* — букв. «сердце раздувается», «сильно разозлиться», «разгневаться»); его можно раскопать, причиняя при этом сильную боль (*зæрдæкъахæн митæ* — букв. «поступки, «ковыряющие» сердце», «раздражать кого-либо», «досаждать», «провоцировать на отрицательную эмоциональную реакцию»); от гнева сердце может уплотниться до состояния камня (*зæрдæ дур фесты* — букв. «сердце превратилось в камень», «сильно злиться», «сердиться») и не размягчаться, не оттаивать (*зæрдæ нæ тæнæг кæны* — букв. «сердце не размягчается», «злость (гнев, неприязнь) не унимается»). Разрушительное воздействие гнева может ассоциироваться с образом сердца, разрубленного, раскромсанного на кусочки (*зæрдæ кæрдихтæ кæны* — букв. «сердце разрезается на кусочки (ножом)», «сильно переживать», «терзаться», «гневаться»; *зæрдæ кæрдæнтæ кæны* — букв. «сердце разрезается на кусочки (ножницами)», «сильно переживать», «терзаться», «гневаться»).

Важное место в создании образа гнева играют и другие органы человека. Например, во фразеологизме *игæртæ акæрдын* (букв. «разрезать печень», «сильно разозлиться») причинение гнева происходит через образ печени, разрезаемой на куски.

Глаза — ещё один соматизм, «участвующий» в создании метафорического образа гнева. Примечательно, что если соматизмы *сердце* и *печень* участвуют в создании образа человека, страдающего от гнева, то соматизм «глаза» при создании образа данного чувства больше фокусируется на внешних его проявлениях. Глаза могут извергать огонь и искры (*цæстытæй цæхæртæ схъуынц* — букв. «искры выскакивают из глаз», «злиться», «гневаться»; *цæстытæ цæхæртæ калынц* — букв. «глаза испускают искры», «выглядеть очень рас-

серженным», «злым», «сверкать глазами»), из глаз могут выстреливать даже горящие головешки (*цæстытæй судзгæ æхсидæвтæ хауынц* — букв. «из глаз выпадают горящие поленья», «сильно злиться»); гнев может гореть в глазах (*цæстытæ ссудзын* — букв. «зажечь глаза», «сильно разозлиться на кого-то или что-то»); огонь в глазах может быть таким сильным, что он может «выстреливать» и поджигать что-то вне глаз (*цæстытæй арт æфтауын* — букв. «извергать огонь из глаз», «сильно злиться», «гневаться»). Кроме того, глаза могут налиться кровью от гнева (*цæстыты туг бады* — букв. «кровь сидит в глазах», «сильно злиться», «гневаться»); кровь из них может сочиться от гнева (*цæстыты туг мизы* — букв. «кровь течёт из глаз», «сильно злиться») и даже литься (*цæстытæй туг кæлы* — букв. «кровь льётся из глаз», «сильно злиться»). В глазах, очевидно, наполненных кипящей кровью, можно растопить жиры (*цæсты фиутæ тайы* — букв. «жиры в глазах тают», «сильно злиться (часто от зависти)»); они могут потемнеть от гнева (*цæстытæ атарытæ сты* — букв. «в глазах потемнело», «ничего не видеть от гнева»).

Ещё одним соматизмом в осетинской фразеологии, через призму которого концептуализируется гнев, является лицо; видно, как по лицу движется кровь (*цæсгом туджы зилы* — букв. «лицо вращается в крови», «покраснеть от гнева», «злиться»). Данный образ, очевидно, основан на том, что, когда человек в гневе, к лицу приливает кровь, кровеносные сосуды наполняются ею и становится заметным, как по ним пульсирует кровь. Лицо может гореть от гнева (*цæсгом мæстæй судзы* — букв. «кровь горит от гнева», «сильно злиться») и извергать пламя (*цæсгом пиллон уадзы* — букв. «лицо испускает жар», «сильно злиться», «гневаться»).

Руки также «задействованы» в метафорическом описании гнева. Например, во ФЕ *къухты фыдтæм дæндагæй лæбурын* (букв. «хватать зубами мясо ладони», «сильно злиться», «еле сдерживаться», «поддаться гневу») и *къухтæ дæндагæй хæрын* (букв. «есть руки зубами», «сильно гневаться»), пытаюсь сдержать эмоцию, человек, её испытывающий, в буквальном смысле нападает (вонзает зубы) на плоть руки зубами.

Иногда осетинская фразеология ассоциирует гнев не с каким-либо отдельным человеческим органом, а со всей совокупностью внутренних органов, которая может испускать огонь (*хуылфы арт уадзын* — букв. «внутренности испускают огонь», «злиться на кого-либо или что-либо», «сильно разгневаться»), закипать (*химидæг æхсидын* — букв. «закипать внутри», «сильно злиться», «гневаться»), вариться (*химидæг фыцын* — букв. «вариться внутри себя», «сильно злиться», «гневаться») и в которую можно заглянуть (*хуылфмæ кæсын* — букв. «смотреть внутрь себя», «сильно грустить», «злиться») или уставиться (*хуылфмæ ныккæсын* — букв. «уставиться внутрь себя», «сильно злиться»).

Нередко гнев в осетинской фразеологии концептуализируется через **зооморфную метафору**.

Такое проявление гнева, как хмурый, злобный взгляд, отождествляется со взглядом волка (*бирæггы цæстæй кæсын* — букв. «волком глядеть», «смотреть гневно»).

Взбешенный, расвирепевший, пришедший в ярость человек ассоциируется осетинами с бешеным животным, у которого пена течёт из пасти (*фырмæстæй йæ комыфынк калы* — букв. «пускать пену из пасти от гнева», сильно гневаться»).

О гневающемся человеке, обрушившим на кого-либо поток брани, осетины могут сказать, что из его горла падают лягушки (*хæфсытæ йæ хъæлæсæй фæкалдта* — букв. «выплёвывать лягушек изо рта», «браниться»).

В словосочетании *йæ къуыртт ын фехæлдта* (букв. «разрушить гнездо, насест», сильно разозлить кого-либо», «задеть за живое»), означающем, что кто-то сильно разозлил субъекта эмоции, вывел его из себя тем, что разрушил его планы, образной составляющей является то, что кто-то разрушил (испортил) процесс выведения цыплят. Здесь также, опосредованно, «работает» зооморфная метафора, т. к. разгневанный человек ассоциируется с разгневанной насадкой.

Звуки и резкие движения, характерные для человека в гневе, осетины могут описывать, связывая их со звуками и поведением, свойственным крупному рогатому скоту (*богътæ æмæ мыхъхъытæ кæнын* — букв. «истошно кричать и бодать», «ругаться»; *богъты уаст кæнын* — букв. «завывать как быки», «кричать», «толкать», «ругаться»).

Природные феномены представлены здесь особенно ярко. Разрушительную силу *гнева* осетины чаще всего ассоциируют с огнём (*артау судзын* — букв. «гореть, подобно огню», «воспылать гневом», «воспламениться от гнева»; *азаргæй судзын* — букв. «сгорать от гнева», «разозлиться из-за кого-либо или чего-либо»; *æрттæ цæгъдын* — букв. «разрушать, уничтожать костры», «ругаться»).

Во ФЕ *тар боны хуызæн* (букв. «как мрачный день», «мрачный», «хмурый вид») гневающийся человек ассоциируется с пасмурным, несолнечным днем.

Вопреки ожиданиям, мы не нашли ни одной фразеологической единицы, в которой гнев ассоциировался бы с горами, крутой нрав которых осетинам, несомненно, хорошо знаком, так как их немало погибло из-за регулярно обрушивающихся лавин и ледников.

Пространственный код представлен в осетинских фразеологизмах, овнешняющих *гнев*, таких, как, например, *уд снарæг и* (букв. «душа сузилась», «обессилеть», «ослабеть от гнева»). Очень интересными представляются такие ФЕ, как *хæрдмæ хауын* (букв. «падать наверх», «сильно злиться из-за кого-либо или чего-либо») и *уæларвмæхауын* (букв. «падать в небо», «ругаться», «подпрыгивать», «вздрагивать (от злости)»). Здесь примечательно то, что человек, переживающий гнев, может подпрыгивать вверх, буквально «падать в небо» и «падать вверх». В данных примерах мы в очередной раз имеем дело с синкретизмом в осетинской языковой картине мира, так как обе эти фразеологические единицы объективируют не только гнев в крайней его степени, но и такой же силы радость, а реакция на противоположные эмоции — одна и та же.

Цветобозначения также могут играть определенную роль в метафорическом осмыслении гнева. Основные цвета, задействованные здесь — *цъæх*

(синий, голубой, зелёный, серый): *зæрдæ цъæх арт уадзы* — букв. «сердце испускает синее пламя», «сильно злиться», «гневаться» и *сау* (чёрный): *сау сфæлдахын* — букв. «сильно перевернуть», «разгневаться», «выйти из себя»; *саудæнгæлауын* — букв. «сильно раздуться», «разгневаться». Интересно, что нередко во ФЕ нет указания на конкретный цвет эмоции, а только говорится о том, что цвет «уходит», «пропадает» (*хуызы мур нал зайы* — букв. «не остаётся ни грамма цвета», «лица нет», «побледнеть (от гнева)»; *хуызы цъыртт нал зайы* — букв. «не остаётся ни капли цвета», «лица нет», «побледнеть (от гнева)»).

Температурный код в осетинской фразеологии, овнешняющей гнев, также представлен вполне рельефно. При этом следует отметить, что слово *хъ-арм* (теплый), которое обычно ассоциируется с чем-то хорошим, приятным, во фразеологизме «*хъарм*» *ныхæстæй йæ срæгъæд кодтон** (букв. «заставил кого-либо созреть «тёплыми» словами, «накинуться на кого-либо», «обрушиться на кого-либо», «обрушить на кого-либо поток брани, упреков и т.д.») употребляется в переносном, ироничном смысле.

Мифологический код представлен лишь одной фразеологической единицей: *Хуыцаумæ хауын* — букв. «падать к Богу», «ругаться».

Итак, анализируя особенности ассоциирования эмоции гнева в английских фразеологических единицах, можно вывести, что англичане, как и осетины, достаточно часто концептуализируют гнев через **соматизмы**.

Особенно частотны фразеологизмы, в которых проводится аналогия между гневом и неприятными ощущениями на лице или коже головы, когда, так сказать, глядят «против шерсти»; ср.: *getsmb'shackle sup* — букв. «поднять чьи-либо бакенбарды», «разозлить кого-либо», «вывести из себя»; *set up one's bristles* — букв. «поднять чью-либо щетину», «ощетиниться», «рассердиться». Учитывая абсолютно глубокую, стихийную и архетипическую природу гнева, в таких ФЕ, думается, присутствует и опосредованная ассоциация человека в гневе с представителями фауны.

Имеются случаи ассоциирования гнева с **неприятными ощущениями во рту** (*givesmb the pip* — букв. «стать причиной появления у кого-либо типауна», «раздражать»); с **жидкостными средами организма** человека (*makesmb's blood boil* — букв. «заставить закипеть чью-либо кровь», «кровь в жилах закипела», «приводить кого-либо в бешенство, в ярость», «вызывать возмущение»; *rousesmb's bile* — букв. «заставить подняться чью-либо желчь», «разозлить», «рассердить кого-либо»).

Фразеология англичан также фиксирует некоторые физиологические проявления гнева через изменение **температурных показателей**. Например, во фразеологизме *fume and chafe* (букв. «дымиться и горячиться», «злиться и ворчать», «рвать и метать», «портить себе кровь») где, на наш взгляд, также прослеживается ассоциация с первобытной процедурой получения огня путём трения; или *blow a fuse* — букв. «взорвать запал/взрыватель» или, возможно, «напором пара от внутреннего кипения выбить пробку», «обозлиться», «взбеситься», «выйти из себя», «прийти в ярость», «лопнуть от злости»).

В некоторых английских ФЕ негативное воздействие эмоции гнева ассо-

цируется с потерей равновесия (*throwsmboff (his) balance* — букв. «выбить кого-либо из равновесия (из-за гнева)», «вывести кого-либо из душевного равновесия», «вывести кого-либо из себя», «выбить из колеи»; *beupintheair* — букв. «быть высоко в воздухе (из-за гнева)», «выйти из себя», «взбеситься», «взорваться», «прийти в бешенство», «в ярость»).

Элементы материальной культуры также нашли применение в процессе концептуализации гнева англичанами.

Например, о человеке или феномене, сильно досаждающим кому-либо, злящим кого-либо, можно сказать, что он «втыкает булавки» (*stickpins* — «раздражать, сердить, досаждать, докучать») в субъекта переживания, страшно разгневанного человека можно представить в образе топора мясника (*savageasameataxe* — букв. «свирепый/дикий как топор для разделки мяса», «взбешенный», «рассвирепевший»), а поведение человека, находящегося во власти сильной ярости, можно описать через образ лопнувшей прокладки водопроводной трубы (*blowagasket* — букв. «взорвать прокладку», «обозлиться», «взбеситься», «выйти из себя», «прийти в ярость», «лопнуть от злости»).

Не смогли англичане проигнорировать и такой феномен, как **мореходство**, культууроформирующую роль которого для данного народа трудно переоценить. Во фразеологизме *givesmbabroadside* (букв. «дать кому-либо бортовой залп», «обрушиться на кого-либо», «обрушить на кого-либо поток брани, упреков и т.д.») проводится аналогия между катастрофическим воздействием кого-либо или чего-либо, ставшего причиной гнева, и «артиллерийского залпа по борту судна».

Особенности метафорической презентации эмоции *гнева* в осетинской и английской эмоциональной языковой картине мира подвели нас к следующему заключению.

Показатели ассоциирования концепта «гнев» с культурными кодами
в осетинских и английских фразеологических единицах

культурный код	осетинский язык	английский язык
соматический	153	44
термический	48	10
пространственный	46	9
предметный	33	15
цветовой	15	4
зооморфный	11	13
растительный	1	0
мифологический	1	1
временной	0	0

Как видим, в обеих лингвокультурах метафора играет чрезвычайно важную роль при осмыслении исследуемого чувства, причин его возникновения и влияния на субъект переживания.

В том, через какие конкретные ассоциации происходит процедура концептуализации эмоций в каждой эмоциональной языковой картине мира, наблюдаются и сходства, и различия.

Сравниваемые лингвокультуры схожи в том, что в каждой из них при создании образа эмоции гнева *соматизмы* играют наиболее значимую роль.

Это вполне объяснимо непосредственной связью семантики *соматических* ФЕ с человеком, его мировидением, отношением к действительности. «Язык» собственного тела помогает человеку реконструировать картину мира, сложившуюся в его сознании.

Примерно равными по степени «участия» в создании образов эмоций в обеих лингвокультурах выглядят **пространственный, зооморфный, предметный** и **цветовой** коды культуры в разных своих проявлениях.

Совершенно отчётливо проявила себя закономерность, состоящая в том, что концептуализация эмоций достаточно редко происходит с использованием одного кода культуры. В подавляющем большинстве случаев в эту когнитивную процедуру вовлекаются дополнительно другие культурные коды, так что, как правило, возникает достаточно сложный имидж, нередко образованный в несколько этапов на пересечении нескольких культурных кодов.

Примечания:

1. Дзабиты З.Т. Ирон æвзаджы фразеологион дзырдут. Цхинвал, 2003. 446 ф.
2. Ирон æмбисандтæ // Æрæмбырд сæ кодта 'мæ чиныг сарæзта Гуытъяаты Хъ. Орджоникидзе: «Ир», 1976. 352 с.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык — Медиа; 5-е издание, 2006. 1210 с.
4. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998. 587 p.
5. Collins COBUILD Dictionary of Idioms. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2004. 751 с.

**З. Н. Зангиева,
кпн, доцент, ВИУ
(г. Владикавказ)**

КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В ИДИОМАТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ДУША»)

Картины мира в разных языках имеют свои характерные особенности, так как существуют различия в восприятии, концептуализации и репрезентации мира языковыми средствами. Данная статья посвящена сопоставительному анализу ключевого фрагмента английской, русской и осетинской языковых картин мира — концепту «душа». Посредством анализа значений лексических единиц, репрезентирующих этот концепт в разнотурных языках, выявлено общее и особенное в восприятии, понимании и вербализации представлений о душе.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, национальный характер, менталитет, концепт «душа», фразеологические единицы.

World Pictures in different languages have their own characteristics, as there are differences in perception, conceptualization and representation of the world through language. This article focuses on the comparative analysis of the key fragment of English, Russian and Ossetic language pictures of the world — the concept of «soul». Through the analysis of meanings of lexical units represented the concept in three languages, general and specific in perception, understanding and verbalization of ideas about the soul is revealed.

Keywords: intercultural communication, national character, the mentality, the concept of «soul», phraseological units.

Современная наука признает, что картины мира в разных языках имеют свои характерные особенности, так как существуют различия в восприятии, концептуализации и репрезентации мира языковыми, достаточно существенными, средствами, изучение которых может послужить выявлению общих и специфических особенностей картин мира в разных языках.

В менталитете разных народов можно выделить ряд «врожденных» концептов, базовых понятий, развивающихся независимо от языка, что мотивируется отличительными особенностями в мировоззрении, культуре, образе жизни, традициях и обычаях этносов, обуславливающих различия в содержательном их наполнении [3, 12].

В статье речь идёт об универсалии, встречающейся во всех культурах и составляющей их ценностный мир — концепте русск. «душа», «сердце», осет. «уд», «зæрдæ» англ. «soul», «heart», «mind».

Анализируемое базовое понятие в разноструктурных языках является ключевым для раскрытия и понимания экзистенциальных представлений о нематериальной сущности человека в различных культурах, представляет собой один из важных, базовых элементов, формирующих языковую картину мира, закрепляющуюся и сохраняющуюся в национальном менталитете. В условиях Республики Северная Осетия-Алания большинство учащихся и студентов, изучающих английский язык и культуру, наряду с русским владеют осетинским языком и воспитаны в лоне родной (осетинской) культуры. У них возникает необходимость восприятия и понимания английской культуры, одним из каналов постижения которой является анализ концепта «душа». Однако в ситуации отсутствия осетино-английских и англо-осетинских словарей возникает необходимость дополнительного обращения к русскому языку как к источнику, опосредующему понимание интересующей культуры. Вот почему исследование этнолингвокультурного концепта «душа» в английском, русском и осетинском языках, проведенное в рамках настоящей работы, — это еще один шаг к разгадке феномена национального характера, к расширению представлений о языковой картине мира и пониманию специфики иноязычных культур, что входит в разряд приоритетов в современном глобализирующемся мире [7, 38].

Анализ генезиса подходов к трактовке понятия «душа» показал, что исторически, наряду с бытовым пониманием, возникли анимистические представления древних людей о ней, в которых она предстает как особая сверхъестественная сила, обитающая в чувственно воспринимаемом окружающем мире, зависимом от воли и произвола этих душ. Следом за этим пониманием зародились и на протяжении веков развивались религиозные воззрения и общенаучные представления о душе.

Для выяснения содержательного наполнения концепта «душа» в английском, русском и осетинском языках изучались словари как источники информации. Такой подход выдвинут С. Г. Тер-Минасовой, предлагавшей провести анализ семантики слов, выражающих понимание данного базового понятия, используя определения, приведенные в словарях рассматриваемых разноструктурных языков [8, 134].

Анализ словарей позволил выявить массив лексических единиц, репрезентирующих концепт «душа» в английском, русском и осетинском языках (*soul, heart, mind/душа, сердце/уд, зæрдæ*), общие и особенные значения которых можно представить в виде таблицы.

Из таблицы видно, что нами обнаружен ряд **общих** значений слов, вербализирующих концепт «душа» в английском, русском и осетинском языках. К ним относятся:

- нематериальная часть человека, которая, как полагают, существует вечно;

Соответствие значений слов, используемых для вербализации
концепта «душа» в английском, русском и осетинском языках

Английский язык (soul, heart, mind)	Русский язык (душа, сердце)	осетинский язык (уд, зæрдæ)
нематериальная часть человека, которая, как полагают, существует вечно	нематериальное начало жизни	особая нематериальная субстанция, независимая от тела
освобожденный от телесной оболочки дух умершего человека	противопоставляемое телу бессмертное существо, остающееся после смерти человека	дух
	бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею	
внутренний мир человека	внутренний, психический мир человека, его сознание	внутренний психический мир человека
особенности характера	свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами	свойство характера, основные черты личности
нравственная природа или совесть	нравственное, духовное начало	
чувствительность, способность сочувствовать	символ души, переживаний	символ души, переживаний
часть человека, которая считается центром воли	место нахождения воли	
место нахождения эмоций, привязанности, любви (в противовес голове как месту нахождения интеллекта); сокровенные мысли и чувства	место нахождения любви, страсти, чувств, настроений	настроения, чувства,
	вдохновение, воодушевление	
человек	человек	живое существо, человек,
человек как вдохновитель чего-нибудь	вдохновитель чего-нибудь, главное лицо	
о человеке при выражении фамильярности, жалости, презрения	дружеское фамильярное обращение к кому-нибудь, чаще с прибавлением слова «моя»	
	крепостной крестьянин	

	о человеке, являющемся всеобщим любимцем	
человек, считающийся образцом или воплощением добродетели		
ум, разум		
чувства расовой гордости, социальной и культурной солидарности (среди афро-американцев)		
		жизнь

- освобожденный от телесной оболочки дух умершего человека;
- внутренний, психический мир человека (включающий эмоции, чувства, волю, характер);
- сам человек.

Наряду с общими зафиксированы **особенные** значения слов, репрезентирующих концепт «душа» в указанных языках. В их числе:

- в английском и русском языках — «человек как вдохновитель чего-нибудь», «фамильярное обращение при выражении жалости, презрения»;
- в русском — «крепостной крестьянин»;
- в английском — «ум, разум», «человек, считающийся образцом или воплощением добродетели», «чувства расовой гордости, социальной и культурной солидарности (среди афроамериканцев)»;
- в русском — «вдохновение, воодушевление», «человек, являющийся всеобщим любимцем»;
- в осетинском — «жизнь».

В ходе исследования светских источников было установлено, что английскому слову «soul» соответствует русское «душа» и осетинское «уд». Например:

- *a poor little soul; soul brother/sister* — великодушный человек; душа-рубашка; родственная душа — *уды гага* — голубчик, душечка; (букв. «зернышко души»), *уды хай* (букв. доля, часть души), родственная душа;
- *to lose one's soul* — загубить душу — *уд рауæлдай кæнын* — отдать душу;
- *to put one's soul into smth./to have one's heart in smth./to put life into smth* — вкладывать всюдушу — *уддæттын* — отдатьдушу;
- *to go deep into smb's soul* — западатьвдушу/западатьвсердце — *зæрдæйыныххизын*.

Встречаются также случаи, когда для репрезентации концепта «душа», помимо указанных слов, в английском языке употребляются лексемы «heart», «mind», «life», «spirit» (иногда даже как разные варианты одного случая употребления примера), тогда как в русском языке — слово «сердце», а в осетинском — «зæрдæ», букв. «сердце».

Следует отметить, что толковые словари русского языка предлагают от

трех до шести словарных дефиниций слова *сердце*, в то время как английские — восемь и более значений.

Заметим, что в английских словарях, кроме основных значений, присутствуют такие определения слова *heart* (*сердце*), как

mood or feeling (настроение или эмоции), например *change of heart* (перемена настроения);

courage or enthusiasm (смелость/мужество или энтузиазм), например, *to lift up one's heart* (мужаться, собраться с духом), *to have enough heart to do smth* (иметь мужество сделать что-либо).

Английскому *heart* свойственна память, например, *by heart* (наизусть, по памяти) и в данном случае можно провести параллель с осетинским языком, где проявление этого интеллектуального процесса также возложено на *зæрдæ* — «сердце»: например, *зæрдыл дарын* (помнить, «держаться на сердце»).

Приведем наиболее интересные и наглядные примеры:

— поговорить с кем-либо по душам: англ. *to have a heart talk with smb.*; осет. *зæрдæ æргом кæнын*; *зæрдæ зæрдæмæ дзурын*, *ныхас кæнын*;

— брать за душу: англ. *to pull at smb's heart strings*; осет. *зæрдæйæ удæгтæ тонын* (*скъуынын*);

— как бог на душу положит: англ. *to do smth. as the spirit moves one*;

— вдохнуть душу (воодушевить, поднять настроение): англ. *to infuse life into smth./to put spirit into smth.*; осет. *фæзæрдæджын кæнын*;

— камень на душе/камень на сердце: англ. *one's heart is heavy*; осет. *зæрдæ ныддуруын/зæрдæ ныллæуын/зæрдæ ныссауын*.

Сравнительный анализ концептов *душа/дух* и *сердце* в русской, английской и осетинской лингвокультурах обнаружил, что ведущую роль в сфере проявления эмоций и чувств в сознании представителей русской лингвокультуры заняло понятие *душа*, в то время, как в английской и осетинской концептосферах — *сердце*. Проиллюстрируем несколькими примерами с фразеологическими единицами (далее — ФЕ), эмотивная сторона которых выражена концептом *душа* в русском языке и концептом *сердце* в английском и осетинском языках, при этом рассматриваемые ФЕ выступают эквивалентами; ср.: русская пословица *чужая душа — потемки* на английский язык передается: *a stranger's heart is a deep well* (досл. *сердце незнакомца — глубокий колодец*), а на осетинский: *зæрдæй зæрдæмæ ныккæсын нæй* (досл. *нельзя заглянуть из сердца в сердце*). Можно также сопоставить следующие фразеологические выражения: *до глубины души*; *в глубине души*; *душа переполняется*, которые на английском языке звучат как *from the bottom of one's heart* (досл. *со дна сердца*; *от всей души*), а на осетинском как *зæрдæбынæй дзурын* (*говорить от сердца, от души*).

Приведённые нами примеры служат подтверждением того, что в русской лингвокультуре вместилищем и центром средоточия эмоций является *душа*, а в английской и осетинской — *сердце*.

Для описания характера человека русская лингвокультура предлагает следующие слова и выражения с концептом *душа*: *добрая душа, душа нарас-*

пашку, душевный, черная душа. На английский язык эти выражения передаются с помощью концепта *сердце*: *kind-hearted, open-hearted, warm-hearted*. Подобную картину мы наблюдаем и в осетинском языке: *зæрдæхæлар, зæр-диаг, сау зæрдæ*.

Для выражения английского концепта *soul/spirit* очень важны понятия *heart* (*сердце*) и *mind* (*разум*). Это явление прослеживается также в осетинском языке, в котором концепт *зæрдæ* (*сердце*) практический вытесняет концепт *уд* (*душа/дух*), особенно в сфере проявления чувств и эмоций.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: основные лексические значения существительных *душа* и *сердце*, являющихся семантически ведущими словами в составе рассматриваемых фразеологических единиц, совпадают. Несмотря на это, мы не можем не подчеркнуть некоторые отличия в восприятии данных основополагающих, центральных в представлении человека о себе, концептов представителями русской, английской и осетинской лингвокультур.

Концепт *душа* занимает уникальное место в мировосприятии представителей русского лингвокультурного сообщества. *Душа* отождествляется с личностью человека, его жизнью, это этически ценное, особенное понятие, поэтому так популярны представления об «открытой», «широкой», «загадочной» русской душе среди иностранцев, поэтому так велико количество фразеологических единиц с компонентом *душа* в русском языке. Концепт *душа* ярко и разносторонне представлен во фразеологизмах и характеризуется многочисленными признаками. Он носит абстрактный характер и тесно связан с внутренним миром человека: выражает эмоции, настроение, характер, чувства. Это один из ключевых концептов русской лингвокультуры. Сознание русского народа адаптировало высшую функцию за органом наивной анатомии человека — *душою*, приписав ему основную жизненную энергию и «отодвинув» *разум* на второй план [6, 141].

Для английской лингвокультуры свойственна материализация понятия *душа*. Отношение к человеку, его настроению, эмоциям, чувствам, характеру у представителей английской культуры, прежде всего, ассоциируется с *сердцем* — конкретным органом человеческого тела. Представление о *душе* дифференцировано недостаточно четко и объединено в своем повседневном восприятии как отражающее довольно узкую сферу. То, что в английском языке представлено фразеологическими единицами с компонентом *сердце*, в русском зачастую выражается при помощи компонента *душа*. Очевидно, потому, что английской культурой воспитываются сдержанность, стремление не показывать свои чувства окружающим. Фразеологических единиц, отражающих эмоциональную сферу концептов, немного [5, 140].

Подобную закономерность мы можем проследить и на примере осетинской лингвокультуры, где концепт *зæрдæ* (*сердце*) в сознании представителей осетинской лингвокультуры играет более значимую роль по сравнению с концептом *уд* (*душа*) [2, 138].

Сердце — это своего рода тотем, имеющий определенный денотат. Мы

знаем, как выглядит сердце, как оно устроено. Сердце материально, оно имеет конкретное место расположения, более того, мы всегда можем услышать или почувствовать его ритм. В восприятии носителей осетинской культуры *сердце* является хранилищем внутренних состояний и чувств человека, его характера, воли и настроения, симпатий и антипатий, радости и горя, а также религиозных воззрений. Мы знаем, что с последним ударом сердца заканчивается жизнь человека. Что касается *души*, то можно только предполагать, как она выглядит, где расположена, так как *душа* — сущность нематериальная, невидимая и не имеющая определенного денотата [4, 139].

Сказанное выше позволяет говорить о сакральном характере концепта *зæрдæ* в ментальном представлении осетинского народа, о трепетном и крайне осторожном отношении осетин к этому органу человека. Доказательством этого феномена являются также и сохранившиеся до настоящего времени национальные традиции, не имеющие аналогов в христианской религии. К примеру, традиционный обряд *зæрдæвæрсон*, когда семья, поминая ушедшего в мир иной близкого человека, приносит в жертву ягнёнка, а сердце его закапывает на могиле умершего в знак памяти о покойном в их сердцах [1, 67].

Данное исследование показало, что лингвокультурные концепты не являются статичными единицами, они находятся в постоянном изменении. Традиционная модель человека в русской лингвокультуре, где *душа* и *дух* являются центром, постепенно подвергается изменению: концепт *дух* отходит на периферию. В английской и осетинской лингвокультурах данные концепты заметно вытесняются концептом *сердце*.

В целом, концепты *душа/дух* и *сердце* открывают широкое поле для исследований как в области лингвистики, так и лингвопсихологии, антропологии и этнокультурологии. Изучение базовых понятий *душа/дух* и *сердце* поможет приблизиться к культуре и миропониманию другого народа, носителя изучаемого языка, так как репрезентируют взгляд человека внутрь своего мира, способствует лучшему пониманию души, духа и сердца своего народа.

Примечания

1. Бесолова Е.Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре. Известия СОИГСИ. 2014. №14 (53). С. 63-72.

2. Бесолова Е.Б., Дзодзикова З.Б. Осетинские фразеологизмы в переводе на русский язык. В сборнике: Проблемы осетинского языкознания Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1984. С. 135-143.

3. Варданян, Ю.В. Генезис общенаучных подходов к трактовке души/Ю.В. Варданян, Л.В. Варданян // Современное образование: психолого-педагогические проблемы и опыт решения: Материалы межрегиональной научно-практической заочной конференции «Актуальные психолого-педагогические проблемы в науке и практике» (28-29 сентября 2006 г.)/под ред. Ю.В. Варданян/Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2006. С. 4-17. 0,82 п.л./0,41 п.л.

4. Зангиева З.Н. Сопоставительный анализ фразеологизмов русского и осетинского языков. // Современные технологии обучения. Сборник статей и тезисов. Владикавказ, 2008. С. 137-146.

5. Зангиева З.Н. Фразеологизм — феномен языка и культуры // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. Материалы II Международной научной конференции, проходившей под эгидой и при финансовой поддержке ЮНЕСКО. 2008. С. 137-142.

6. Зангиева З.Н., Цховребова Б.Ф. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка// Россия и Европа: связь культуры и экономики. 2013. С. 139-143.

7. Манукян Г.Г., Зангиева З.Н. Национально-культурная специфика речевой коммуникации // Сборник студенческих научных статей. Составитель С.Е. Ногаева. Владикавказ, 2009. С. 37-40.

8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 146 с.

V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Б. В. Туаева,
дин, СОИГСИ им. В. И. Аббаева (г. Владикавказ),
С. А. Туаев,
бакалавр экономики, ст. спец. ООО «Эрнст энд Янг» (г. Москва)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО МИРА И СОГЛАСИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Авторами статьи, на примере СКФО, рассматривается взаимосвязь между социально-экономическим развитием и межнациональным миром, согласием, стабильностью. Анализируются данные по реализации федеральных программ «Стратегия социально-экономического развития СКФО», «Стратегия национальной политики РФ». Проводятся обобщения между экономическим самочувствием населения региона, безработицей и настроениями в молодежной среде.

Ключевые слова: Северный Кавказ, национальная безопасность, Стратегия социально-экономического развития СКФО, Стратегия национальной политики РФ, межнациональные отношения, молодежная политика, национально-культурная автономия.

The authors consider the correlation between socio-economic development and interethnic peace, harmony and stability in the North Caucasian Federal District. They analyze the realization of two federal programs: «The strategy of socio-economic development of North-Caucasian Federal District (NCFD)» and «The strategy of a national policy of Russian Federation». The authors provide generalization between economic well-being of the population of the region, unemployment and the mood among the youth.

Keywords: *North Caucasus, national security, Strategy of socio-economic development of the North Caucasian Federal District, The strategy of a national policy of Russian Federation, interethnic relationship, youth policy, national-cultural autonomy.*

Северный Кавказ является одним из тех российских регионов, где происходит постоянный мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений как основных показателей успешности проводимой государством национальной и культурной политики. Если же рассматривать современное состояние Северного Кавказа в широком историческом контексте, то следует отметить, что до сих пор во многих сферах не преодолены последствия «системного кризиса» конца XX века. По мнению ряда исследователей, региональный кризис был вызван «не культурным протестом традиционалистских социальных слоев и групп против осуществляемых государством модернизационных преобразований, а реакцией переходного общества незавершенной социально-культурной модернизации на условия резкого срыва процесса, и крушения уже «освоенных» этим обществом политико-экономических форм модернизации» [1, с. 22-24]. Нестабильность, экономический упадок, снижение духовности и ломка культурных догм, вызвали к жизни различные настроения в обществе, в том числе и экстремистского, националистического толка. Разрыв же между алармистскими оценками кризисного состояния региона и реальностью наиболее стал очевиден применительно к уровню потребления и условиям жизни населения региона. Значительная его часть, так или иначе, приспособилась к условиям экономического спада, сформировав свою систему жизнеобеспечения, большей частью связанной с натуральным домашним хозяйством и теневым сектором экономики. Так, согласно официальным данным на начало 2016 г., уровень экономического развития и благосостояния региона значительно ниже, чем в целом по стране. Уровень благосостояния населения определяется, прежде всего, денежными доходами населения, которые в расчете на душу населения в целом по СКФО составили 18913 руб. в месяц (в целом по России — 26340 руб. в месяц) [2]. В регионе слабо развиты аграрный и промышленный сегменты, наблюдается нецелевое и неэффективное расходование бюджетных потоков, остается высоким процент безработицы (см. табл. № 1) и криминальная «занятость» части молодежи. Именно в этой части «социального здания» укореняется субкультура насилия и формируется сравнительно широкая социальная база шовинизма, экстремизма, терроризма [1, 24].

Таблица 1

Численность незанятых граждан, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в государственные учреждения Службы занятости населения на конец марта 2016 г. (по данным Федеральной службы по труду и занятости) [2]:

	численность не занятых трудоу- датель- ностью граждан, тыс.человек	в %		из них зарегистри- рованные безработные	
		к марту 2016 г.	к итогу		
Российская Федерация	1266,6	103,8	100	1062,0	100
Северо-Кавказский федеральный округ	174,4	86,2	13,8	170,8	16,1
Республика Дагестан	28,9	102,1	2,3	28,4	2,7
Республика Ингушетия	29,7	87,7	2,3	29,7	2,8
Кабардино-Балкарская Республика	10,1	104,4	0,8	9,4	0,9
Карачаево-Черкесская Республика	4,9	103,8	0,4	4,4	0,4
Республика Северная Осетия- Алания	9,1	94,3	0,7	8,8	0,8
Чеченская Республика	74,7	76,1	5,9	74,6	7,0
Ставропольский край	17,1	95,3	1,3	15,5	1,5

Для скорейшего выхода из сложившейся ситуации, решения поставленных задач, еще в октябре 2010 г. была принята «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». В Стратегии Правительством РФ предусмотрен широкий комплекс мер, направленных на укрепление всероссийской гражданской идентичности, на борьбу с этнополитическим и религиозным экстремизмом. Основной акцент в Стратегии сделан на динамичное социально-экономическое развитие региона, повышение уровня и качества жизни населения, что напрямую связано со стабильностью и миром в регионе. В связи с этим, при аппарате полномочного представителя Президента России в СКФО была создана институциональная инфраструктура, в том числе Общественный Совет, Совет Старейшин и Совет Алимов. Совет старейшин был создан в рамках Общественного совета СКФО из числа его членов в составе 7 человек (по одному представителю от субъекта) и действует как консультативный орган, который осуществляет прямое

взаимодействие и координацию действий с советами старейшин или идентичными им структурами в субъектах округа. Его председатель В. М. Лагуев стал членом нового созыва Общественной палаты РФ. В рамках деятельности Общественного совета был проведен ряд значимых мероприятий, которые направлены на выстраивание конструктивного взаимодействия гражданского общества и СМИ с государственной властью на местах, на восстановление дружественных связей между субъектами Российской Федерации, находящимися в пределах округа [3].

По мнению экспертов, за прошедшие пять с небольшим лет существования СКФО так и не удалось решить большинство традиционных проблем. Инвестиционная привлекательность региона не стала существенно выше. Глубокие институциональные преобразования так и не проведены. Проблемы клановости и этнического протекционизма остались, а новые региональные элиты не сформированы. По-прежнему не сняты угрозы возникновения межэтнических конфликтов и совершения террористических актов. С другой стороны, есть ряд неоспоримых достижений. Они заключаются не только в проявлении тренда на профилактику терроризма и снижение числа жертв среди мирного населения, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, общем ослаблении интенсивности процесса пополнения молодежью банд подполья, но и в нахождении определенного баланса между силовым управлением и управлением через экономические механизмы. Также они проявляются в обеспечении конструктивного участия институтов гражданского общества в разрешении острых межэтнических конфликтов и снижении градуса общественного напряжения. [4, 5].

Центральная государственная власть все активнее стремится сделать этнополитические и этноконфессиональные процессы в регионе управляемыми и конструктивными [5, 44; 6, 6]. Важным шагом в этом направлении призвана стать и Стратегия национальной политики РФ. Наряду с главным тезисом о «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности», зафиксировано не менее важное положение о создании «дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе» [7]. У руководства округа есть понимание того, что межнациональный мир на Северном Кавказе — одна из главных ценностей, и что над его укреплением необходимо постоянно работать.

Для успешного и продуманного проведения национальной политики особенно важно (необходимо) учитывать особенности культуры и этногенеза народов региона, которым в течение нескольких столетий удалось выработать универсальный механизм согласования интересов и достижения мира [8, 153]. В СКФО проводится множество мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений и поддержание диалога национальных культур. Не вызывает сомнения эффективность стратегии и тактики органов власти и МСУ регионов РФ СКФО по оптимизации национально-куль-

турной самоорганизации этнических сообществ региона. Здесь достигнуты впечатляющие успехи, создана институциональная политико-управленческая среда реализации этнокультурных интересов граждан и сообществ [4, 5-6; 9, 182-183]. Значительную роль играют национально-культурные автономии (далее — НКА). Они является особым видом общественного объединения, чья деятельность в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры и регулируется Федеральным законом от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» закрепляет наиболее важные права НКА. К основным направлениям деятельности НКА относится создание культурных центров, благотворительных фондов, учреждений и организаций культуры и образования, обеспечение информационного обмена, проведение этнокультурных мероприятий, защита этнокультурных прав и интересов граждан Российской Федерации в органах исполнительной и законодательной власти, организация пропагандистской и агитационной работы, организация национальных праздников и мероприятий, посвященных межнациональному диалогу. НКА предоставлены широкие права по сохранению самобытности, языка, развития образования и культуры народов России, со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления они вправе получать поддержку.

Но возвращаясь к проблемам в регионе, следует отметить, что они по-прежнему группируются, вокруг реализации реформы МСУ в земельном аспекте; конкуренции этнических групп в сфере собственности, политики и доступа к власти; упрочения этнократических тенденций; самоорганизации Терского казачьего войска, самочувствия мусульманской общины и конфликтов с этнической компонентой. Это требует инновационных подходов к стимулированию притока инвестиций в округ, созданию индустриальных парков, поощрению развития фермерских хозяйств в горных районах. В специальной разработке и экспертизе нуждаются вопросы гибкого использования механизмов налогообложения, кредитования, государственных займов, строительства социального жилья. Также актуально ведение предметной и «прозрачной» борьбы с коррупцией, клановостью, взяточничеством. Однако в целом временные социально-экономические трудности не вызывают открытых массовых проявлений протестных настроений, нет предпосылок и для идейной и политической оппозиционной мобилизации населения и общественно-политических сил [4, 5-6].

Примечания:

1. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени. Доклад программной группы по развитию кавказоведческих исследований в КБГУ. Нальчик, 2013.

2. Федеральная служба государственной статистики России/[Электронный ресурс]/Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rostat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641

3. Официальный сайт полномочного представителя Президента России в СКФО /[Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru/society/os/>
4. Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО
5. Экспертный доклад по состоянию на первое полугодие 2015 года): /Под ред. В. А. Тишкова. Ставрополь, 2015. 126 с.
6. Муртузалиев С. И. Регулирование этноконфессиональных отношений в субъектах СКФО/Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2014. С. 44-54.
7. Усова Ю. В. Политические процессы в России: современные реалии и перспективы // Научно-политический журнал Обозреватель — Observer, 2012. № 6 (269). С. 5-13.
8. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2015 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666/[Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/node/298145>
9. Туаева Б. В. Этнокультурная природа Северного Кавказа (вторая половина XX — начало XX вв.) // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2009. № 3. С. 153-159.
10. Усова Ю. В. Проблемы трансформации и особенности политического имиджа правящей элиты России в постсоветский период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-1. С.181-184.

Б. М. Бирагова,
к. полит. н.нс СОИГСИ ИМ. В. И. Абаева,
(г.Владикавказ)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ДИАСПОР ТУРЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается генезис и современное состояние общественных организаций северокавказских диаспор Турции, анализируется их мобилизационная роль во внутренней и внешней политике Турецкого государства.

Ключевые слова: общественные организации, мухаджирство, северокавказские диаспоры, Турция, внутренняя политика, внешняя политика.

The article examines the genesis and current state of public organizations of North Caucasian diasporas of Turkey and their mobilization role in internal and foreign policy of Turkey.

Keywords: social organizations, the muhajirun, North Caucasian diasporas, Turkey, internal policy, foreign policy.

История и последствия переселения северокавказских народов (черкесы, чеченцы, дагестанцы, осетины и др.) в Османскую империю в ходе Кавказской войны (1817–1864), известного как мухаджирство, легли в основу целого ряда художественных произведений и широко изучены исторической наукой [1]. Однако научный и практико-политический интерес к проблематике северокавказского мухаджирства не ослабевает.

Известно, что в основе массового исхода кавказских народов Турцию лежали причины политического, экономического, социокультурного характера: 1) колониальная политика царской России на Кавказе; 2) авантюризм горских феодалов (алдаров, баделят), стремление «спастись» от крестьянской реформы переселением со своими крестьянами в Турцию; 3) двойной гнет царизма и местных феодалов, острая нехватка земли для крестьян; 4) пропагандистская работа Оттоманской Порты, которая агитировала за переселение горцев Кавказа в Турцию; 5) религиозная общность горцев-мусульман Кавказа с Турцией» [2].

Несмотря на широкую изученность причин и последствий северокавказского мухаджирства, сегодня эта тема приобрела новое звучание не только в качестве объекта научного исследования, но и феномена политической и геополитической значимости. Данную трансформацию определили сразу несколько факторов.

Сформировавшаяся в Турции многотысячная полиэтничная северокавказская диаспора весьма органично вписалась в социально-политический и этнокультурный портрет страны, многие представители диаспоры стали ее видными политическими, научными, военными, культурными деятелями [3], не говоря уже о роли ее в качестве мощного электорального ресурса. Тем не менее в диаспорной среде сохраняется неоднозначное отношение к переселению: с одной стороны, бытует мнение об ошибочности и недальновидности сделанного в 19 веке исторического шага; с другой стороны, велико число людей, экстраполирующих историческую обиду на современную Россию. Последняя тенденция особенно остро проявляется в периодически обостряемом как в самой Турции, так и на Западе требовании о признании «черкесского геноцида» со стороны Российской империи, которое превратилось в инструмент международного политического шантажа и давления в отношении России, аналогично проблеме армянского геноцида — для Турции.

Другим важным фактором трансформации роли северокавказских диаспор стала интенсификация с развалом СССР контактов диаспор с исторической родиной — республиками Северного Кавказа: Кабардино-Балкарией, Адыгеей, Северной Осетией-Аланией, Чечней, Ингушетией, Дагестаном. Интенсифицировались не только личностные контакты, но и официальное сотрудничество диаспор с министерствами и ведомствами национальных республик РФ в области культуры, образования, науки, что превратило северокавказские диаспоры в непосредственных акторов этнокультурного взаимодействия уже на транснациональном уровне. Основополагающую роль в этом процессе сыграли диаспорные общественные организации, которые оформились в Турции в реальную социально-политическую силу, основанную на этническом фундаменте.

Генезис общественных организаций северокавказских диаспор Турции позволяет анализировать процесс социальной, политической и культурной эволюции северокавказских переселенцев в рамках турецкого общества и государства.

Несмотря на изначально полиэтничный состав северокавказских переселенцев, известно, что последние, независимо от этнической принадлежности, в социально-политическом обиходе именовались «черкесами» по причине преобладающей численности черкесов (адыгов). Не случайно первые общественные организации уже в самих названиях содержали определение «черкесский», либо «кавказский».

Следуя хронологическому принципу, можно выделить такие северокавказские (черкесские) организации, как: «Черкесское общество единения и взаимопомощи» (1908), «Комитет независимости Кавказа» (1914), «Общество

взаимопомощи черкесских женщин» (1918), Общество взаимопомощи «Дружеская рука» (1946), «Северокавказское общество турецкой культуры и взаимопомощи» (1951), «Северокавказское культурное общество» (1961). Эти организации, как указывают их названия, осуществляли культурно-просветительскую (обучение на адыгском языке, издание книг, газет, сбор фольклорного материала, организация танцевальных вечеров и т.д.), социально-интеграционную (поддержание социальной солидарности в инокультурной среде, поддержание связи с исторической родиной) и благотворительную деятельность.

Между тем, провозглашая гуманитарные цели, идеологи диаспорных организаций, безусловно, были устремлены к выполнению сверхзадачи — сопротивлению ассимиляции, насильственному «отуречиванию», имевшему место. В 1960-1970-х гг. в диаспорных печатных органах активизировалась пропаганда северокавказской культуры в турецком обществе, требования предоставления культурных прав, реинтеграции с исторической родиной. Проявлением националистической «возвращенческой» идеологии стало «проведение с середины 70-х гг. ежегодных «дней памяти и траура» 21 мая, в годовщину официального окончания Кавказской войны в 1864 г., ознаменовавшегося массовым исходом черкесов и других горцев в Османскую империю» [4]. Знаковым событием стало переселение в конце 80-х гг. из Турции в Кабардино-Балкарию и Адыгею некоторого числа сторонников «возвращенческой» линии. Поворотным же моментом в деятельности диаспорных северокавказских организаций можно считать масштабные по размаху и географии участники памятные мероприятия в Анкаре в мае 1989 г. по случаю 125-й годовщины окончания Кавказской войны, давшие старт процессу учреждения первой транснациональной адыго-абхазской организации — Международной черкесской ассоциации (учреждена в Нальчике в 1991 г.).

По мнению известного тюрколога Г.В. Чочиева, именно в конце 80-х — начале 90х гг. «началось постепенное утверждение в правящих кругах как Турции, так и России восприятия черкесов как достаточно значимого транснационального актора в переднеазиатско-кавказском регионе, что сопровождалось заметной активизацией контактов диаспорных элит с официальными структурами обоих государств» [5].

В этот же период важным этапом в жизнедеятельности северокавказских диаспор стало постепенное вычленение этносов из обезличивающего их надэтнического сообщества «черкесы» и постепенная имплементация их самостоятельного этнического статуса в общественно-политическом пространстве Турции. Эту тенденцию весьма точно описывают исследователи мухаджирского движения А. Кушхабиев и А. Магомеддаев: «В первые годы представители северокавказских диаспор проводили работу в единых культурных обществах. Со временем наметилась тенденция к сепаратизму в среде меньших в численном отношении диаспор. Стали появляться отдельные абхазские, дагестанские, чеченские, карачаевские и осетинские организации. Этот процесс активизировался в 1990-е гг. и был обусловлен, прежде всего, стремле-

нием указанных диаспор сохранить свою (абхазскую, чеченскую и др.) этническую культуру» [6].

По данным Турецкого института статистики, численность населения в северокавказских диаспорах в 2015 году составила: черкесы — 1,5 млн, чеченцы — 101 тыс., ингуши — 70 тыс., балкарцы — 70 тыс., осетины — 60 тыс., аварцы — 53 тыс., лезгины — 3 тыс. [7]. Сегодня на турецком внутриполитическом ландшафте функционирует свыше 100 северокавказских общественных организаций, самыми крупными из которых являются:

1) черкесские (наиболее многочисленные): Федерация черкесских ассоциаций (Çerkes Dernekleri Federasyonu); Узуняйлинское кавказское общество культуры и взаимопомощи (Uzunyayla Kafkas Kültür Ve Yardımlaşma Derneği); Кавказское культурное общество (Kafkas Kültür Derneği); черкесские культурные общества в Анкаре, Бурсе, Токате, Бандырме, Балыкесире, Рейханлы и др.

2) осетинские: Фонд культуры и взаимопомощи «Алан» (Alan Kültür Ve Dayanışma Vakfı); Осетинское аланское общество (Oset Alan Derneği); Всемирное аланское общество (Dünya Alan Derneği); Фонд помощи и солидарности «Пойразлы» (Poırazlı Köyü Yardımlaşma Derneği);

3) дагестанские: Фонд образования и культуры имени Шамиля (Şamil Eğitim Ve Kültür Vakfı); Дагестанское культурное общество г. Бурса (Dağistanlılar Kültür Derneği); Культурное общество «Дагестан» (Dağistan Kültür Derneği);

4) чеченские: Чеченское кавказское культурное общество (Çeçen-Kafkas Kültür Derneği) и др.

Кроме того, существуют организации со смешанным этническим представительством: Инициатива за права черкесов (Çerkes Hakları İnişiatifi); Кавказский форум (Kafkasya Forumu); Общество кавказской культуры и традиций г. Ялова (Kafkas Kültür ve Yaşatma Derneği) и др., а также «общекавказские» организации — интеграционные структуры, состоящие из различных кавказских диаспорных организаций: Федерация кавказских обществ (Kafkas Dernekleri Federasyonu) с 60 организациями-членами, созданная в 2003 году на основе «Кавказского общества Турции» (Türkiye Kafkas Derneği, 1993); Федерация обществ единого Кавказа (Birleşik Kafkas Dernekleri Federasyonu), созданная в 2004 г. в Анкаре из 15 северокавказских обществ (8 из них представляют дагестанскую, чеченскую и карачаево-балкарскую диаспоры, 7 — адыгскую и абхазо-абазинскую); Кавказский фонд (Kafkas Vakfı), организация умеренно-исламистской направленности, основанная в 1995 г. в Стамбуле.

Все эти организации сегодня осуществляют в Турции не только культурно-просветительские и благотворительные функции, но и в той или иной степени играют роль в постулировании и имплементации интересов северокавказских диаспор как на внутриполитическом, так и на внешнеполитическом уровнях.

На внутриполитическом уровне общественные организации северокавказских диаспор Турции выступают своего рода катализаторами умеренного этнического национализма, выдвигая целый ряд политических требований: признание на государственном уровне статуса национального мень-

шинства, обеспечение культурных прав, поддержка структур гражданского общества и т.д.

На внешнеполитическом уровне диаспорные организации не менее активно позиционируют себя в качестве оформившейся социально-политической силы. При этом необходимо отметить два разнонаправленных вектора в их деятельности, которые условно можно обозначить как «антироссийский» и «пророссийский». В первом случае речь идет о периодическом «раскачивании» «черкесского вопроса». Во втором случае свидетельства могут служить сбор гуманитарной помощи и массовые проабхазские и проосетинские митинги в период грузино-абхазского (1992–1993, 2008) и грузино-югоосетинского конфликтов (1991–1992, 2008), признание на уровне Федерации кавказских обществ независимости Южной Осетии и Абхазии, международные мероприятия и проекты, нацеленные на более тесное взаимодействие с исторической родиной — Северным Кавказом и, следовательно, Россией и т.д.

В этой связи можно прогнозировать, что мобилизационные возможности общественных организаций северокавказских диаспор будут расти на фоне активизации международного сотрудничества России и Турции и растущего интереса диаспорных организаций к научному, культурному и экономическому взаимодействию с республиками Северного Кавказа.

Примечания

1. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865) // Известия СОНИИ, т. XIII, вып. 1. Дзауджикау, 1948; Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. Россет, 1994. 592 с.; Чочиев Г.В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк). Известия СОИГСИ, №4 (43) 2010 г. С.48-66; Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик, ИЦ Эль-Фа, 2007, 320 с.; Магомеддадаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Махачкала, 2001. 201 с.; Бадерхан Ф. [Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 120 с.; Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005. 111 с.; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. 530 с.; Сичкарь А.В. Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю (50-60 — е г. XIX в.): причины, характер, последствия: Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Владикавказ 2009, 210 с.

2. Дзидзоев В.Д. История и судьба кавказских переселенцев в Турцию (50-е — 70-е годы XIX в.) // Дарьял. 2008. №1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2008_1/dzidzoev.shtml. Дата обращения: 01.07.2016.

3. Мамсурова И. Турецкие осетины — дипломаты, министры, генералы // [Электронный ресурс]. URL:<http://sputnik-ossetia.ru/columnists/20151021/753769.html>. Дата обращения: 01.07.2016.

4. Чочиев Г.В. Черкесское движение в Турецкой Республике: деятельность северокавказских диаспорных организаций в 1945-2015 гг. // Известия СОИГСИ. 2015. №17 (56). С.80-81.

5. Чочиев Г.В. Черкесское движение в Турецкой Республике: деятельность северокавказских диаспорных организаций в 1945-2015 гг. // Известия СОИГСИ. 2015. №17 (56). С.82.

6. Кушхабиев А.В., Магомеддадаев А.М. Деятельность общественных организаций северокавказских диаспор в Турции. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-obschestvennyh-organizatsiy-severokavkazskih-diaspor-v-turtsii>. Дата обращения: 01.07.2016.

7. Официальный сайт Турецкого института статистики. Раздел «Population and Demography». [Электронный ресурс]. URL:<http://www.turkstat.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>. Дата обращения: 01.07.2016.

Л. Р. Машезова
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ЦЕННОСТЬ И МОТИВЫ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛАЗАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматриваются особенности формирования образа будущей профессии у молодежи северокавказского региона, необходимость получения высшего профессионального образования, какими мотивами руководствуются молодое поколение и их родители и с чем это связано: спецификой региона, ментальностью населения или рынком труда.

Ключевые слова: образование, мотив, рынок труда, молодежь, профессия.

The article considers peculiarities of forming the image of the future profession of the youth of the North Caucasus region, the need for higher education, what motivates the younger generation and their parents and what is the reason: the specificity of the region, mentality of the population or the labour market.

Key words: education, motive, labor market, youth, profession.

Образование, формируя мышление и мировидение человека, оказывает значительное влияние на его дальнейшую жизнь. А от высшего образования, от качества овладения избранной профессией зачастую во многом зависит будущее молодого человека. В связи с этим важно знать, насколько сегодня для молодежи важно получения высшего образования, какие мотивы побуждают ее поступить в высшее учебное заведение.

Образование является одной из основных сфер жизнедеятельности общества, важным фактором формирования и обогащения интеллектуального ресурса общества, залогом ее самостоятельности и конкурентоспособности.

В современном мире с его все усложняющимися общественными связями, диалогом культур, ускорением ритма социальных изменений от молодого человека требуется широта мироощущения, понимания происходящих трансформаций и видения будущего общества, необходимость успевать за эволюционными законами. Образование следует предать опережающий характер. Чтобы его влияние соответствовало будущему состоянию общества, необходимо во всех областях жизни проводить соответствующие перемены. При этом образование должно носить первостепенный характер. Но если мы

принимая новую модель образования, то следует понимать, что эта новая модель должна быть одобрена на всех уровнях. Идеологическая задача заключается в создании единого образовательного пространства. Утверждение основных ценностей должно происходить во всех сферах общества, включая и образование. Уровень человеческих знаний, уровень духовно-нравственного развития должен постоянно возрастать.

Северный Кавказ — один из самых полиэтничных регионов России, на территории которого проживают близкие по культуре народы. Их объединяют схожие ценности и духовные идеалы, которые следует сохранить, укрепить и передать последующим поколениям. Эта задача во многом возлагается на современную молодежь.

Как отмечает С.К. Савин, молодое поколение делает свой жизненный выбор в период нормализации результатов экономических и социальных реформ постсоветской России. И все же, потеря социально-нравственных идеалов и изменения ценностных норм до сих пор не позволяют обществу стабильно развиваться. Стремительные перемены, как в России, так и во всем мире требуют научного объяснения поиска новых форм объединения общества и достижения компромисса по особо важным направлениям развития страны и мира, а также выработки основных путей достижения поставленных целей [1, 21].

Сегодня налицо кризис ценностей и норм у молодежи. В ее среде постоянно происходит пересмотр нравственных ценностей старших поколений, отступление от социокультурного наследия. На что же может опираться молодежь в своем самоопределении и утверждении своего места в мире полных свобод и возможностей? К какой системе ценностей себя определить?

Ценности и нормы, которыми обладает молодежь, в общем, могут дать представление о том, как она соотносит себя с окружающей реальностью, имеет ли возможность себя реализовать в ней и т.д. [2, 124]

Духовно-нравственная составляющая общества в изменяющихся условиях современности является важной сферой жизнедеятельности. Молодежь является основным субъектом воспроизводства духовных норм и ценностей общества, и именно на нее возлагаются надежды на воспроизводство социокультурных образцов и трансляцию их будущим поколениям. Реагируя на культурные вызовы времени, она тем самым расширяет свои духовные потребности и интересы. Основным источником духовного обогащения является достойное и качественное образование.

Для молодежи образование уже не представляет самостоятельной ценности и является в основном средством продвижения в обществе. В последнее время наблюдается заметные шаги в целевых ориентациях молодежи, связанные с подчинением ценности образования задачам личного обогащения. Говоря иначе, образование ценится настолько, насколько оно прибыльно и статусно. Несмотря на любые изменения в обществе, в ценностных ориентациях молодежи продолжают доминировать целевые жизненные установки на получение привлекательной и престижной профессии, хоро-

шей работы. Образование на Кавказе — в первую очередь определенный статус. Поступление в вуз для молодых людей скорее экономическое предприятие, нежели духовная потребность, в связи с этим наиболее популярны направления «Экономика», «Юриспруденция», «Менеджмент» и т.д. В средней полосе России статусная позиция выпускника обычно определяется брендом учебного заведения. На Кавказе же на первый план выходит количество полученных образований. Два-три высших, хотя и не в самых лучших вузах, образования предпочтительней одного в престижном [3].

М. С. Блинова и А. В. Сериков связывают это с сосуществованием индивидуалистических (новых) ценностей сегодняшней российской молодежи и специфических (традиционных). Исследования, проведенные учеными в республике Адыгея, установили, что среди адыгской молодежи стали актуальны этнические ценности. Молодое поколение не только интересуется, но и в достаточной степени знает свои обычаи. Кодекс моральных и этических правил поведения в обществе («адыгагъэ») не считается респондентами как пережиток прошлого, напротив, молодежь старается следовать его нормам в повседневной жизни. Они полагают, что Адыгэ Хабзэ регулирует повседневное индивидуальное и групповое поведение [4]. Но популяризация традиционных ценностей не исключает тяги к западным индивидуалистским ценностям. На первое место все же молодежь предпочитает ставить материальный достаток. Этим и объясняется выбор профессии.

Важно отметить, что реформа высшего профессионального образования в северокавказском регионе направлена на подготовку выпускников к работе в условиях инновационного развития современной России.

Поэтому принципиально важно, чтобы у будущих специалистов формировался качественно новый уровень личностной и профессиональной культуры и образованности. В регионах Северного Кавказа социокультурная ситуация состоит не в различиях типов культур, а моделей культурного поведения. Важная роль отводится здесь развитию поликультурного образования [5].

Нами был проведен опрос среди студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им Х. М. Бербекова 3-4 курсов в составе 125 человек. У всех спрашивалась мотивация поступления в высшее учебное заведение. Для большинства опрошенных (51 %) важно стать высококлассным специалистом, что можно достигнуть, обучаясь в вузе. На втором месте (38 %) студенты, для которых основным мотивом обучения в вузе является получение диплома. Для этой категории молодежи важно получить глубокие и основательные знания. На третьем месте (11 %) оказались те, кто рассматривает вуз как место развлечения и знакомств с новыми людьми.

Таким образом, можно констатировать, что главными мотивами получения высшего образования являются овладение профессией и получение знаний, а также важно и документальное подтверждение, т.е. получение диплома.

Формируя культурное высшее профессиональное образование в регионах Северного Кавказа необходимо определить и обосновать язык преподавания в вузах.

Полиязычный регион представлен дагестанской, нахской, абхазо-адыгской, алтайской, иранской и индоевропейской языковыми группами [6, 220].

Итогом поликультурной образовательной программы в школах А. С. Косогова и М. Б. Дьякова считают воспитание социально зрелого выпускника, который был бы способен сделать осознанный выбор своей будущей профессии в соответствии со своими личными устремлениями, потребностями региона в кадрах [7].

Сегодня остро стоит проблема построения высшего профессионального образования, учитывая многоэтничность и поликультурность северокавказского социума. Поэтому необходима гибкая языковая политика, важно создать условия для воспитания личности в духе толерантности, согласия и веротерпимости [6, 221].

Однородность национального компонента в общеобразовательных учреждениях некоторых республик региона влияет на уровень владения языком, в частности, русским, который является языком преподавания в учреждениях высшего профессионального образования. Особо остро этот вопрос стоит в Чеченской республике, где преобладает моноязык — чеченский. В результате для вузов Северного Кавказа и в целом для России возникает проблема двуязычия. В ходе этого появляется молодежь, неприспособленная к профессиональной деятельности. Положение усугубляется ее ориентированностью исключительно на популярные профессии без учета своих возможностей, и это способствует развитию в регионе социального напряжения. При этом спрос на высшее образование в северокавказском регионе стремительно растет [8].

Никто не хочет овладеть рабочими профессиями, например, плотника, слесаря, агронома, строителя и т.д. Большая часть стремится стать экономистами, врачами и юристами, в то время как никаких предрасположенностей к названным специальностям могут и не иметь. С каждым годом увеличивается число выпускников, поступающих в другие крупные города России, а зачастую и зарубеж. Это связано с потребностями молодежи получать достойное образование.

Но в последнее время стали приниматься заметные меры по улучшению уровня образования по месту жительства при минимальных затратах.

Этот фактор имеет как плюсы, так и минусы. Появление филиалов крупных российских вузов в регионе делает высшее образование более доступным для молодежи. С другой, при формировании негосударственных вузов заметна тенденция не на реальные запросы рынка труда, а на учет престижности. Обучения будущим профессиям в ряде вузов региона происходит без учета рыночной стратегии развития местной экономики, производства, социальной сферы. Это значительно сказывается на качестве образования, мотивации учащейся молодежи на учебу, поэтому на рынок труда в регионах

выходит недостаточно хорошо подготовленная молодежь. Все это включает тот факт, что в регионах система высшего образования не решена, равно, как и по стране.

Как же обстоит дело с проблемой трудоустройства вообще и по специальности, в частности? В первую очередь, на это влияет рынок труда, потребность специалистов данного профиля в сферах производства, экономики, культуры, образования.

Многие молодые люди предпочитают работу по специальности. Но ввиду безработицы согласны на любую работу, лишь бы она хорошо оплачивалась. Для остальной же части работа имеет жизненный интерес, если дает возможность реализовать, в первую очередь, свои личные интересы и планы. Для молодежи северокавказского региона в поиске работы характерно полагаться на связи родителей. Это плодит клановость.

В итоге специфика российского рынка создает трудности послевузовской адаптации большинства российских выпускников.

Непопулярность выбранной профессии либо низкая оплата труда в основных секторах экономики (промышленность, образование, здравоохранение, наука и др.) влечет к массовому перепрофилированию выпускников вузов [9, 40].

Сегодня северокавказская политика в высшем профессиональном образовании связана с обновлением его содержания и структуры, адаптацией к рынку труда, финансированием науки, информатизацией, языковым регулированием, разработкой и признанием историко-культурной концепции преподавания основ религий, правовым положением учреждений высшего религиозного образования, массовостью, устойчивостью, гибкостью, активностью, конкуренцией в высшем профессиональном образовании.

Заключая исследование, считаем, что стремление молодежи к образованности — основа сохранения и приумножения интеллектуального капитала в обществе. Но ценны полученные знания при условии их дальнейшего применения на практике. Направленность на получение образования и после школы у молодежи региона и их родителей во многом объясняется стремлением расширить поле возможных достижений. Молодежь, в принципе, не прочь овладеть при этом еще и знаниями — однако знаниями, способствующими реализации ее устремлений. Рвение к образованию соединяется в сознании молодежи с пониманием того, что знание само по себе не гарантирует высокого, а часто и сколько-нибудь достойного социального положения.

Примечания

1. Савин С.К. Формирование мировоззрения молодежи Российской Федерации в современных условиях. М., 2006. 138 с.
2. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // СоцИс. 2000. №3.
3. Акопова М.А. Проблемы социально культурной идентичности

молодёжи Северного Кавказа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://budennovsk.org/?p=68567>. (Дата обращения: 10.05.2015 г.).

4. Блинова М. С. и Сериков А. В. Трансформация ценностей молодежи Юга России: конфликтологический аспект/[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evrazia.org/article/2074>. (Дата обращения: 11.05.2015 г.)

5. Бермус А. Г. Концептуальные и методологические основы педагогической поддержки в поликультурном социально-воспитательном пространстве/[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rspu.edu.ru/science/conferences>. (Дата обращения: 12.05.2015 г.)

6. Говердовская Е. В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения. // Гуманитарные и социальные науки, 2011 г.

7. Косонова А. С., Дьякова М. Б. Поликультурная среда в многонациональной школе как условие успешной адаптации выпускников // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 3. с. 44-48 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.science-education.ru/22 (Дата обращения: 10.04.2015 г.)

8. Закон Российской Федерации «Об образовании» (в редакции Федерального закона от 13 января 1996 г. №12-ФЗ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10105933/>(Дата обращения: 23.04.2015 г.)

9. Аврамова Е. М., Верпаховская Ю. Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания. // СоцИс. 2006. №4.

А. А. Ефремова,
студентка, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС
(г. Пятигорск)

ФИНАНСЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СЧАСТЬЯ

В статье рассматривается философское понятие — счастье и его возможная зависимость от денежного фактора. Представлены данные, касающиеся духовно-нравственного и физиологического стимулирования процесса, а также исследования этого вопроса учеными.

Ключевые слова: счастье, деньги, жизненные цели, нейромедиаторы, саморазвитие и самосовершенствование.

The article discusses the philosophical concept of happiness and its possible dependence on the money factor. Presents information concerning spiritually-moral and physiological stimulation process, as well as research scientists.

Keywords: Happiness, money, life goals, neurotransmitters, self-development and self-improvement.

Направленность ученых в сторону изучения счастья за последние годы резко возросла. Все чаще предпринимаются попытки исследовать данный феномен. Это свидетельствует об особой заинтересованности и важности этой тематики для общества.

С древнейших времен человечество задавалось вопросом о природе, значении и методах обретения состояния счастья. Дать однозначные рекомендации для его достижения не могут и современники. Тем не менее, мы постоянно встречаемся, испытываем и размышляем о нем, желая приблизить и удержать.

Основной задачей работы является рассмотрение понятия счастья и возможности зависимости его ощущения от высокого количественного показателя финансовых ресурсов.

Для начала необходимо определить смысл понятия. Счастье — это особое чувство удовлетворенности и душевного подъема, сопровождающиеся повышением общего жизненного тонуса человека.

Что же порождает этот процесс? Для каждого человека есть собственный стимулирующий фактор, но существует и объединяющая абсолютно всех людей составляющая — это достижение заранее определенной, желаемой цели. Всякий человек, вне зависимости от пола, возраста, интеллектуальных способностей и социального статуса имеет какое-либо глобальное желание. Оно может касаться достижения духовных высот и развития, создания семьи

и обеспечения её благополучия, движения по карьерной лестнице, занятие достойного положения в обществе и т.д.

Но почему, же все мы имеем столь непохожие желания? Стоит, обратить внимание на абсолютное различие людей во всех, как моральном, так и физическом, планах. Помимо биологических предпосылок, нас всех с рождения формирует внешняя среда, к которой мы приспосабливаемся. Каждый из нас находится в условиях, отличных от другого человека. Те отношения, условия, порядки, реакции, существующие приоритеты, имеющиеся в окружающей среде, являются главными создателями наших взглядов, манер поведения, представлений о нормах.

Счастье для человека — это ощущение определенного равновесия, когда в жизни присутствуют все желаемые и необходимые, по его мнению, составляющие. А обрести люди стремятся все то, чего, как им кажется, каждому не достаёт. Это может быть как материальное, так и духовное звено. И чаще всего ощущение недостатка в чем-либо формируется в детстве. Взрослея, человек все четче определяет, чего ему необходимо достичь, и стремительно движется к цели, применяя все возможности. Исполнение желаний является стимулирующей основой для ощущения счастья. А воплотить грезы в жизнь можно, поэтапно реализуя намеченный жизненный план. При этом каждому необходимы ресурсы и способности, которые зачастую зависят друг от друга [1]. Потому как даже развитие задатков требует вложения различного рода средств.

Возвратившись к теме работы. Возникает вопрос, а могут ли деньги сделать людей счастливыми? Однозначного ответа на него нет. Все зависит от степени развитости человека, его взглядов, приоритетов и т.д. Конечно, однозначно утверждать, что счастье зависит от денег, — глупо, это всего лишь ресурс. Но все же уровень доходов способен влиять на ощущение человеком счастья. Ведь удовольствие от жизни люди могут испытывать, когда имеют возможность удовлетворить потребности и не чувствовать напряженности, связанной с их обеспечением. Деньги, как таковые, — отличный мотиватор, но они не являются объектом, приносящим упоение [2]. Их можно обменять на какие-то предметы, но непосредственное удовольствие, получаемое от самих денежных средств, не велико.

Стремясь заполучить финансовые ресурсы для реализации конкретной цели, человек может обеспечить ощущение счастья, но длительность его будет зависеть от самой цели. Любая материальная вещь радует обладателя ограниченное количество времени, в то время как нравственно-духовное обогащение, полученное от рационального использования средств, способствует развитию человека. Осознание данного факта создает чувство внутренней удовлетворенности на долгое время.

Но что же влияет на наши цели? Нам кажется, что мы сознательно решаем, чего мы хотим на основании тех или иных соображений. Фактически мы лишь объясняем этим свои поступки. Все активные порывы и стремления человека формирует подсознание, на которое опять же влияет среда и все происходящее. Возможность влияния, а значит, возможность частичного управления

человеческими поступками осознают и используют при помощи СМИ в своих интересах различные ТНК и другие предприятия. Часто создавая иллюзорные перспективы, бессмысленные стремления, стандартизируя мышление людей, приостанавливая их в развитии. Большие потоки информации, часто не имеющие важной смысловой нагрузки, препятствуют формированию отчетливых направлений жизнедеятельности. Генерируя в обществе культ потребления и вещизма, часто переходящего в ониоманию. Это приводит людей к переоценке значимости денежного фактора. В обществе развивается устойчивый стереотип связи счастья и финансового изобилия. Эту тенденцию можно назвать массовой и даже глобальной. Однако ситуация не так плачевна, как кажется на первый взгляд.

В странах Западной Европы, Северной Америки и России было проведено множество исследований, изучающих зависимость увеличения ощущения счастья от роста располагаемых финансов. Их результаты, как ни странно, имеют много общего. Согласно исследованиям, чувство счастья растет пропорционально росту доходов. Но когда его уровень достигает определенной цифры (в Европе, к примеру, 60 тыс. евро в год) или превышает её, ощущение психологического благополучия больше не усиливается. А зачастую даже наоборот. Люди, добившись материального благополучия, погружаются в еще большее уныние, чем в те времена, когда они ставили задачу разбогатеть. До тех пор, пока человек имеет далекую цель овладеть будущим благом, он с упорством двигается в этом направлении: ведь впереди достижение сокровенного. Но стоит только человеку прийти к цели и осознать тот факт, что материальный достаток не сделал его внутренней составляющей удовлетворенной, так как финансы лишь обеспечивают внешние потребности, и его уже больше ничто не радует. Он переполнен нигилистическим чувством отчаяния и безнадежности, ведь он получил то, что в его понимании и было пределом мечтаний. Разбогатевшим человеком овладевает страх потерять нажитое, стремясь приумножить капитал, он загоняет себя в замкнутый круг постоянной работы. Такую жизнь вряд ли можно назвать счастливой.

Несмотря на то, что за последние пятьдесят лет население во многих странах стало богаче, исследования не констатируют повышения уровня счастья, а зачастую этот уровень даже понижается [3]. Ученые пришли к выводу, что доходы оказывают вполне определенное, хотя и не решающее, влияние на счастье. Есть основания предполагать, что в последние годы это влияние имеет тенденцию к снижению. Анализируя результаты исследований, специалисты делают вывод, что мир сегодня движется к признанию приоритета социально-экономических ценностей более важных, чем ценности исключительно материального благополучия.

Американские ученые Н. Кристакис и Дж. Фаулер, опираясь на данные своего исследования, утверждают, что счастье, как и политические пристрастия, депрессия и другие явления, распространяется внутри социальных общностей. По мнению ученых, позитивное восприятие жизни не зависит от наличия или отсутствия денег. Решающий фактор — это среда, в которой живет человек.

Если в его окружении преобладают уверенные, счастливые и добрые люди, их мироощущение передается и ему. Людям присуще настраиваться на волну тех, с кем они находятся рядом. Причем организму свойственно регулировать даже биологические механизмы, позволяющие прийти к схожим, с приятным чело-векком, показателям (имеется в виду гормональная составляющая).

Что заставляет нас чувствовать себя счастливыми? С точки зрения физиологии, ощущение радости активизирует совокупность биологически активных химических веществ. В организме выделяется определенный набор нейромедиаторов — эндорфинов, серотонинов и дофаминов. Они и создают всеохватывающее ощущение удовольствия и счастья. Но что же провоцирует выработку этих гормонов, с обыденно-ситуационной точки зрения? Определено, множество причин. Наш организм реагирует выбросом нейромедиаторов на поступление в организм человека определенных видов продуктов имеющим в составе глюкозу и аминокислоту триптофан, успешное преодоление физических и психологических нагрузок, занятие любимым делом, смех. Финансового аспекта в этом перечне нет.

Поводов, способных активизировать упоение, с годами все меньше. Радость слабее именно из-за постепенного привыкания наших рецепторов к количеству поступающего вещества. Поэтому быть счастливым, как ребенок, взрослому человеку, без веского довода, нелегко. Но здесь все зависит от внутреннего настроя, который чудесным образом влияет на выброс нейромедиаторов нашим организмом, то есть этим процессом мы можем управлять самостоятельно, без применения синтетических веществ, которые могут привести к их избытку. Переизбыток может быть опасен, вызывая эйфорический эффект, сменяющийся понижением концентрации и отсутствием реакции на привычные дозы нейромедиаторов, провоцируя депрессивные состояния. Впоследствии у человека развивается чувство зависимости, которое сродни наркотическому.

Так вот, и деньги могут быть как средством достижения целей, так и вызывать своеобразную зависимость, обуславливая желание постоянно приумножать финансовые ресурсы. Их роль в жизни определяется самим человеком, кому-то само наличие денег может доставить удовольствие. Но оно очень недолгосрочно, ведь все, к чему привыкает человек, так же, как с нейромедиаторами, постепенно перестает приносить радость, становясь обыденностью. А кто-то приходит к выводу, что счастье — это реализация желаемой модели жизни. Он, ставя перед собой задачи, относящиеся к собственному совершенствованию; реализации потенциала в приносящем удовольствие деле; формировании комфортной обстановки для жизнедеятельности близких, будет использовать деньги для планомерного осуществления задуманного. А наличие финансов будет означать не что иное, как возможность воплотить в жизнь желаемое, ощутить себя счастливее от приближения к глобальной и нематериальной цели. Имея осмысленное понимание того, чего хочет от жизни, человек способен достигнуть стремления, а значит прожить жизнь, имея существенный для самого себя смысл; прожить в гармонии с окружаю-

щим миром интересную, наполненную событиями, не бессмысленную жизнь. Жить, а не существовать — значит быть счастливым.

Имея жизненную цель — достижение достатка, человек не сможет обрести счастье, потому что финансы необходимо использовать как предмет обмена, способный помочь реализовать имеющиеся желания. И если эти желания не заключаются только в материальных аспектах и их воплощение помогает реализовать духовный потенциал, то в этом случае человек сможет ощутить себя поистине радостным и одухотворенным.

Деньги как фактор, способствующий достижению этого состояния, необходимы. Но они стоят на уровне с другими составляющими, такими, как крепкое физическое и психологическое здоровье, хорошие отношения с окружающими и приятный человеку круг общения, самореализация, философский взгляд на жизнь. Человек может и должен использовать деньги как одно из самых универсальных средств достижения поставленных целей. Важно еще раз подчеркнуть, что финансы не основа счастья, а всего лишь сопутствующий элемент.

Работу хотелось бы закончить словами лауреата Нобелевской премии мира Далай-Ламы XIV:

«К счастью можно прийти двумя путями. Первый путь — внешний. Приобретая лучшее жилище, лучшую одежду, приятных друзей, мы можем в той или иной степени обрести счастье и удовлетворение. Второй путь — это путь духовного развития, и он позволяет достичь счастья внутреннего. Однако эти два подхода неравноценны. Внешнее счастье без внутреннего не может длиться долго. Если жизнь рисуется вам в чёрных красках, если вашему сердцу чего-то недостает, вы не будете счастливы, какой бы роскошью себя ни окружили. Но если вы достигли внутреннего спокойствия, то можете обрести счастье даже в самых тяжелых условиях».

Примечания

1. Киселева Н. Н., Хубулова В. В. Структурная динамика хозяйства регионов Юга России // *Terra Economicus*. 2007. Т. 5. № 2-2. С. 145-149.

2. Мошкин И. В., Ожерельева О. Ю., Хубулова В. В. Социальный капитал как модернизационный ресурс российских регионов // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции Экономика, финансы и менеджмент: тенденции и перспективы развития. Волгоград, 2015. С. 97-99.

3. Мошкин И. В., Темирканова А. В., Ожерельева О. Ю., Хубулова В. В. Этическая экономика как фактор социокультурной консолидации общества // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 7 (60). С. 969-972.

4. Мошкин И. В., Хубулова В. В. Система сбалансированных показателей в моделях инновационного развития территории // *Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Управление политико-правовыми и социально-экономическими процессами в регионах*. Пятигорск: РАНХиГС. 2012. С. 94-102.

МАСТЕР-КЛАССЫ

Р. Г. Дзаттиаты,
 дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
 (г. Владикавказ)

ЕЩЕ РАЗ О СКИФСКИХ БЛЯШКАХ

*В статье дается подробное описание золотых бляшек с изображениями скифов; проводятся параллели между древними обрядами, в частности, освященными клятвой — **ard**-ом, на основе которых устанавливаются скифо-осетинские связи.*

Ключевые слова: скифы, клятва, осетины, одежда.

*The article presents detailed description of the gold plaques with images of the Scythians; parallels between the ancient ceremonies, in particular, which are sanctified with the vow — **ard** are given here, and Scythian-Ossetian relations are set their basis.*

Keywords: Scythians, vow, Ossetians, clothing.

Предметы скифского искусства, скифская торевтика, давно уже привлекли внимание историков, археологов, этнографов, искусствоведов. Они успешно и интересно интерпретируются, раскрывая перед нами смыслы и содержание сцен, объектов поклонения, предметов украшений, быта, вооружения и прочих артефактов, живо сохранивших картины быта, жизни, верований или иных представлений оставившего их народа.

Надо полагать, что ни один предмет из скифских древностей не остался без внимания, и вместе взятые они зримо воспроизводят наши представления об этом легендарном народе древности.

Наше внимание привлекают миниатюрные украшения одежды знатных скифов, хранящиеся в государственном Эрмитаже [1, табл.142, 196].

Одним из любопытных и неординарных обычаев скифов является обряд побратимства, замечательно воспроизведенный на золотых бляшках мастерами-граверами. Кем были эти мастера — установить невозможно, но они прекрасно были осведомлены о нравах и обычаях скифов, тонко подмечавшие нюансы совершения обряда побратимства, а это без личного знакомства со скифами вряд ли возможно, они могли быть скифами, мастерски овладевшими ювелирным искусством.

Проведем описание этих предметов.

1. В 1830 году П. Дюбрюксом в кургане Куль-Оба (около Керчи) была найдена золотая бляшка из листового металла размером 5х³,7 см, которая изображает двух скифов, пьющих из одного ритона или рога, при этом оба персонажа держат сосуд. Изображенный слева сидит, а субъект справа — коленопреклонённый. Оба персонажа в короткой плечевой одежде с опушкой, подпоясанный в талии. Оба в штанах свободного покроя с длинными штанинами, на ногах мягкая обувь, но правая нога сидящего скифа без обуви, т.е. он частично разут.

Рис. 1. Обряд побратимства. Курган Куль-Оба. IV в. до н.э.

Представляется, что этот персонаж старше: он сидит, да и рука его держит рог сверху. Видимо, он первый отпьет напиток из рога: края рога у него ближе к губам. Возможно, старшинство подчёркивается его разутой ногой. У

осетин, генетических потомков скифов, особое уважение к старшим проявлялось в мытье ног младшими (позднее эта функция выполнялась невесткой).

2. В 1913 году Н. Веселовским при раскопках Кургана Солоха (близ Запорожья) были найдены золотые бляшки, крепившиеся к штанам погребенного, и тоже с изображением двух персонажей, держащих рог или ритон, готовившихся выпить из него.

Рис.2. Братающиеся скифы. Курган «Солоха». I пол. IV в. до н.э.

Оба изображенных субъекта стоят на коленях, оба в плечевой одежде с расстёгнутым воротом. Оба длинноволосые. Фигуры слабо детализированы и выполнены менее искусно, чем бляшка из Куль-Оба.

За разъяснением сюжета, в первую очередь, обращаемся к «Истории» Геродота, автора V века до н.э., довольно красочно описавшего в четвертой главе «Мельпомена» многие обычаи и обряды скифов.

«Все договоры о дружбе, освященных клятвой, у скифов совершают так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом) Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» [2, 204].

Изображенные на бляшках скифы совершают именно этот обряд побратимства, причем побратимства военного порядка. Недаром в чашу погружают предметы вооружения. Обряд этот совершался не уединённо, а в присутствии уважаемых людей, что было, безусловно, как престижно, так и торжественно.

Обычай этот был настолько живуч и традиционен, что и автор уже I века Лукиан Самосатский в одном из своих диалогов устами своего персонажа скифа Токсарида говорит об этом обычае скифов. «И вот когда кто-нибудь из-

бран в друзья, происходит заключение союза и величайшая клятва: жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга.

При этом мы поступаем так: надрезав себе пальцы, мы собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба, держась друг за друга, пьем из нее, после этого нет ничего, что могло бы нас разъединить».

Эти бляшки и описание обычая обряда побратимства у скифов напоминает обычай «Ардхæрын» у осетин. Л. А. Чибиров в осетинской этнографической энциклопедии прямо указывает, что это наследие скифов и иллюстрирует известной бляшкой [4, 80]. При этом ссылается на В. И. Абаева, который «Ардхæрын» возводит к ард. Осетинское ard переводится в словарях «клятва», но этим ни в какой мере не исчерпывается его семантика. В таких выражениях как Хусawuard — Божий ard, заххуард — ard земли, adamyard — ard народа и др. ard выступает как магическая сила.

В прошлом этот термин имел, несомненно, культовое значение и анонимный автор V века был... совершенно прав, когда он аланское название Феодосия — Ardabda перевел «город семи богов» [5, 60-62].

М. М. Ковалевский, описывая систему искусственного родства-побратимства у осетин, упоминает и о **ard**. «Оно принадлежит, по-видимому, к числу исконных явлений в быте осетин, так как упоминание о нем можно встретить в сказании о любимом народном богатыре или нарте Урузмаге. Желая вступить между собою в ту тесную связь, которая обнимается понятием побратимства, обыкновенно пьют из той чаши, бросивши в нее предварительно какую-нибудь мелкую монету, при этом произносится молитва, чтобы братство навсегда осталось прочным и нерушимым. Нередко также следует между побратавшимися обмен оружия» [6, 314].

О присяге «ard» в обычном праве осетин довольно основательную и скрупулезно рассмотренную в разных проявлениях статью написал Джантемир Шанаев, отметивший, что «в юридической жизни осетин присяга -ard — занимает одно из самых видных мест в ряду тех действий, совокупность которых составляет собственно обычное право осетин» [7, 1].

С течением времени меняется всё, меняются и обряды. Вернее, они видоизменяются, но суть, содержание, смысл сохраняются.

Вот что писал об обряде побратимства декабрист Владимир Сергеевич Толстой после посещения святилища Рекомы Уастырджи в Цейском ущелье. «В углу лежала огромная куча пополам изломанных стрел. Сопровождавшие меня старики осетины пояснили, что в давние времена был здесь воинский обычай брататься следующим образом: два воина отправлялись к Рекому, из каждого колчана вынимали по стреле, перемешивали их, одну переламывали, и оба куска оставляли в стенах Рекома. Это обязывало с самоотвержением оборонять друг друга в бою, а в случае гибели одного побратима другой должен вынести тело из сражения и похоронить его» [8, 122].

Уже в 20-е годы XX века Бекыза Каргиев подробно описал совершение обряда побратимства, надо полагать, наблюдавшимися им в Куртатинском ущелье, откуда он был родом.

По Б. Каргиеву, взаимоотношения между побратимами было примером для добрых тесных отношений не только между семьями побратавшихся, но они влияли на отношения и между фамилиями (выходит, что побратимы представляли разные фамилии). Но в клятве, так или иначе, подчеркивалось военное составляющее обряда — быть верным соратником в сражении до последнего [9, 156-158].

Наконец, Б.А. Калоев в обстоятельной монографии об осетинах также описывает обряд побратимства, считая его древнейшим и близким к скифскому: «У осетин ритуал побратимства таков: братающиеся наполняли бокал аракой или пивом и бросали туда монетку, и каждый трижды пил из бокала, клянясь в верности. Слова клятвы примерно следующие: «Пусть этот напиток станет для меня отравой, пусть эта монетка напоится злобой, если я не буду любить тебя как своего брата!» или же «Я клянусь в верности на этом серебре и этом золоте!». После клятвы монетка передавалась младшему из братающихся» [10, 200].

Как видно из описаний обряда, он видоизменялся, но это было необычное установление, хоть и фиктивного, но родства, основанного на воинском братстве. Оно, видимо, проявлялось по-разному, но во время сражения побратимы особенно оберегали друг друга. И это единство в бою было запечатлено, как и обряд выпивания из одной чаши, после произнесенной клятвы также на бляшке, найденной в том же кургане Куль-Оба.

3. Золотая бляшка из листового металла размером 4,1х²,8 см, выполненная в той же технике, как изображение братающихся скифов [1, табл.197].

На бляшке два скифа, стоящие в боевой позе с натянутыми луками спиной друг к другу. Одеты в короткую плечевую одежду с опушкой по краям, опоясаны. Оба в мягкой обуви, в которую заправлены штанины. У щиколоток обуви перевязана. У обоих персонажей волосы собраны в пучок на затылке. Левый персонаж усат и бородат, правый — безусый, безбородый.

Надо полагать, что эти детали — заправленные в обувь штанины и собранные в пучок волосы на затылке — отражают подготовленность к бою: ничто не должно сковывать действия воина (так во время сражения осетины, да и другие горцы, закатывали рукава черкесок, а полы затыкали за пояс за спиной).

Что касается позы стрелков, то это обычная поза страхующих друг друга воинов, кстати, применяющихся донныне во время активных действий спецназовцами, но уже с автоматами.

Говоря в целом о скифских бляшках с изображениями скифов, надо отметить живучесть древних обрядов, особенно освященных клятвой — **ard**-ом. Осетины сохранили эти элементы обрядности, и перед нами еще одна из множества скифо-осетинских параллелей.

Рис.3. Скифские стрелки. Курган Куль-Оба IV в. до н.э.

Примечания

1. Saythian art. Aurora art publishers. Leningrad, 1986.
2. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
3. Лукиан. Собрание сочинений. т. I. М.-Л.: «ACADEMIA», 1935.
4. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: «Проект-Пресс», 2013.
5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.- Л., 1958.
6. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1986.
7. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.VII. Тифлис, 1873.
8. Толстой В.С. Сказания о Северной Осетии. Владикавказ: «Иристон», 1997.
9. Къарджиаты Бекызæ. Ирон æгъдæуттæ. Дзæуджыхъæу, 1991.
10. Калоев Б.А. Осетины. Изд. 2-ое. М.: Наука, 1971.

А. А. Туаллагов
 дин, зав. отделом археологии
 СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ)

ШАМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена проблеме выявления истоков некоторых представлений и ритуалов в традиционной культуре осетин. Привлекаемые материалы позволяют возводить их к древним индоевропейским представлениям, переданным через ритуальную практику «скифо-сарматского мира».

Ключевые слова: осетины, скифы, сарматы, шаманизм, ритуал, священный напиток, традиционная культура.

The article is devoted to the problem of identifying the origins of some ideas and rituals in the traditional culture of the Ossetians. Attracted materials allow to build them to the ancient Indo-European concepts, transmitted through the ritual practice of «the Scythian-Sarmatian world».

Keywords: Ossetians, Scythians, Sarmatians, shamanism, ritual, sacred drink, traditional culture

Исследователи обратили внимание, что определенные ритуалы похоронного обряда у скифов имели шаманскую природу, также как скифские представления о загробном мире имели «шаманскую структуру». В целом, кавказские народы, и особенно осетины, сохранили многие мифологические и религиозные представления скифов, а концепция загробного мира у некоторых этих народов заметно близка иранской. С шаманским трансом, например, связывают легендарное путешествие души иранского Арда-Виразы в загробный мир, после того как он испил специальный напиток «банга» [1, 316-321; 2, 327-329, 331]. Ни сам напиток, ни ритуал, в котором он использовался, не могут считаться сугубо зороастрийскими [3, 175]. Название напитка прямо сопоставимо с осетинским названием пива «бæгæни/бæгæны», происхождение которого [4, 245] подтверждает указанное сопоставление.

Путешествие Арда-Виразы напоминает, например, не только об известных по греческим источникам путешествиях Аристея или Абариса [5, 158; 6, 97; 7, 208-258; 8, 17-19], но и о зафиксированных в осетинской этнографии примерах путешествия некоторых людей в загадочную страну мертвых [9, 157-163; 10, 230-239; 11, 378-382; 12, 110], которая называлась у осетин-иронцев Курис (Корток), а у осетин-дигорцев — Бурку. Полагают, что осетинские

представления о подобных путешествиях сопоставимы с шаманской практикой населения Саяно-Алтая [13, 74-75]. Возможно, они бытовали и у сарматов, с чем связывают изображение на серебряном фаларе из ст. Курчанская (Краснодарский край) Афродиты Пандемос верхом на козле, восходящей на звездное небо по лестнице [14, 256].

Исследователи, к сожалению, не заметили одну важную деталь осетинского обряда. Перед путешествием такой человек непременно выпивал пиво и засыпал [15, 142], т. е. поступал точно так, как некогда Арда-Вираз. Данный факт служит наглядным подтверждением к уже приводившейся параллели к осетинским представлениям о путешествиях в страну мертвых в лице Арда-Вираза как примеров путешествия души отдельно от тела [10, 235]. Название страны Курис, по мнению исследователей, сопоставимо с названием горного хребта kaoirisa «Авесты» и горой kaoiris «Бундахишн», располагавшейся в Ērān Vēž [16, 485-486; 4, 612-613]. Предлагавшиеся «исторические интерпретации» [9, 162; 10, 234, 236-239] не представляются достаточно убедительными.

Трудно не согласиться с заключением [17, 119; 18, 13], что представления осетин о путешествиях в Курис или Бурку соотносятся с индоиранской мифо-географической концепцией о далекой северной локализации страны мертвых, а образ Курис как зеленого луга соответствует индоевропейским (в том числе индоиранским) представлениям о загробном мире как о «луге», «пастбище» душ умерших людей и жертвенных животных, определяемым в основном скотоводческим хозяйством [19, 30-39; 20, 823-824]. Примечательно также, что в Северной Осетии, возле с. Кора был известен луг под названием Ирон уæрæх («Иронский (осетинский) простор»), которое является практически калькой названия первой созданной Ахура Маздой страны Airiianə Vaējō («Арийский простор») [21, 90].

Следует заметить, что сопоставление осетинских путешественников в страну мертвых не ограничивается только полагаемыми параллелями с шаманской практикой населения Саяно-Алтая. Сопоставительный ареал гораздо шире [22, 132-144; 23, 153-173; 24, 166-174; 25, 99-108]. В свете же последнего важно не только отметить, что название такого путешественника «куырысдзау/куырысмæдзæуæг» (переводили как «идуший за снопом» или «идуший в Куырыс») или «буркудзау/буркудзæуæг» («идуший в Бурку») входит в круг «шаманских» терминов [26, 148], но и то, что таким путешественником или путешественницей, собиравшимся вместе с другими и засыпавшим в неизвестном простом людям месте, мог быть «дæсни/дæсны», т. е. знахарь, гадалщик, предсказатель, действующий в состоянии припадка, что сочетается с представлениями об объединении таких путешественников в их полете-сражении под предводительством всех горных божеств и ангелов (духов) Осетии [27, 28-29; 10, 230, 234-235]. Упомянувшееся изображение на серебряном фаларе из ст. Курчанская в свете приведенных данных позволяет полагать, что оно осмысливалось сарматами не как изображение душ умерших, а как изображение проникших в их мир буркудзæутæ или сопровождавших их божеств.

Путешественницей в страну мертвых могла быть и ведунья — къæсибадæг уосæ/къолибадæг уосæ (къулыбадæг ус/къулбадæг ус), среди представлений о которой особое место занимал оборотнический образ женщины-волка — уосæ-берæгъ (ус-бирæг). Она определялась и как колдунья — кæлæнгæнæг [28, 201-222; 11, 380]. Колдуны и ведьмы адыгоязычных народов (удды), слетавшиеся на гору Собер-Оаш, также были оборотнями и, в первую очередь, превращались в волков.

Действия дæсни/дæсны в состоянии припадка и употребление пива перед путешествием в страну мертвых прямо напоминает о шаманских камланиях в измененном сознании, достигавшимся, в том числе, и за счет использования определенных средств. Указанный материал позволяет скорректировать мнение, иллюстрированное и сведениями об осетинских дæсны, что в состоянии транса шаманы индоиранцев впадали обычно не при помощи применения особых средств, а от музыкальных ритмов [29, 36]. Судя по осетинским материалам, техника достижения особого состояния сознания у этих людей была разнообразна, либо могла сочетать разные приемы. Сохранившиеся же сведения о них были ограничены и разрознены уже в силу закрытости для посторонних самих ритуалов.

Примечания

1. Элиаде М. Шаманизм и архаическая техника экстаза. М., 2015.
2. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.
3. Лившиц В. А., Стеблин-Каменский И. М. Протозороастризм? // ВДИ. М., 1989. № 1.
4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
5. Meuli K. Scythica // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Berlin. 1935. Bd. 70. H. 1.
6. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983.
7. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000.
8. Пьянков И. В. Аристей: путешествие к исседонам // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2005. Т. III.
9. Гаглоева З. Д. Культ мертвых у осетин // Известия ЮОНИИ. Тбилиси, 1974. Т. XVIII.
10. Алборов Б. А. Осетинские ведуньи и ведьмы «куырысмæдзаутæ» и «буркудзаутæ» // Дарьял. Владикавказ, 2006. № 1.
11. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.
12. Сокаева Д. В. Представления о загробном мире в Нартском эпосе и нескладочной прозе осетин // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2010. № 4.
13. Яценко С. А. О шаманстве у алано-осетин // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12-15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.

14. Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н. э. // *Stratum Plus. Культурная антропология. Археология*. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. № 4. Время великих миграций.
15. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: научно-популярный сборник. Цхинвали, 1989. Кн. 4.
16. Gershevich I. Word and Spirit in Ossetic // *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*. London, 1955. Vol. XVII.
17. Вертієнко Г.В. Скіфське щорічне óртї (Herod., Hist., IV, 7, 2) та осетинське повір'я про куырысдзау // *Орієнтальні студії в Україні. До ювілею Л.В. Матвєєвої. Збірник наукових статей*. Київ, 2010.
18. Вертієнко Г.В. Скіфська «новорічна містерія» та її пізні ремінісценції // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка*. Київ, 2012. Вип. 110. Історія.
19. Иванеско А. Е. Нартовский эпос и скифская мифо-географическая традиция // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 1999. № 2.
20. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. II.
21. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
22. Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки // *Одиссей. Человек в истории. Личность и общество*. 1990. М., 1990.
23. Ginzburg K. *Ecstasies: deciphering the Witches' Sabbath*. New York, 1991.
24. Пьянков А.В. Заметки по топонимике Западного Закубанья // *Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере*. Краснодар, 2003.
25. Рахно К.Ю. Небесные битвы в болгарской мифологии // *Традиционная культура народов Поволжья: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (9-11 февраля 2016 г.): в 2 ч.* Казань, 2016. Ч. 2 (М — Я).
26. Бенвенист Э. *Очерки по осетинскому языку*. М., 1965.
27. Шанаев Дж. Осетинские народные сказания // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис, 1870. Т. III. Ч. II.
28. Сокаева Д.В. Образ женщины-волчицы (ус-бирæгъ) осетинской несказочной прозы в контексте фольклора индоевропейских народов // *Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2007. Вып. 1 (40)*.
29. Яценко С.А. О предполагаемых шаманских атрибутах в Пазырыке // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2007. Вып. 3.

Л. Р. Хагба,
д.фн, проф. АИГИ им. Д. И. Гулиа АНА,
член-корр. Академии наук Абхазии (Абхазия, г. Сухум)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ЧИСЛО» В АБХАЗСКО-АБАЗИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

*В данном исследовании рассматривается символический компонент концепта «число» в абхазо-абазинской лингвокультуре. В концептуальном мире абхазов и абазин значимыми являются числа: **один, два, три, четыре, пять, семь, девять, десять, двадцать, сто и тысяча**. Автор проводит анализ идиом, содержащих концепт «число» и дает характеристику закономерностям его функционирования в них.*

Ключевые слова: число, концепт, абхазы, абазины, лингвокультура.

*This research considers the symbolic component of the concept «number» in the Abkhaz-Abaz linguistic culture. Abkhaz and Abaza conceptual world has some significant numbers: **one, two, three, four, five, seven, nine, ten, twenty, a hundred and a thousand**. The author carries out the analysis of idioms containing the concept «number» and gives the patterns characteristics of its functioning in them.*

Keywords: number, concept, Abkhaz, Abaza, linguistic culture.

Язык является важнейшим орудием мышления, и все основные мыслительные категории находят в нем отражение, в том числе категории количества и времени.

Мыслительная категория количества — это результат отражения количественной определенности бытия, которая предстает либо «как дискретное, непрерывное количество», либо как «недискретное, непрерывное количество». Первое из них определяется посредством счета, а второе — посредством измерения. Соответственно этому в мыслительной категории количества выделяются два основных момента — число и величина» [1,58].

«Все, что познается, имеет число, ибо невозможно ни понять ничего, ни познать без него» [2,123].

Как известно, число является одним из важнейших концептов в любой языковой картине мира.

«Концепт «число» естественно связывается с понятием натурального ряда чисел» [3,492].

«Числа — это элементы особого кода, с помощью которого описывается мир: в основе музыки, поэзии, архитектуры и искусства лежат числа.

Число — знаменует божественный порядок, является магическим ключом к пониманию космической гармонии. В мифологической картине мира с помощью чисел передавалась качественно-количественная сторона явлений. Суеверия, связанные с числами, часто основываются на традиционной символике чисел (например, «священная» семерка, «несчастливое» число 13)»[4, 90-91].

В концептуальном мире абхазов и абазин значимыми являются числа *один, два, три, четыре, пять, семь, девять, десять, двадцать, сто и тысяча*. Они в большом количестве содержатся в идиоматических выражениях.

В результате проведенного нами анализа идиом выявляются следующие закономерности функционирования в них концепта «число»:

а) «число», содержащееся в составе идиомы, не имеет фиксированного места: абхазское и абазинское лингвомышления располагают его как в качестве первого знака, так и в середине фразы, и в редчайших случаях — в конце;

б) по степени продуктивности числа можно расположить в следующем порядке: *два, один, сто, семь, пять, три, девять, десять, четыре, двадцать, тысяча*;

в) «число» во фразеологизмах и пословицах представлено в форме количественных, собирательных, кратных числительных;

г) единичность предмета выражена как количественным числительным *акы*¹ (абх.) (здесь и далее абхазские примеры будем приводить посредством абазинского алфавита, в связи с техническими затруднениями — Х. Л.), *закы* (абаз.) — «один», так посредством суффикса *-кI*, восходящем к основе этого числительного;

д) к суффиксальным образованиям, обозначающим единичность, прибавляется орудный аффикс *-ла*;

е) в сочетании с другими числами выступает, в основном, число «один»;

ж) наблюдается взаимозаменяемость чисел «пять», «семь» и «девять».

«Механизм опредмечивания непредметных сущностей и превращение их описания во фразеологические единицы характерен для здравого смысла на любом языке — именно потому, что он «здрав»: рационален, понятен, нагляден и выразителен. Но в каждой культуре он имеет свои особенности, отражающие свои наиболее типичные, привычные и всем понятные явления» [5, 113].

В абхазско-абазинской языковой картине мира, как и во многих других традициях, «число» сопряжено как с положительными, так и с отрицательными коннотациями.

Проиллюстрируем этот факт на примерах.

Число «два» — «гIвба»

Абх. *ГIвба иладзам* — букв. «В нем внутри нет два» (соотв. «Он прямой, открытый, добродушный, бесхитростный человек»).

¹ Здесь и далее по техническим причинам материалы абхазского языка излагаются на абазинском алфавите — Х. Л.

Пвба ихIвадзом — букв. «Он не говорит два» (соотв. «Он не двуличный человек»).

Абаз. *Йажва гIвба йгычпум*; абх. *Иажва гIвбеичIвуам* — букв. «Он не дает ему повторять дважды свои слова» (соотв. «Он все исполняет без напоминания», «Он — человек своего слова»).

Абх. *ИгIвы гIвбахеитI*; абаз. *ЙгIвы гIвбахатI* — букв. «Его сердце раздвоилось» (соотв. «Он стал сомневаться»).

Абх. *Пв-мцакIы хIрыбжьахеитI* — букв. «Мы оказались посреди (между) двух огней» (соотв. «Мы оказались в тяжелом положении; нам трудно принять решение»).

Пв-жьакI дрышьталеитI — букв. «Он погнался за двумя зайцами». *Пв-жьакI икIитI (ишьитI)* — букв. «Он поймал (убил) двух зайцев».

Абаз. *ПвхырбызкI напIыкIла йгызыкIрым* — букв. «Два арбуза одной рукой не удержишь» (соотв. «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»).

ПважвакI гызыхIвум (гызадкIылуам) — букв. «Двух слов не скажет (не свяжет»).

Абх. *Пв-расацк (гIвашвахкI) реипш еипшунI* — букв. «Они как два орешка (как два кружка сыра) похожи друг на друга».

Абаз. *Уани угIвылакIу* — букв. «Твоя мать и два твоих глаза» (соотв. «Мать — что твои глаза»).

ЙыгIвнапIыкI йгIвыцIаракI агIвы дгIлакIхатI — букв. «Остался на голом месте, держа обе руки под мышкой» (соотв. «Остался ни с чем»).

ЙгIвымшкI гьапшым — букв. «Его два дня непохожи друг на друга» (соотв. «У него нет двух одинаковых дней» (о болезненном человеке)).

АгIвыгIвлачIагы рыжIвхьаща гьапшым — букв. «Даже у двух соседок ма-нера доения коровы не одинакова» (соотв. «Всяк портной на свой покрой»).

ЙгIвылахькI гьгIлахьамстI — букв. «Его две ресницы не коснулись друг друга» (соотв. «И глазом не моргнул»).

Абх. *Ажва гIвынчIв цухIвар, афгIвы гоитI* — букв. «Если слово два раза скажешь, оно завоняет».

Амшын агIваны гIв-кдыкI еинааломызтI — букв. «В середине моря два бревна не могли мириться друг с другом».

Абаз. *Пван дгьапшуам* — букв. «Он дважды не смотрит» (соотв. «прямой», «решительный»).

ПвкIвтанакIла дчIвагьвитI — букв. «Пашет двумя плугами» (соотв. «И вам и нам»).

Число «один» — «акIы́» (абх.), «закIы́» (абаз.)

Абх. *Ар хьдзыда рацкIыс* — *аджв фырхацIа* — букв. «Чем бесславное войско — один герой из героев».

АкIы мхIваква гIвба узхIвом — букв. «Не сказав «один», не сможешь сказать «два».

АкIада ззымдыруа — букв. «Незнающий ничего, кроме одного» (соотв. «Простой, бесхитростный, доверчивый человек»).

АкIы имам, акIы ихдзым — соотв. «У него нет ничего».

Абаз. *ЗакI гьархвауа закI аъапI*; абх. *АкIы ахьырхво акIы ыкъоупI* — букв. «Где говорят одно (подозревают что-то), там что-то (одно) есть» (соотв. «Нет дыма без огня»).

Абаз. *ЗакIы йязычпам джьахланымгьы дьыгьцум* — букв. «Кто не способен к чему-нибудь (к одному), тот и в ад не попадет» (соотв. «Даже и в аду он не нужен»).

Абаз. *ЧIвгIванкI баца гьакIуам*; абх. *ЧIвгIванкI ала аанда узышшуам* — букв. «Один кол не удерживает прутья» (соотв. «Из одного кола изгородь не поставишь»).

Абаз. *ШъазаджвыкIла тдзы гьызыргьылым* — букв. «Из одной подпорки дом не построишь».

ХIахъвазджвыкI гькъалахум — букв. «Один камень — не крепость».

Аджв йгIаынхитI, аджв йфитI — букв. «Один добывает, а другой проедает».

Абх. *Аджвы йпсра датшаджвы изеигъьхоитI* — букв. «Смерть одного становится благом для другого».

Абаз. *Аджв йчIвыуаранI, аджв йгьвыргъьаранI* — букв. «Для одного — слезы, а для другого — радость».

Абх. *МышкIы иахьпаз швымш иахьпоитI* — букв. «То, что просрочилось на один день, просрочится на сто дней».

Число «сто» — «шкIы»

Абх. *МышкIы ахIра зауз швгIвыкI рхы хисеитI* — букв. «Получивший трон царя (правителя) на один день, отрубил головы сотне».

Ажьра швыжьра ицоитI — букв. «Признаки роду идут к ста признакам рода» (соотв. «Наследственные черты характера проявляются в ста колениях родства»).

Абаз. *АугIа ргьы пшыхъ тазрысуа угIа швыгIв дрыхвпI (дырпсапI)* — букв. «Кто веселит людей, тот стоит ста человек».

Мши швыны тишхIвынчитI — абх. *МышкIы швынчIв итшипсахуеитI* — букв. «В день сто раз меняет свои решения» (соотв. «Семь пятниц на неделе»),

Абх. *ХIа баакI шв-хIакI арбаауеитI*; абаз. *ХIа бгIакI хIашвкI арбгIаитI* — букв. «Одна гнилая груша сгноит сто (хороших) груш» (соотв. «Одна паршивая овца стадо портит»).

ШIакI йтыцIуа шIашвкI йырталитI; абх. *шIыкI итыцIуа шв-шIыкI ирталоитI* — букв. «Что выходит из одного рта, то входит в сто ртов» (соотв. «Ветром море колышет, молвою — народ»).

Абаз. *ТшыкI ахIатырла тшышвкI дзы рыжвитI* — абх. *ТшыкI ахIатыр азы шв-тшыкI адзы ржвуеитI* — букв. «Из-за одной лошади сто лошадей пьют воду».

Абх. *АпхIвыс бзиа кет [агъьк] ала швгIвыкI лырчеитI* — букв. «Хорошая женщина одним яйцом накормила сотню».

Абаз. *КвтIагъькIтшыгIвшвкI йрыздырхъитI* — букв. «Одним яйцом сто всадников кормят» (об умении никого не обделить).

КвтIагъьшвкI дрылапаргьы квтIагъькI гьызыптшуашым — букв. «Если даже

под его ногами окажется сто яиц, он не сможет раздавить ни одного» (о беспомощном человеке).

УасашвкI змугьI уасакI зму дйайхIвансумI — букв. «Кто имеет сто овец, и тот завидует тому, у кого только одна овца» (об очень жадном человеке).

Абх. *ХыкI уапшны, шв-хыкI шата* — букв. «Посмотрев на одну голову, уважь сто голов».

Апшра бзиа шв-гракI хнагIвоумI — букв. «Хорошая внешность покрывает сто погрешностей».

Шв-псыкI ухазаргьы, псыкI ухахом — букв. «Если даже имеешь сто душ, ни одна не останется» (соотв. «Все равно умрешь»).

Шв-цIхыкI еихаларгьы — букв. «Если даже сто ночей соединятся друг с другом» (соотв. «В любом случае сделаю что-либо»).

АшвшыкI ашвбзыкI ирзеитамхъво — букв. «То, что не могут пересказать сто ртов и сто языков» (чудо или ужас).

Число «семь» — «быжьба»

Абаз. *Атлпакъ бжьыдзджьара йкшумI*; абх. «*Ажьра бжьыджьара икшоумI*» — букв. «Признаки рода бьют в семи местах» (соотв. «Наследственные черты характера проявляются в семи колениях родства»).

Абаз. *БыжьпсыкI йханI* — букв. «В нем семь душ».

Абх. *Ацгьы быжьпсыкI ахоупI* — букв. «У кошки семь душ».

Абаз. *БыжьладзыкIла дчIвыумI* — букв. «Плачет семью слезами». *ЙыбыжьчвкI адзы йахъватшшва* — букв. «Будто семь его быков утонули».

Абыжьба ауи йыкшвумI — букв. «Семерка падает на него» (соотв. «На бедного Макара все шишки валяются»).

Абх. *Быжьра-быжьчIвы уцIабгаумI* — букв. «Чтоб ты провалился на семь локтей и семь охватов вытянутых рук» (соотв. «Чтоб ты провалился в преисподнюю»).

Лылакьва абыжьхыршартакI иквыргылары — букв. «Ее глаза стоят на семи взведениях» (соотв. «Она очень злая»).

ТакважвыкI быжь-цутакI лгьыргIвон, лара хъаас уагIвы димамызтI — букв. «Некая старуха переживала за семь поселков, но никому не было до нее дела».

Число «пять» — «хъба»

Абаз. *АхвмачкIгьы гьацъарам* — букв. «И пять пальцев руки не одинаковы» (соотв. «И на солнце есть пятна»).

АхвмачкI шапшым апшI ауглакьвагьы шапшым — букв. «Как пять пальцев на руке не одинаковы, так и люди не одинаковы».

Ан лысабичьва лыхвмачкI йрапшI — букв. «У матери дети, что пять пальцев на руке» (соотв. «У матери дети, что на руке пальцы: за который не укуси, все больно»).

АхвмачвакIгьы рхьыгIа азакIынI — букв. «У пяти пальцев руки одна болезнь» (соотв. «Который палец не укуси, все больно»).

Абх. *ИхвначвакI реипш идыруеумI* — букв. «Он то знает, как свои пять пальцев» (соотв. «Он это знает хорошо»).

ИхвначвакIгьы ткъьозаргьы... — букв. «Если даже выстрелят все его пять пальцев» (соотв. «Как бы он не был силен...»).

Хв-чвакI (быжь-чвакI) ихарпоунI– букв. «На него накинуто (надето) пять (семь) кож» (соотв. «Он очень коварный, хитрый человек»).

Мац акI шпасмоури хIва хва дрыхIвон — букв. «Мац просил пять с надеждой получить одно».

Число «три» — «хпа»

Абх. *МышныкIва ахьутаху хымш умIгваныфа шьтых*; абаз. *МшкIыла удж-выквылуазтын, хымш быIгIвнифа уыцджвыкIва* — букв. «Едешь на день, еду бери на три дня».

Абх. *ХынчIв ухуцны, зныкI учважва* — букв. «Подумав три раза, один раз скажи».

Абаз. *Атшада штшадугьI сквшыкI апны хын йхIапалитI*– букв. «Осел и тот в год три раза резвится».

Зны йщачвхIыслыз хын дщачвхIыслитI– букв. «Кто споткнулся одинраз, тот споткнется три раза».

Число «девять» — «жвба»

Абаз. *ЛыжкIвыдкI гьалыцIуам* — букв. «Ее девять бобов никак верно не лягут» (об очень нерасторопной хозяйке, которая ничего не успевает делать).

ЛыжкIвыдкI анIгалыцIра лан дылчIвыуаштI– букв. «Она будет оплакивать свою умершую мать только тогда, когда ее девять бобов правильно лягут» (т.е. будет оплакивать мать, сделав все свои дела).

Адж дьжвхIамыкIта, ажвгIв хIамзаджвыкIта — букв. «Уодного девять шуб, а у девяти — одна».

Число «десять» — «жваба»

Абх. *Аиаша зхIво жвакытакI дьрхыситI*– букв. «Тот, который говорит правду, пройдет через десять сел» (соотв. «Правда долго живет»).

Ан лхIак жва гвыжкI ирзышьтыхуам — букв. «Моральный долг перед матерью не поднимут десять мулов» (соотв. «Моральный долг перед матерью невыполним»).

Зыспра ртахыз жвамш дькIшIарцеумтI– букв. «Того, чью смерть желали, покоили десять дней» (соотв. «Делать что-либо не от души и сердца»).

Жваба анухIвалакI, жвеиза ухIвароунI– букв. «После того, как скажешь десять, надо сказать одиннадцать» (соотв. «Надо во всем быть последовательным»).

Абаз. *СжвамачвакIгьI аквсцIумтI*– букв. «Я положил на то все свои десять пальцев» (соотв. «Я согласен»).

Ажваба йтанI– букв. «То находится внутри десятка» (соотв. «Плохи дела»).

Абх. *Адж дьзмозгьI жвагIвыкI змоугьI еипшны ибоитI*; абаз. *Задж дьзмозгьI жвагIв змугьI йапшыта йбитI* — букв. «И тот, у кого один ребенок, и тот, у кого десять — они для него одинаково дороги».

Число «четыре» — «пцба»

Абх. *Атшы пшь-шьапыкI ацIоунI, аха ишьачвхныслоитI*– букв. «Лошадь на четырех ногах, но спотыкается».

Абаз. *ЙыпцбыIгIвкI адгыланI*– букв. «Его четыре кости (т.е. руки и ноги) приставлены друг к другу» (соотв. «Кожа да кости»).

Ауасахча бзи пцлакI йыманI — букв. «У хорошего чабана четыре глаза».

Число «двадцать» — «*гIважва*»

Абаз. *АгIважва (ауи) йыквшивитI* — букв. «Двадцатка падает на него» (соотв. «Все шишки на него летят»).

АгIажва йманI (йыртманI) — букв. «То находится внутри двадцатки» (соотв. «Что-то находится в неизвестном, незавидном положении»).

Абх. *Зеижвымзар гIважва* — букв. «Если не девятнадцать, то двадцать» (соотв. «Надоело, сколько об этом можно говорить»).

Число «тысяча» — «*зкьы*»

Абх. *Зкьынчв иуахIар ацкIьыс зны иубар еихIаеигъьунI; Зкьыны йугIараацкIьысгьы, зны иубараквын рыцIа йагъьнI* — букв. «Лучше увидеть один раз, чем услышать тысячу раз».

Абх. *АпхIвыс лымаана — зкьы акIы маана* — букв. «Хитрость женщины — тысяча одна хитрость» (соотв. «Хитрость женщины безгранична и неуловима»).

Абаз. *Уасазкь змугьы сыскI йгьы йгьапыцуам* — букв. «Кто имеет тысячу овец, и тому жаль подарить кому-либо одного ягненка» (об очень жадном человеке).

Как явствует исследованный нами материал, в абхазско-абазинской лингвокультуре наибольшей способностью образовать фразеологизмы и пословицы обладают числа «один», «два» и «сто».

Рассмотренные в данном случае значимые числа приобретают множество контекстуально производных значений, по которым можно сделать следующие общие выводы:

«Один» — единственное число, которое сочетается со всеми остальными значимыми числами.

Этот символ первичной целостности здесь раздваивается: с одной стороны, «один» — полноценная, более значимая, чем даже «сто», величина, с другой стороны, это все же «один», и он «бессилен», хотя «один» иногда может оказать влияние на всех.

«Два» — это пара, раздвоение, сомнение, сравнение и черты характера. «Три» — предел, срок, результат; используется в сочетании с «один». «Четыре» связано с частями человеческого тела (с руками, ногами и глазами), употребляется сравнительно реже.

«Пять» — число, исключительно связанное с пятью пальцами руки, они разные, но болят одинаково; вместе сильны.

«Семь» — священное в мифологии число; в идиоматических выражениях оно занимает четвертое место. Это — бессмертие души, наследственность, пространство, сила и масса.

«Девять» в абазинском — ущербность, черствость, нерасторопность; в аналогичном абхазском материале не зафиксировано.

«Десять» — неограниченное пространство, рубеж, мощь. «Двадцать» — большое количество с негативным оттенком.

«Сто» — ценность, сила, мощь, с одной стороны, а в сочетании с «один» последняя становится важной.

«Тысяча» встречается, главным образом, в сочетании с «один», где это число, несмотря на наименьшее количество, более значимо.

В связи со сказанным о числе «один» определенный интерес представляет китайская модель мира, где «число *один*» способно генерировать множество производных значений, участвующих в создании огромного числа метафор.

Кроме того, это число является наиболее контактным из всех членов числового ряда» [6,84].

Как и следовало ожидать, анализ кабардинских пословиц и поговорок со значением количества показал, что наиболее часто в них используются следующие числа, имеющие символическое значение: один, два, три, семь, девять, сто. Число «один» во многих случаях сопоставлено с каким-либо числом из перечисленных выше [7,17]. Следует отметить тот факт, что наши предварительные разыскания по функционированию культурных концептов выявляют очень много общностей между близкородственными абхазско-адыгскими языками.

Обращает на себя внимание то, что в осетинской лингвокультуре наибольшую культурную значимость проявляют символические номинаторы «семь», «три», «два», «четыре», «девять» и «десять» [8,18].

Как свидетельствует проанализированный фактический материал, количество как одно из наиболее общих свойств бытия находит широкое отражение в лингвистическом менталитете абхазов и абазин.

Примечания

1. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Москва, 1977.
2. Мысли и изречения древних. Москва, 2005.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Москва, 2001.
4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2000.
5. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. Москва, 2000.
6. Тань Аошун. Китайская картина мира. М., 2004. Абхазские пословицы. Сост. О. Шамба, Б. Гургулия. Сухум, 2003.
7. Кумыкова М.М. Фразеологические единицы кабардинского языка со значением количества и времени. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 2006.
8. Дзедаева М.С. Концепт «число» в осетинской лингвокультуре. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 2011.

С. Р. Чеджемов,
д.пн, профессор кафедры СКГМИ (ГТУ)
(г. Владикавказ)

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ВХОЖДЕНИЯ НАРОДОВ
КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С УЧЕТОМ
ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУНАРОДНОГО
И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

В статье дается описание и анализ некоторых вопросов политико-правового аспекта вхождения народов Кавказа в состав Российской Империи, во внимание принимается взаимосвязь международного и внутригосударственного права.

Ключевые слова: право, Кавказ, Российская Империя.

The article presents the description and analysis of some issues of political and legal aspects of the Caucasus peoples becoming the part of the Russian Empire, relationship of international and domestic laws is also taken into account here.

Keywords: law, Caucasus, Russian Empire.

Ныне весьма популярным является высказывание известного поэта Расула Гамзатова о том, что Кавказ добровольно не входил в состав России, но и добровольно из ее состава не выйдет. Что это — поэтическая метафора или политико-правовая реальность? Попытаемся ответить на этот вопрос с учетом взаимосвязи международного и внутригосударственного права.

Случаи вооруженного противодействия России со стороны некоторых слоев населения имели место еще до начала Кавказской войны. Политическая сущность этих выступлений заключалась, на наш взгляд, в неприятии идеи вхождения в состав христианского государства и нежеланием мириться с устанавливаемыми порядками.

Однако не стоит считать, что эти настроения щедро подпитывались не только правящими кругами мусульманских стран Турции и Ирана, но и рядом христианских европейских государств. Общеизвестно, что между Австро-Венгрией, Германией, Англией и Францией в Европе существовали серьезные противоречия, но на Кавказе их усилия были объединены против России. В этой антироссийской войне народам Кавказа отводилась роль бесправных объектов международного права.

Рассматривая политическое значение подписанного в 1802 году в Георгиевске договора следует отметить, что весьма значимым является его правовое значение, причем как международное, так и внутрироссийское. Естественно, что и в условиях усиления реакции в царской России, а затем и в условиях идеологического диктата советского времени значение данного договора хотя бы даже в некоторой степени регламентировавшего национально-государственные отношения внутри России либо умалчивалось, либо искажалось. Явно не вписывался принцип союзного (федерального) обустройства на южных границах России, равно как и конституционное и парламентское обустройство на западе в формировавшийся образ России как жандарма Европы и тюрьмы народов.

К сожалению, это клише было подхвачено не только революционно настроенными элементами среди российской интеллигенции XIX века, но и определенное время провозглашались и в советской историко-правовой литературе в качестве единственно верного. Мы считаем, что национально-государственные отношения народов Кавказа и России в конце XVIII — начале XIX веков с правовой точки зрения нужно характеризовать как договорные. Причем договорными нами характеризуются не только отношения между кавказскими народами и Россией, но и отношения внутри самих кавказских обществ.

Роль внутриобщинных договоров заключенных по инициативе царской администрации на Северном Кавказе играли сборники обычного права (ада-тов) горцев Северного Кавказа. Своеобразие внутригосударственных отношений внутри России хорошо просматривается и при анализе различных договоров, которые заключали представители царской администрации на Кавказе и представители кавказских народов. Так, например, подобные договоры досконально описываются видным российским дореволюционным историком Н. Ф. Дубровиным [1].

Юридический анализ этих договоров показывает, что их предметом являлся комплекс отношений, складывавшихся возникающие в повседневной практике России уже после присоединения к ней Осетии и других северокавказских народов. Уже упоминавшийся Георгиевский договор, помимо регламентации союзнических отношений России и ее новых территорий в вопросах обороны, содержал статьи, регулировавшие торговлю, взимание пошлин, организацию общественных работ, безопасность прохождения купеческих караванов.

Данное утверждение наглядно иллюстрирует и заключенный в том же 1802 году главнокомандующим российскими войсками на территории Грузии генералом Кноррингом и осетинскими князьями договор. Предметом его стало урегулирование хозяйственных вопросов, а именно организация общественных работ и безопасности на Военно-Грузинской дороге от Моздока до Тбилиси x [2].

Особого анализа заслуживает правовая оценка как антирусских выступлений, так и карательных экспедиций, предпринимаемых российской

администрацией. Подобные действия нарушали условия заключенных ранее как межгосударственных, так и внутригосударственных договоров. Законопослушная и патриотически настроенная часть грузинской и осетинской правящей элиты решительно размежевались с проводниками иранской политики и поддержали предпринятые российским командованием меры, включая и боевые действия по наведению порядка и пресечению деятельности антигосударственных элементов.

В первые годы вхождения Северного Кавказа в состав России административно-территориальное разграничение в крае царским правительством не проводилось. Статус-кво было нарушено в 1836 году, когда на Северном Кавказе на так называемой Кавказской линии был создан Владикавказский округ. Он был переименован в 1858 году в Военно-Осетинский.

В 1859 году были образованы Ичкерийский, Аргунский и Чеченский военные округа. И хотя Кавказская война продолжалась, но после добровольной сдачи имама Шамиля в 1859 году в крае стали преобладать настроения мирной, гражданской жизни. Завершение Кавказской войны в совокупности с общими реформистскими настроениями, царившими в правительстве Александра II, послужили основанием для создания новой административно-территориальной единицы Российской империи — Терской области.

Она возникла на месте бывшего левого фланга Кавказской военной Линии и включала в себя 6 округов — Аргунский, Владикавказский, Кабардинский, Ичкерийский, Кумыкский и Чеченский. Спустя два года, в 1862 году, Терская область, продолжая оставаться административной единицей России, была разделена на три отдела — Западный, Средний и Восточный. Их вновь стали называть военными, что собственно не мешало налаживанию в них основ гражданской жизни.

Так, например, крепость Владикавказ была преобразована в город указом Правительствующего Сената в 1861 году [3]. Аналогичным образом возникли и многие другие города Северного Кавказа. Администрация каждого из отделов Терской области обладала властными полномочиями лишь в пределах своей компетенции на своей территории. Что явилось первопричиной проведения территориальных преобразований? На этот счет высказываются различные точки зрения, из которых, на наш взгляд логически убедительной является версия о правовом закреплении этноадминистративного принципа в территориально-административном устройстве юга России.

Данная точка зрения была высказана некоторыми учеными в конце XX — начале XXI веков, например, А. Цуциевым, В. Шнирельманом, в противовес ранее принятому утверждению о том, что именно Октябрьская революция 1917 года сделала возможным обретение народами Северного Кавказа своей государственности [4]. Мы считаем, что говорить об этническом принципе при проведении административно-территориального деления, можно лишь основываясь на правовых источниках, чего не сделали вышеназванные авторы в силу того, что, анализ государственно-правовой сущности

рассматриваемого явления находился вне целей их исторически-этнологических и социологических исследований.

Предпринятый нами правовой анализ архивных данных, неоспоримо свидетельствует о том, что на высшем государственном уровне, уже в конце XVIII века, в период царствования императора Павла I, обсуждалась идея о создании федерации на Кавказе. В 1799 году император высказал мысль о создании федерации народов и государств на Кавказе. Данный архивный материал, правда, без правовой оценки, уже интерпретировался известными кавказоведами, историками В. Г. Гаджиевым, Н. С. Киняпиной, М. М. Блиевым, В. В. Дегоевым и некоторыми другими [5].

Несмотря на известные, подчас диаметрально противоположные, подходы Павла I и Александра I к решению важнейших государственных дел политика в отношении Кавказа осталась прежней и при императоре Александре I. Он инициировал подписание в 1802 году в Георгиевске уже упоминавшегося Союзного и Оборонительного договора, который юридически оформил создание качественно-новых отношений между Россией и народами Кавказа.

Сущность этих отношений ясно просматривается в самом его названии — союзнические и оборонительные. Договор не был направлен против третьих сторон. Его положения были универсальными, и он был открыт для подписания иными сторонами. Так, например, впоследствии некоторые народности и государственные образования брали его содержание за основу договорных обязательств о присоединении к России. Данное положение дел убедительно иллюстрирует присоединение к России Аварии.

Глава государственного объединения этой дагестанской народности, аварский нуцал Султан — Ахмед-хан от имени своего народа обратился к Александру I с просьбой о добровольном присоединении к России. Условия его присяги фактически повторяли условия вышеназванного договора.

Следующее административно-территориальное разделение на землях Северного Кавказа произошло в 1862 году. Как мы уже отмечали выше, Терская область была разделена на три составляющие отдела, название которых отражали лишь их географическое положение относительно центральной России — Западный, Средний и Восточный. Каждый из отделов в свою очередь подразделялся на округа. Западный отдел включал в себя Военно-Кабардинский, Военно-Осетинский и Военно-Ингушский.

Их названия, что называется, говорят сами за себя, в частности, показывают национальность проживающих и присутствие военизированного элемента в их жизнедеятельности. Впоследствии данные названия в обиходе часто заменялись названиями, произведенными от наименования крупных населенных пунктов. Так, Военно-Осетинский именовался Владикавказским, Военно-Ингушский — Назрановским, Военно-Кабардинский — Нальчикским.

В Средний отдел входили Чеченский и Аргунский округа, в Восточный — Ичкерийский, Кумыкский и Нагорный. Однако между отделами была поделена не вся территория Терской области. Другие её районы или горные об-

щества могли выделяться в отдельные административные единицы. В этом случае, как правило, за основу принимался национальный признак, что хорошо видно на примере Балкарского общества, выделенное в 1866 году в так называемый Горный административный край.

В начале 60-х годов XIX века в России были объявлены и проведены государственные реформы, оказавшие влияние и на её южные окраины. Здесь, как и в центре, стал осуществляться переход от военно-полицейских к гражданским формам правления. 30 декабря 1869 года было объявлено о проведении реформирования системы власти и управления в Терской области. В соответствии с ней все население было разделено на гражданское, казачье и горское сословие. В связи с этим было пересмотрено и изменено внутреннее административное деление Терской области.

Военные отделы упразднились, а в её состав напрямую стали входить семь округов. В их состав вошли существовавшие ранее округа и участки. Таким образом, в составе области находились следующие округа: Владикавказский, Георгиевский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Хасавюртовский и Кизлярский.

По мнению некоторых ученых, название округов были специально де-этнизированы, так как их коренное население предполагалось выселить [6,41]. Мы с этим утверждением не согласны, равно как не считаем переселение горцев Северного Кавказа в Турцию в XIX веке ни массовым, ни инициированным царским правительством. На территории вышеуказанных округов помимо русских и кавказских народов, проживали казаки. Хотя де-факто они составляли часть Терского казачьего войска, юридически оно никак не было представлено в рамках административно-территориального деления России. Причиной этого была военно-приграничная сущность казачьих войск. Данное положение дел было изменено в соответствии с созданием 21 марта 1888 года на юге России казачьих отделов — как административно-территориальных частей Терской области.

С вышеуказанного времени в состав Терской области стали входить три казачьих отдела — Пятигорский, Кизлярский и Сунженский. Впоследствии, на базе 7 территориальных округов путем укрупнения было создано 4 — Владикавказский, Нальчикский, Грозненский и Хасавюртовский. Данное положение сохранилось вплоть до 1905 года, когда разросшееся население области сделало возможным учреждение еще одного казачьего округа — Моздокского. В это же время административно-территориальные изменения затронули и так называемые горские народы Северного Кавказа, в частности ингушей. Они были выделены из состава Сунженского отдела, и для них был организован фактически во многом моноэтнический Назрановский округ.

В результате проведенных мероприятий к началу XX века на территории, именуемой в географическом понимании как Северный Кавказ, сложились три южно-российские административные области — Терская, Дагестанская и Кубанская, действовало два казачьих войска — Терское и Кубанское, на

базе которых образовались казачьи округа — Пятигорский, Сунженский, Кизлярский и Моздокский и одно приставство, осуществлявшее управление в те годы кочевыми народами — ногайцами и калмыками.

В политико-правовом плане в рамках области административных границ между округами и отделами не было. Многие населенные пункты являлись частью и первых и вторых, что же касается приставства, то оно вообще кочевало вместе с курируемыми им народами, иногда даже за пределы Северного Кавказа по всему югу Российской империи. Данное геополитическое положение сохранилось практически в неизменном виде вплоть до революционных событий 1917 года, причем размежевание по национальному, религиозному и социальному признакам стало юридически и фактически реальным после отречения императора Николая II от престола.

С этого события Россия «де-факто» перестала быть империей в значении союза земель и народов под властью императора. Объявление 1 сентября 1917 года Временным правительством России введения в стране республиканской формы правления, а затем и события февраля — октября 1917 года обусловили необходимость провозглашения иной формы государственного устройства.

В условиях единого, централизованного российского государства — Российской империи административно-территориальное деления не имело того значения, которое оно имеет сегодня в условиях федеративного устройства. Данное положение дел было свойственно не только так называемой царской России, но и Советскому государству. В условиях постсоветской России, например, после известного осетино-ингушского вооруженного конфликта в 1992 году, на территориях двух субъектов федерации было введено чрезвычайное положение и сформирована Временная администрация, которая, впрочем, не подменяла, а координировала деятельность республиканских (Северной Осетии и Ингушетии) органов власти.

Основной её задачей было установление мира и ликвидация последствий вооруженного конфликта. Так оказался востребованным уже имеющийся опыт временного объединения ранее отдельных территориальных образований.

Примечания

1. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб., 1887. 620 с.

2. Первоисточники данных договоров не сохранились, но ссылки на них имеются в ряде дореволюционных изданий, в том числе и в работе Н.Ф. Дубровина, а также в книге «Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901-1908. Т. 1-4.

3. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12, оп. 1, д.845, л. 32.

4. Цуциев А. А. Межэтнические конфликты в Северо-Кавказском регионе// В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994; Бегидов А.М. Кабардино-

Балкария: прошлое, настоящее, будущее. М: Новый хронограф, 2003. 230 с;
Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М: Новое литературное обозрение, 2006.

5. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 260 с;
Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. 420 с.

6. Ибрагимов З.Х. Чеченская история, политика, экономика, культура второй половины XIX в. М.: Евразия, 2002. С. 84-125.; Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 41.

Н. Х. Дзагурова,
кин, нс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЖЕНЩИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ (на материалах Северной Осетии)

В статье представлены материалы исследования «Социокультурные представления молодежи в условиях трансформирующегося общества», проведенного в 2015-2016 годах.

Ключевые слова: Северная Осетия, социокультура, женщина, гендер, мораль, нравственность.

The article presents the study «socio-cultural representations of youth in the conditions of transforming society», held in 2015-2016.

Keywords: North Ossetia, social culture, female, gender, morality, ethics

В статье представлены материалы исследования «Социокультурные представления молодежи в условиях трансформирующегося общества», проведенного в 2015-2016 годов. Результаты исследования дали возможность сделать выводы о том, что современная молодежь имеет морально-нравственные, жизненно-ориентированные позиции и устойчивые ориентации, направленные на получение образования, приобретение профессии, карьерный и профессиональный рост, создание семьи и рождение детей. По результатам исследования пришли к выводу, что участники стараются реализовать свои цели и задачи поэтапно и последовательно в соответствии с социальным статусом, материальным положением и фертильными возможностями.

Актуальность исследования духовно-нравственного потенциала современной осетинской женщины диктуется сегодня, в силу многих неразрешенных в обществе проблем:

- дискриминации женщины по признаку пола во всех сферах — общественном, производственном, в результате чего формируется гендерная асимметрии;
- нарастающей негативной тенденции снижения ее социально-правового и экономического статуса в обществе;
- ухудшения ее физического и нравственного здоровья;
- падения престижа материнства в общественном сознании;
- отсутствия возможности поэтапной и последовательной реализации

своих жизненных планов и предпочтений, что ведет к негативным изменениям.

Вся совокупность указанных тенденций негативно влияет на ход социокультурной трансформации современного российского общества, ведет к его атомизации, а также к развитию локальной идентичности за счет глобальной.¹

Понимание этих негативных изменений осознаются, как в рамках общественного мнения в республике, так и в отдельно взятой семье, но реакция неоднозначна. Все зависит от возраста, пола, социального положения, уровня образования.

Показательным стали результаты исследования социокультурных представлений молодежи о роли, социальном статусе, а также предназначении женщины в семье и обществе.² Негативные тенденции на бытовом и общественном уровне в сознании молодежи проживающие в РСО-Алании связано с противоречиями между сложившимися в традиционно осетинском обществе представлениями о роли женщины и ее реальном положении в социокультурном пространстве. Когда традиции станут источником духовности, а не мракобесия, когда женщины начнут отличать феминизм от ненависти к мужчинам и станут изучать свои права, научатся законно отстаивать их, тогда будет возможным утверждение гендерной симметрии в социально-политической и материально-технической сферах.

В выборочном опросе среди студентов СОГУ им. К. Л. Хетагурова приняли участие студенты двух факультетов: исторического, с преобладанием студентов-мужчин и педагогического, где основной контингент составляют девушки. Вопросы касались проблем духовно-нравственного состояния женщины и ее статуса и ролей в обществе и семье. Анализ данных, полученных в результате опроса, где вопросы охватывали социальную и духовную жизнь через призму взаимодействия женщины, обусловленного ее социальными ролями, понимание студенческой молодежью статуса, социальных ролей мужчины и женщины в обществе и семье, и ожидание респондентов от вступления в брак, а также их представления о собственной будущей семье.

Результаты исследования дали следующую картину: для большинства участников приоритетным остается традиционное гендерное распределение ролей. Большинство опрошенных молодых женщин представляют себя в браке идеальной хозяйкой, супругой, хранительницей семейного очага. На следующий вопрос: ответы респондентов разделились поровну, независимо от пола, женщина должна быть, прежде всего, матерью, роль которой более ответственна перед обществом и семьей. По мнению респондентов, женщина несет основную нагрузку в воспитании ребенка как достойного члена общества, целостной личности. Женщина уже по определению обязана прививать

¹ Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы / Отв. ред. А. В. Рябова, Е. Ш. Курбангалеева. М, 2003. С. 52.

² Варнакова Л. А. Духовно-нравственный потенциал женщины в социокультурных представлениях молодежи. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007, №1 (6). С. 135.

ему такие морально-этические качества и духовные ценности, как доброта, сострадание, честность, культурность, должна стать ретранслятором осетинской традиционной культуры для будущих поколений, и не только осетинской.

В результате исследований ключевым моментом представлений студенчества о роли женщины в семье является проблема статуса материнства в семье и обществе. Материнство содержит в себе общественно-исторический, культурный, нравственный и семейный потенциал и воплощает не только биологические, но и социальные отношения матери к ребенку. Практически каждый из опрошенных высоко оценивал духовно-нравственный потенциал своих родителей, особенно матери. Представление об идеальной женщине, жене, матери молодые девушки и юноши формируют из образа собственной матери. Опрос среди студентов показал, к счастью, что в сознании студенческой молодежи мать и материнство остается базовой ценностью.

С наступлением реформ (начало 90-х гг.) вовлечение женщин в профессиональную деятельность потеряло свою актуальность и сменилось безработицей «с женским лицом». Появились, как отмечает ряд исследователей, признаки «возвращения» женщины в семью,¹ и эта тенденция сохраняется и сейчас.

Таблица 1

Уровень экономической активности, занятости и безработицы населения в возрасте 15-72 года (в процентах)²

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Уровень экономической активности – всего	62,3	71,2	67,6	67,2	65,9	65,8	64,4
мужчины	62,5	73,3	70,7	70,6	69,1	70,7	70,4
женщины	62,1	69,4	64,8	64,3	63,1	61,4	59,1
Уровень занятости – всего	56,8	64,3	62,0	61,9	60,6	60,1	58,4
мужчины	57,5	66,2	64,5	65,5	64,5	65,6	64,3
женщины	56,2	62,7	59,8	58,7	57,2	55,3	53,2
Уровень безработицы – всего	8,8	9,7	8,3	7,9	8,1	8,6	9,3
мужчины	8,0	9,8	8,8	7,2	6,6	7,3	8,7
женщины	9,5	9,7	7,8	8,6	9,4	9,9	10,0

Как следует из таблицы, по всем позициям с 2005 года женщина уступает свои позиции. С учетом того, что в общей численности населения преоблада-

¹ Караханова, Т.М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени. //Социологические исследования. 2003. № 1. С. 75.

² Республика Северная Осетия-Алания в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. Владикавказ, 2016. С. 39.

ют женщины, уровень занятости среди женщин почти на 10% ниже, чем среди мужчин, а уровень безработицы также выше среди женщин.

В процессе модернизации общества сложилась противоречивая ситуация, когда превалирует низкий статус домохозяйки, и в то же время декларируется высокий статус материнства, и, заметим, который до недавнего времени не имел статуса уважаемого вида социальной деятельности. Эту ситуацию смог переломить разработанный государством национальный проект, рассчитанный на 2007-2017 гг., целью которого является стимулирование рождаемости, посредством которого, на наш взгляд, возможно реальное повышение социального статуса женщины- домохозяйки в семье и обществе и возвращение к семейным традициям. Он даст возможность признать материнство видом социальной деятельности, носящей трудовой характер, уничтожит зависимое положение женщины в обществе и семье.

Именно женщина должна сохранить и передать будущим поколениям основы традиционной осетинской ментальности. При реализации этих задач, по мнению участников исследования, женщина должна обладать высоким уровнем морально-нравственного развития и иметь значительные возможности для нравственного самосовершенствования. Тем не менее, закрепленные в обществе гендерные стереотипы приписывают женщине задачу реализовывать себя в домашней сфере. Несмотря на возрастающую занятость женщин в общественном производстве (91% женщин 70-80 часов в неделю проводят на работе), преимущественно за ней закреплена обязанность в воспитании и социализации детей. В течение недели преимущественно детьми занимаются матери. Они проверяют домашнее задание, организуют детский досуг, развивают интеллектуальные способности своих детей.

В последнее десятилетие на Западе ведется много дискуссий о размывании «традиционных» ролей мужа — добытчика, с одной стороны, женщины-матери и домохозяйки, с другой. Однако, учитывая исторический контекст, необходимо иметь в виду, что стоит за понятием «традиционное». На Западе под ним подразумевается жесткое разграничение публичной и частной сфер, возникшее в начале XIX века в эпоху индустриализации и развития рыночных отношений.¹

Традиционные стереотипы отчетливо показали, что мужчины-респонденты оценивают свою роль выше, чем роль женщины, как в публичной сфере, так и семейной. Исходя из традиционной культуры осетин, мужчины являются оплотом духовности, нравственности и авторитетом для своих детей и основным добытчиком средств к существованию, и результаты исследования показали ретрансляция этих стереотипов на современные представления среди молодежи. Студенты-мужчины считают, что они имеют более высокий статус не только за счет традиционных представлений, но и за счет социальной мобильности, конкурентоспособности на рынке труда, хотя это утверждение спорно. Проанализированные нами ответы на заданные вопросы показали

¹ Гурко Т.А. Родительство: социальные аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 37-38.

наличие противоречия в общественном сознании студенчества относительно идеального и реального положения мужчины и женщины в семейной сфере. Отцовство как некий носитель универсальных базовых ценностей продолжает играть важную роль в системе ценностных ориентаций студентов. Отец для всех участников исследования предстает как «самый близкий и родной человек, друг, наставник, учитель и воспитатель норм морально-нравственных стандартов».¹ Ответы у девочек, девушек практически идентичны с ответами мужчин-студентов. В ответах респондентов обеих групп четко прослеживается глубокое уважение, высокий авторитет и любовь к своим родителям. Логика рассуждений участников анкетирования позволяет констатировать, что отец воспринимается как ценность, играющая важнейшую роль в жизненных стратегиях и ориентирах молодежи. Респонденты стараются быть похожими на своих отцов, боятся их разочаровать и не оправдать их доверия. Материальное положение отца и его социальный статус не имеет значения для участников исследования. Важен сам факт существования заботливого и любящего отца, способного понять, научить, как выжить в современных условиях и остаться человеком, чувствовать защищенность и уверенность в завтрашнем дне.

Огромную роль в воспитании детей молодые женщины отдают мужчине-отцу, мужу, практически 3/4 аудитории. Они считают, что без отца у детей не могут сформироваться такие качества, как мужество, твердость, надежность, т.е. те черты характера, которыми общество наделяет мужскую половину. Без отцовской любви и поддержки могут возникнуть серьезные проблемы в воспитании как девочек, так и мальчиков. Стереотипное утверждение, что ребенок вырастает «маменькиным сыночком», ему не с кого брать пример мужественности и других качеств, присущих мужчинам, твердо распространено среди обеих групп опрошенных.

Практически, для всей опрошенной аудитории молодежи, мама — это тепло, ласка, уют, доброта, понимание, а папа — оплот стабильности, надежности, достатка, достоинства, силы, трудолюбия, заботы. Поэтому только в традиционной, благополучной семье ребенок способен перенять позитивный опыт, нормы, правила поведения, нравственные ценностные ориентации, жизненные установки и наполнить свой духовно-нравственный потенциал, тем самым обеспечивая преемственность поколений.

Мнение 80% молодых женщин значительно отличается от мужского. Согласно исследованию, современные мужчины, считают студентки-девушки, не стремятся создать семью, брать на себя ответственность за содержание и воспитание детей, в отличие от женщины, чьи морально-нравственные обязательства перед семьей и детьми оцениваются ими значительно выше. В современных условиях в сознании молодых людей наблюдается противоречивое представление о роли и статусе женщины в семье. Осознавая свои новые возможности, молодые женщины начинают предъявлять новые, не

¹ Результаты опроса среди студентов СОГУ им. К.Л. Хетагурова исторического и педагогического факультетов.

свойственные традиционной культуре, требования к супругу и организации семейно-брачных отношений. Они считают, что в современной семье должно быть равноценное распределение обязанностей, совместное принятие решений. Новые тенденции вступают в противоречие с традиционными представлениями, устойчиво закрепленными в традиционной осетинской культуре. Изменяются представления и требования женщины к супругу и внутрисемейным отношениям, распределению обязанностей в семье, к способам разрешения конфликтов. Студентки имеют уже сформировавшийся образ подходящего ей мужчине. Рядом с ней должен находиться красивый, сильный, заботливый, целеустремленный, здоровый мужчина. Причем, материальную обеспеченность большинство респондентов среди девушек ставили на первое место и составило около 80%, честность, доброту, любящий семью (20%).¹ Мужчина должен соблюдать обязательное условие — быть опорой для избранницы.

В России все больше распространяются нерегистрируемые браки. Отход от традиционной модели брачности, зафиксированный официальной статистикой в 1990-е гг., предполагает, что внебрачные сожительства стали приемлемой социальной нормой.² Современные представления о браке столь демократичны и противоречат традиционным, что отступление молодежи от допустимых форм семейно-брачных отношений в республике в сторону так называемой модернизации, а именно немоногамных, гражданских браков становится все больше.

Таблица 2

Распределение женщин и мужчин по состоянию в браке и возрасту в 2010 г. (на 1000 человек)³

	Женщины				Мужчины			
	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	из них в незарегистрированном браке	разведенные и разошедшиеся	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	из них в незарегистрированном браке	разведенные и разошедшиеся
Все население в возрасте 16 лет и более	227	477	47	96	346	560	53	56

Как следует из таблицы, европейские стандарты семейно-брачных отношений становятся нормой жизни, незарегистрированные браки или, как их еще называют, гражданские браки — становятся действительностью в традиционной осетинской семье.

¹ Результаты опроса среди студентов СОГУ им. К.Л. Хетагурова исторического и педагогического факультетов.

² Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. Жизненные миры современной российской семьи. Монография. Нижний Новгород, 2015. С.36.

³ Женщины и мужчины РСО-Алания. 2014. Статистический сборник. Владикавказ, 2014. С. 20.

Наблюдается противоречивая тенденция, при которой предъявляются высокие требования к духовно-нравственному облику матери и одновременно допускается и считаются приемлемыми добрачные отношения.

Анализ ожиданий студенческой молодежи от вступления в брак и создания семьи показал, что представления о своей будущей семейной жизни у них весьма реалистичны с учетом социально-экономической ситуации в стране. Молодые люди считают, что их семейная жизнь будет сопряжена с разного рода трудностями материального и духовного характера. Сложности и трудности в будущей семейной жизни представляются им исключительно как материальные и жилищные, а проблемы взаимоотношений их не пугают.

Статус женщины в обществе, в отличие от статуса мужчины, изначально оценивается респондентами как низкий, при этом осознают, что это всего лишь пережитки. По их мнению, социальный статус человека должен зависеть не от пола, а от уровня образования, профессионализма и умения выполнять свои социальные функции. Причины дискриминации по половому признаку студенты усматривают в традиционном распределении социальных ролей в общественном сознании между мужчиной и женщиной. Респонденты считают, что женщина должна реализовать себя как профессионал и иметь возможность делать карьеру, участвовать в политике наравне с мужчинами.

Данные опроса показали, что в профессиональной иерархии среди опрошенных девушек на первом месте при выборе профессий оказались традиционно «женские профессии»: научные работники, преподаватели, воспитатели. На второе место они поставили престижные на сегодняшний день профессии в сфере экономики и юриспруденции. Третью строчку в рейтинге занимают медицинские работники и т.д. Представленные результаты наглядно свидетельствуют о сохранности традиционных женских профессиональных ориентаций среди опрошенных студенток — девушек СОГУ им. К.Л. Хетагурова. Они на первое место поставили интересную работу как решающий фактор, а на второе место большую зарплату, а вот комфортные условия труда и свободный график — на последнем месте. Результаты опроса показали характерную ситуацию для нашего времени, когда при выборе работы уходят на второй план свободный график и комфортные условия труда, которые должны быть одними из важнейших для будущих жен и матерей, как необходимые условия для сочетания семейной жизни и трудовой деятельности. Будущее свое половина девушек видят высокими профессионалами в своем деле и допускают карьерный рост. Материальную обеспеченность многие видят в активном участии в общественном производстве, но к сожалению допускают содержание их богатым мужчиной.

Несмотря на имеющиеся различия в ориентациях на будущую профессию, у большинства девушек наблюдаются достаточно четко сформированные представления о будущей жизни и стремление к самостоятельной активной деятельности и саморазвитию. Они выстраивают последовательность и поэтапность своих жизненных целей: получение образования — создание семьи и рождение ребенка, профессиональный и карьерный рост, рождение

второго ребенка. Женщина-осетинка демонстрирует желание адаптироваться к новым социально-экономическим условиям развивающегося рыночного общества, найти в нем свое место. Активное стремление к самореализации является определенным критерием динамичности их духовно-нравственной жизни.

Влияние существующих негативных тенденций — ухудшения статуса женщины в семье и обществе; изменения ее духовно-нравственных ориентиров в условиях дискриминации в производственной и общественной сферах; ухудшения ее физического и нравственного здоровья; падения престижа материнства; появления альтернативных форм брака — неизбежно ведет к изменению сущности духовно-нравственного потенциала осетинки.

Снижение роли и статуса семьи в обществе, ее кризисное положение неизбежно сказывается на духовно-нравственном мире женщины.

Кризисные явления в обществе ставят современную осетинскую семью и женщину-осетинку перед необходимостью выбора той или иной модели существования, в которой она могла бы реализовать свои основные функции, потребности и потенциал. Попытки совместить профессиональную деятельность и карьеру с семейными заботами разбиваются о реалии действительности, отсутствие возможности поэтапной и последовательной реализации своих социальных ролей и функций.

Качественный и количественный анализ результатов опроса среди молодежи свидетельствует о наличии в сознании участников анкетирования представлений о традиционном гендерном распределении социальных ролей в семье и обществе. Хотя, как показали результаты опроса, отступление молодежи от известных традиционных семейно-брачных отношений в сторону немоногамных, альтернативного типа брака — гражданский брак — это действительность духовно-нравственного потенциала, но, к счастью, немногих. Радует, независимо от пола респондентов, статус женщины-Матери, хранительницы семейного очага, и ее роль в воспитании детей оценивается высоко. Наблюдается противоречивая тенденция, при которой предъявляются высокие требования к духовно-нравственному облику Матери и одновременно считаются приемлемыми антисемейные формы поведения.

Статусно-ролевые позиции женщин по сравнению с мужчинами изначально оцениваются всеми респондентами как низкие в сферах общественной и семейной жизни. Сохраняются традиционные представления о распределении обязанностей в семье, в профессиональной и публичной сфере, где продолжают доминировать мужчины. Преодоление этих противоречий и повышение реального статуса женщины в обществе и семье возможно путем поэтапной реализации ею собственных и общественно значимых целей и ценностей: получение образования, рождение ребенка, профессиональный и карьерный рост. Это утверждение следует из результатов нашего исследования.

Изменению содержания духовно-нравственного потенциала женщины — осетинки способствуют ухудшение их социально-правового и экономическо-

го статуса, снижение уровня и качества жизни, явления дискриминационного характера. Надо отметить, что снижение роли и статуса семьи в обществе, ее кризисное положение неизбежно сказывается на духовно-нравственном потенциале женщины. При этом возможности его реализации в различных типах семей остаются неодинаковыми.

Коренные изменения духовной жизни в РСО-Алании подвергли серьезной трансформации ценностные установки молодежи. Анализ результатов исследования подтверждает, что семья, сохраняя для молодого человека сакральное первостепенное значение, на сегодняшний день находится в состоянии кризиса. В тяжелой ситуации оказываются особенно женщины, на которых возлагается особая ответственность за воспитание детей и межпоколенческую трансляцию ценностей. Снижению статуса женщины в традиционном осетинском обществе среди молодых способствует поведение, ориентированное на материальное благополучие не за счет внутреннего потенциала, а путем выгодного «контрактного» сожительства.

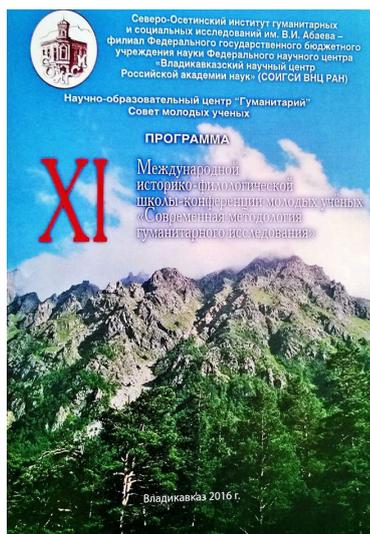
Сегодня женщина не может позволить себе ограничиться лишь одной социальной ролью, будь то мама или бизнес-леди. Наиболее приемлемо сочетание ряда статусных позиций, ролей как на уровне института семьи, отношений внутри семьи, так и внутри общества. Современная женщина стремится гармонично сочетать и успешно реализовывать те социальные роли, которые для неё важны и интересны.¹

Примечания

1. Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы / Отв. ред. А. В. Рябова, Е. Ш. Курбангалеева. М., 2003.
2. Варнакова Л. А. Духовно-нравственный потенциал женщины в социокультурных представлениях молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. №1 (6).
3. Гурко Т. А. Родительство: социальные аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
4. Караханова Т. М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени // Социологические исследования. 2003. № 1.
5. Лапин Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Мир России. 2000. № 3.
6. Любимова А. Б. Статус семьи: проблемы эволюции. Н. Новгород, 1998.
7. Порохнюк Е. В. Трансформация статусно-ролевых позиций современной женщины в институте семьи // Вестник АГУ, 2013. Выпуск 4 (130).
8. Саралиева З. Х., Блонин В. А., Егорова Н. Ю. и др. Жизненные миры современной российской семьи. Н. Новгород, 2015.
9. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.
10. Харчев А. Т. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.

¹ Порохнюк Е. В. Трансформация статусно-ролевых позиций современной женщины в институте семьи. Вестник АГУ. Выпуск 4 (130) 2013. с. 126.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В СОИГСИ состоялась XI Международная летняя историко-филологическая школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».

Организаторами конференции ежегодно выступают Научно-образовательный центр «Гуманитарий» и Совет молодых ученых СОИГСИ.

В работе Школы традиционно принимают участие молодые ученые Северной и Южной Осетии, Чеченской республики, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Ставрополя, Москвы, Санкт-Петербурга, ближнего и дальнего зарубежья. В программе форума: мастер-классы и лекции ведущих ученых, практические занятия со студентами, аспирантами, соискателями. Молодые ученые представляют результаты своих изысканий в области истории, этнографии, филологии, социологии и политологии, участвуют в научных дискуссиях, завязывают профессиональные и дружеские контакты, оценивают свой научный потенциал.

Приветствуя постоянных и новых участников, директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор **Залина Владимировна Канукова** отметила: «11 лет для молодежного научного форума — солидный возраст. Нашу очередную летнюю школу-конференцию молодых ученых мы проводим в непростых условиях реформирования российской академической науки. Однако, какие бы реформы не происходили, какие бы коррективы не вносились в стратегию научно-технического развития нашего государства, неизменным остается одно — поддержка молодых ученых. Все ведущие научные фонды: Российский научный фонд, Российский гуманитарный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований и многие другие — предлагают молодежи широкие возможности грантовой поддержки. От молодых ученых требуется только активность».

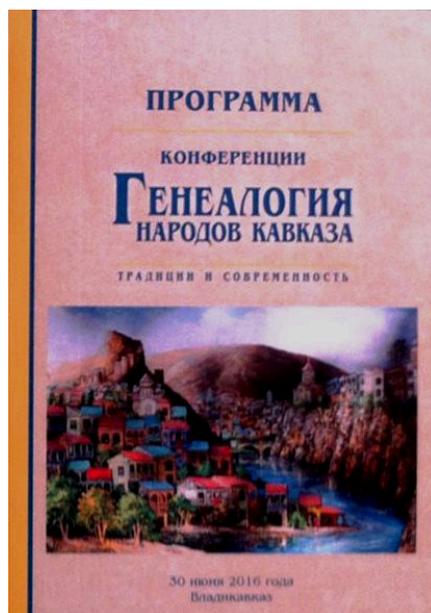

Пленарное заседание продолжили **познавательные мастер-классы**: «Методы использования архивного материала в научных исследованиях» заведующей научным архивом СОИГСИ, кандидата филологических наук **Р.Н. Абисаловой** и «Опыт создания образовательных мультимедийных проектов на основе архивных коллекций как способ повышения информационной культуры молодежи» младшего научного сотрудника отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидата искусствоведения **Д. М. Дзлиевой**.

Работа Летней школы-конференции молодых ученых продолжилась в рамках секционных заседаний

В Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева состоялась Международная научная конференция «Генеалогия народов Кавказа: традиции и современность».

Организаторами конференции традиционно являются Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева и Северо-Осетинское историко-родословное общество под председательством доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника СОИГСИ Ислам-Бека Марзоева.

Как и в предыдущие годы, авторитетный генеалогический форум вызвал интерес ученых Северной и Южной Осетии, республик СКФО, Москвы, Санкт-Петербурга, Грузии, Армении, Азербайджана.

В программу конференции вошли уникальные исследования по широкому спектру направлений: генеалогия семьи, фамилии, рода; генеалогические связи народов Кавказа; генеалогия и кавказоведение; историография и источниковедение генеалогии народов Кавказа; методика генеалогических исследований на Кавказе.

Ученые СОИГСИ приняли участие в научном форуме эпосоведов в Калмыкии

15-16 сентября в Элисте состоялась III Международная научная конференция «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования», посвященная 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и 50-летию отдела фольклора Института.

Научный форум, нацеленный на выявление актуальных проблем эпосоведения, сохранения и изучения героического эпоса «Джангар», типологии, текстологии, исполнительского искусства, внедрения информационных технологий в эпосоведческие исследования

В мероприятии приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Грозного, Уфы, Ростова-на-Дону, Самары, Якутска, Горно-Алтайска, Японии, Китая, Абхазии, Монголии, а также представители Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева: старший научный сотрудник отдела источниковедения, канди-

дат филологических наук **Диана Сокаева** и кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы **Елизавета Дзапарова** (тема доклада: «Сюжетная мотивация мотива угона табуна лошадей в осетинском фольклоре: нартовский эпос, предание с элементами богатырской сказки»).

Совет молодых ученых и специалистов при Главе РСО-Алания возглавил научный сотрудник СОИГСИ, кандидат исторических наук Борис Синанов

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 16, 2016

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 25.12.2016.
Формат бумаги 70×108 1/16. Бум. 65 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 19,8. Тираж 100 экз. Заказ №205.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru